

КОМПЛЕКС
СОЦИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ
МОСКВЫ

М в памяти моей Москва

Сборник мемуаров
жителей столицы

Ярослав Онопенко

РУКОВОДИТЕЛЬ ГЛАВАРХИВА МОСКВЫ

Конкурс на самые интересные мемуары «В памяти моей Москва» приурочен к 874-летию столицы. Среди представленных на конкурс произведений: мемуарная литература, видео- и фотоматериалы, рассказы о своей жизни, о встречах с выдающимися и интересными людьми, непридуманные истории, отрывки из воспоминаний. Очень радостно, что в конкурсе «В памяти моей Москва» приняли участие так много горожан. Все участники проделали большую работу, и я надеюсь, что их истории вдохновят москвичей больше узнавать о прошлом своей семьи и города, а может, даже начать писать собственные мемуары.

Елена Громова

РУКОВОДИТЕЛЬ
ГБУ «МОСКОВСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ»

Очень приятно, что наша инициатива получила такую популярность. Читая мемуары участников, я восхищалась умению обычных людей так прекрасно выражать себя в прозе, стихах и даже акварели. Некоторым авторам помогали дети, внуки и, при необходимости, сотрудники московских социальных центров. Рада, что наш конкурс во всех смыслах объединяет поколения. Благодарю всех участников за вашу фантастическую память и любовь к Москве!

Дмитрий Кошляков-Крестовский

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ПИСАТЕЛЬ ГОДА»

Дорогие друзья! Спасибо вам за то, что поделились своими воспоминаниями о нашем прекрасном городе! Мы сами пишем историю Москвы, а в воспоминаниях сохраняем и передаем тот неповторимый московский дух, который живет только здесь. Надеюсь, что этот конкурс будет ежегодным. Спасибо вам большое за участие!

Содержание

Москва дружная

Москва объединяющая

Москва изменчивая

Москва семейная

Москва романтическая

Москва зеленая

Москва космическая

Москва автомобильная

Москва студенческая

Москва дореволюционная

Москва довоенная

Москва военная

Москва послевоенная

Москва творческая

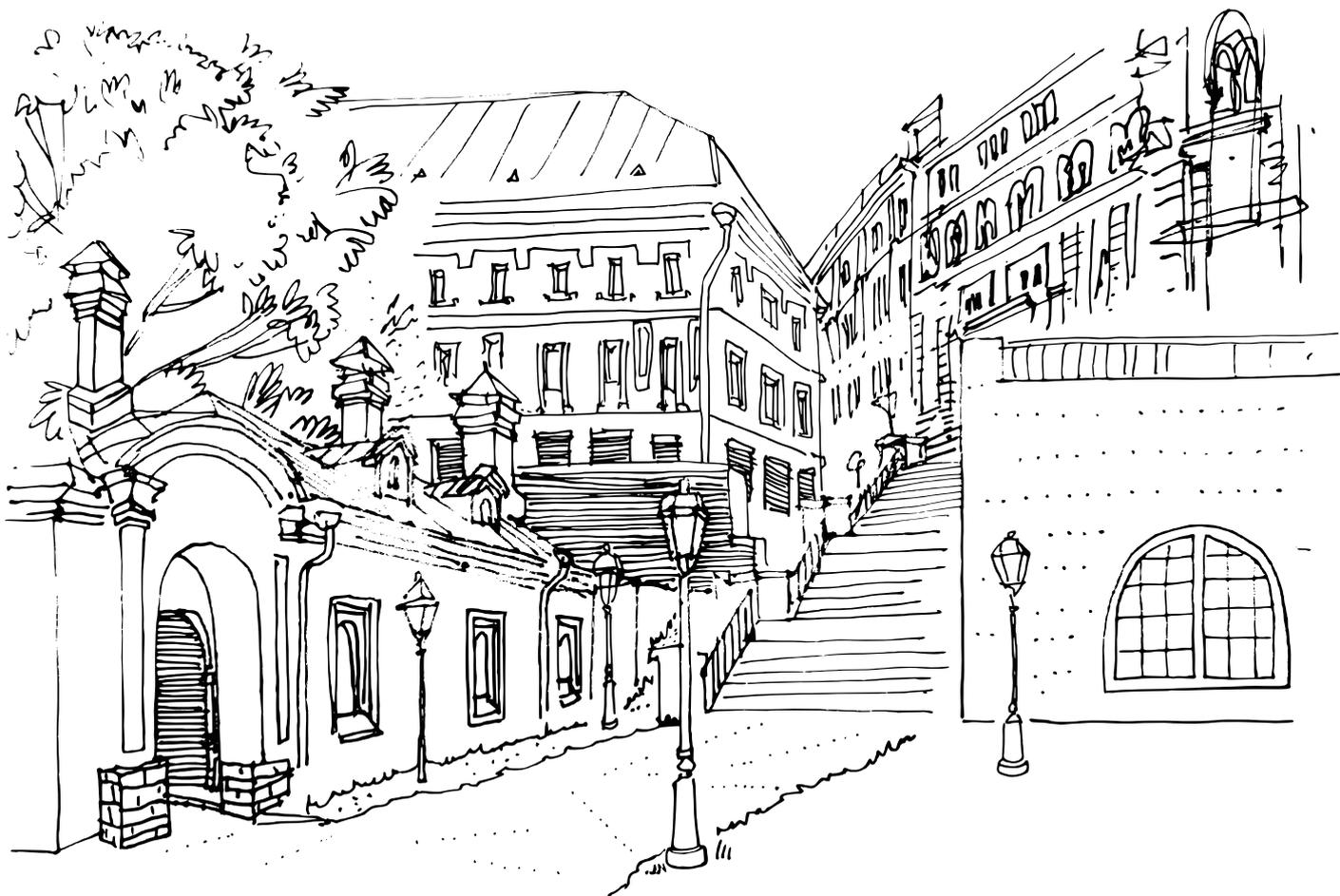
Москва акварельная

Москва спортивная

Москва православная

Москва поэтическая

Благодарности

Москва дружная

Елена Николаевна Кучер, 61 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БИРЮЛЕВО ВОСТОЧНОЕ

МОЯ ПЛЮЩИХА. 60-е, 70-е и начало 80-х

Дом

Я выросла в зеленых садах и двориках улицы моего детства и юности – Плющихи. Мы с родителями жили в одноэтажном домике с окном, выходящим из комнатки в 14 метров на Плющиху (прямо напротив стадиона «Буревестник»), и другим окном (из крошечной кухни), смотрящим во дворик. На подоконнике в горшочках всегда цвели замечательные мамины цветы. Поэтому нередко прохожие останавливались и любовались ими. И я, делая уроки за нашим круглым семейным столом, который стоял прямо у окна, невольно замечала расцветающие, распахивающиеся от красоты цветов, улыбочивые лица людей и складывала эти впечатления в свое сердце. Тысячи слов формата конкурсного текста, конечно, не хватит, чтобы рассказать об этом особом в Москве «государстве Плющиха». Но я попробую.

Дверь из кухни выходила прямо на «пяточок» внутреннего дворика с лавочками и тополями. И летом наша дверь была открыта нараспашку вплоть до темноты. Любой из наших добрых соседей мог запросто зайти и попить чаю с вкусным вареньем и поболтать о жизни. У нас для этого на кухне даже стояла «гостевая табуретка». Мои друзья и знакомые, одноклассники тоже помнят легендарный чай с вареньем и мамиными фирменными сырниками...

А уж когда мама пекла свои

волшебные пироги с многочисленными начинками и сладкие ватрушки с плюшками в придачу, аромат разносился по близлежащей округе. Пеклось около 8 больших противней и, наверное, только половина оставалась дома. Кстати, и на праздники чаще собирались у нас, а не в многокомнатных квартирах. Всем хватало и места, и угощения, а в теплое время еще и танцплощадка во дворике в одном шаге от дома. А с каким наслаждением можно было танцевать босиком на теплом асфальте или траве! И это в центре Москвы!

Три дома № 58 на Плющихе

На тот же наш «пяточок» во дворике выходила дверь соседнего двухэтажного дома № 58, строение 2 с коммунальными комнатами. И жили там замечательные и занимательные люди.

Мария Федоровна, как она мне сама порой представлялась: «Я – дочь ломового извозчика»! Это была интеллигентнейшая, худенькая, всегда одетая со вкусом во что-то элегантно-воздушное «старушка» (ну, это с позиции моего юного тогда возраста) с чистой и четкой московской речью. Она ходила в Храм Николая Чудотворца в Хамовниках. Она помогала всегда и всем, в том числе и нам.

Мама пекла на всех пироги, сажала цветы и деревья во дворе, а Мария Федоровна развешивала, к примеру, мокрое белье на веревочках, которые как раз соединяли два наших домика, а позже торжественно входила к нам с высокой стопкой свежесвыглаженного белья. Так жили москвичи...

Другая соседка из того же дома, Анастасия Филипповна, напротив, происходила из дворян. Порой шутила:

«Я – столбовая дворянка». Она была художником декоративно-прикладного искусства. Ее комнатка, похожая на музей, была тесно заставлена смешными собачками и другим зверьками, вязанными крючком из тонкой пеньки, желтыми абажурами из кожицы дыни или тыквы, фигурками и светильниками из дерева и другими волшебными вещами. Ее дверь открывалась – и... я попадала в сказку, где исчезали пространство и время.

Филипповне было под 80, а мне 14. Она знала, что я уже 7 лет серьезно занимаюсь хореографией в ДК «Каучук», который был в пяти минутах ходьбы от нас. И все-таки Филипповна меня удивила. Она быстро и легко демонстрировала несколько балетных «па», и это с абсолютно прямой спиной и без «станка»!

А в соседнем уже пятиэтажном доме, тоже под № 58, жила еще одна удивительная «старушка», которая дружила с моей мамой. Ее звали «бабой Женей». Мудрая верующая женщина дарила маме тетрадки с молитвами, переписанными от руки! Это уже потом близ Погодинки (тоже рядом с нами) будут издаваться духовно-церковные книги, а тогда все переписывалось от руки с чистым сердцем и чистыми мыслями. Недавно открылся музей «Вера в СССР» при Храме преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, и теперь 12 рукописных тетрадок бабы Жени находятся там.

Вот такие замечательные москвички жили в трех разных домах с одной нумерацией 58 под разными номерами строений. В этом есть что-то мистическое... Единый номер объединял разные судьбы и характеры, и дружили люди по-настоящему и жили, как ОДНА семья.

Настоящее и будущее

Теперь, по Плющихе, 58 только два дома. Наш домик сломан – осталась единственная колонна от бывших ворот, к которым дом примыкал. А двухэтажный дом, где жила «Филипповна», стал рестораном «Тинатин». Хорошо, что хоть в пятиэтажке живут люди. Кстати, эта пропорция «сломан, занят, живут», наверное, к сожалению, отражает общую ситуацию с домами Москвы. В 2019 я заходила во двор пятиэтажки и...

встретила там людей, которые до сих пор добрым словом вспоминают, как моя мама Александра Ивановна многие годы сажала здесь цветы и деревья. И ее деревья растут!

Рукописные молитвословы бабы Жени, посаженные мамой деревья, добрые поделки мастерицы Филипповны.. Хорошо бы, чтобы и у нас нашлось ТО, что наши дети и внуки смогут складывать, сохранять в своих сердцах. Тогда не будет прерываться НАША МОСКОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ!

Формат ограничивает мой скромный рассказ о жителях «государства Плющиха» (этих жителей гораздо больше). Но сколько же таких «островов-государств» живет в НАШЕЙ ОБЩЕЙ МОСКОВСКОЙ ПАМЯТИ. А значит, несмотря ни на что, будет жива и Москва.

P.S. К сожалению, я не сфотографировала наш домик. Думала, что еще успею. Очень горевала. А потом в интернете нашла одну-единственную его фотографию и попросила сына сделать мне подарок – нарисовать мой дом. Вот его рисунок, в котором цвет домика передан верно! Он действительно солнечно-золотой, ведь это любимый цвет Москвы.

Елена Васильевна Марченко, 67 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ПЕЧАТНИКИ

Я Елена Васильевна Марченко, в девичестве Зуйкова, родилась в Москве в 1-й Градской. Жили на Донской улице, что одобряли родственники мужа – донские казаки. В маленькой комнате одноэтажного деревянного домика помещались восемь человек: бабуля, дядя, две тетушки и мои родители, и первой кроватью был верхний ящик комода. Дома этого давно нет, напротив Ризоположенского храма стоит многоэтажный, но две березы, растущие из одного корня у кухонного окна, до сих пор сохранились. Вскоре папа, военный инженер, преподаватель Военно-Воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского, получил комнату в знаменитом 10-12-этажном доме с гранитными шарами и сигнальными фонарями на крайних башнях Петровско-Разумовской аллеи, 16. В каждой из двух соседних комнат тоже жили семьи старших офицеров. Но в нашем профессорско-генеральском доме были и отдельные квартиры для выдающихся людей авиационно-космической отрасли: авиаконструктора штурмовика ИЛ-2 Сергея Ильюшина, теоретика ракетных систем Александра Красовского, изобретателя Михаила Новикова. Барельефы, пилястры, вазоны, лепнина – классический стиль сталинский ампи́р. Библиотека на втором этаже. Детский сад – на первом, и в него можно было попасть из подъезда, не выходя на улицу. Для прогулок в Петровском парке открывался главный вход с другой стороны. Фотография на гулянье с велосипедом в дальнейшем послужила основой для картины мужа Евгения Власовича Марченко (Марчелло) «Светлое будущее», только вместо моего дома там Главное здание

Московского Государственного Университета. Папа часто катал нас с мамой и сестренкой на «Победе» и, заезжая на Ленинские горы, показывал Университет, надеясь, что мы будем там учиться. Петровский парк не был в таком ухоженном состоянии, но вилла Н.П. Рябушинского производила впечатление. Постоянно посещали с папой футбол, проходя с толпой через кордон конной милиции. Рядом стоящее здание Вычислительного центра Министерства обороны было прообразом первого компьютера, думаю, информация его поместилась бы в одном айфоне. Про полет Юрия Гагарина узнала, учась в первом классе и, конечно, когда его встречала Москва, прогуляла уроки, с восторгом бегая по улице в толпе веселых и возбужденных людей! Далее... Новый дом! Получили «шикарную» двухкомнатную квартиру в пятиэтажном доме на Речном вокзале! Метро еще не было, конечная станция «Сокол», далее на троллейбусе 12 остановок, и по глине к дому. Ничего еще не построили, только школа и несколько домов. Вместо магазина – ларек, куда ходили за продуктами и мукой по талонам. На новоселье к нам приехали папины сослуживцы по кафедре в Академии, некоторых уже приняли в Отряд космонавтов (одни впоследствии полетели, другие нет, и Гагарин тоже там учился после полета). Помню оживленные рассказы, маму с «бабеттой» в голубом платье. Свои праздничные наряды

она приобретала в ателье на углу Кузнецкого моста и улицы Жданова, рядом с общесоюзным Домом моделей. Мы были счастливы в новой квартире без очередей в туалет и с собственной ванной комнатой. Началась совершенно другая жизнь с появлением вокруг нас разных строений: дома, магазины, кинотеатр, студия «Центрнаучфильм». Мама целый день работала, была ассистентом режиссера на студии, а мы были в курсе всех последних театральных новинок, посещая спектакли, которые они снимали. Мы с сестрой бродили после школы одни, вокруг было много интересного! В новой школе были обязательные танцы, и я выходила Белочкой в «Сказке о царе Салтане». Потом открыли музыкальную школу, уговорила купить пианино и с радостью занималась. И гимнастика на разновеликих брусках! И популярное фигурное катание. Но больше всего я любила читать!

В этой квартире у нас появился долгожданный младший братик! Учеба в МГУ – это отдельный рассказ. Главное здание – это город в городе. Там есть все: общежитие для студентов и аспирантов, квартиры для профессорско-преподавательского состава, пельменная, столовые, в которых на столах стоял бесплатный хлеб и в титанах был бесплатный чай, ресторан, магазины, ателье, ремонтные мастерские, научная библиотека, Музей земледения, Дворец культуры. Три факультета: геологический, механико-математический, географический и ректорат. Знала студентов, которые, не имея теплой одежды, зимой не выходили на улицу, незачем. Кроме учебы писала в газету «Московский Университет» о Студенческом театре МГУ. Новогодние и праздничные вечера, в которых участвовали студенты и других московских вузов, длились до утра, занимая нижние этажи представлениями, танцами и угощениями. И новое место жительства... Познакомилась со студентом Строгановки, он хотел написать мой портрет, до этого как-то сразу дело не дошло, и мы поженились. У нас сын и дочь. Муж, Евгений Власович Марченко (Марчелло), стал известным живописцем, участвовал во все-союзных выставках. Его работы есть в музеях страны и за рубежом, росписи и иконы в московских и российских храмах. Гуляя с ребенком в коляске, купила газету «Среда», приложение к «Вечерней Москве», с объявлениями об обменах жилплощадью. Мы нашли варианты: трехкомнатная квартира в Печатниках или Орехово-Борисово. Посмотрела на карте, оказалось в одном районе есть метро «Текстильщики», а в другом – нет. Выбор очевиден, и мы оказались в чудесном месте на берегу Москвы-реки. В пустой квартире стояли только диван, детская кровать и

шкаф, но зато у мужа была отдельная комната-мастерская. Наше счастье усилило появление доченьки!

Живу в Печатниках почти 50 лет, в 2009 году не стало мужа. Целая жизнь прошла здесь. Дочь с мужем основали ювелирный дом Kliment & Mariya. У них сын и дочь. Район очень изменился в лучшую сторону, наш дом на второй линии набережной, все такой же спокойный. А жизнь кипит, скучать некогда! Очень люблю путешествовать по стране по путевкам от соцзащиты. Побывала в Костроме, Твери, Калининграде, Щельково, Пензе, Подлипках.

Владимир Витальевич Терехов

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ТУШИНО СЕВЕРНОЕ

Фраза «Москва – большая деревня» запущена в оборот императрицей Екатериной Великой в мае 1785 года. И то, что и в 21 веке это так, я убедился на собственном опыте. Еще в студенческие годы, возвращаясь из стройотрядов, я всегда находил у кого на пару дней остановиться в Москве. А уж когда перебрался в Москву «для постоянного проживания», убеждался в этом неоднократно.

Мы жили на частной квартире в Марьиной Роще, и частенько вечерами пешком ходили в центр. Однажды в субботний вечер прогуливаемся по Сретенке. Народу на улице нет. Идем с супругой, болтаем о том о сем. Идущего навстречу из центра офицера я заметил издали. А когда он подошел, удивился еще больше. Подполковник, задумавшись, прошел мимо, но я его окликнул: «Саша, не узнал?» Офицер остановился, оглянулся: «Володя, а ты что тут делаешь? – он сделал паузу, потом вспомнил – Что я говорю, ты же в академию перебрался». Это был начальник штаба соседнего полка. Он, как оказалось, через полгода после меня тоже перевелся в Москву. Постояли, поговорили. Вот телефонами обменяться не удалось, за разговором забыли, с тем и разошлись.

Встречи в метро еще удивительней. Народу много и в рабочие дни, и в выходные. В одно из воскресений я ехал по Калужско-Рижской ветке. На «Алексеевской» в вагон заходит офицер из моего полка: «Товарищ полковник, вот это встреча». И тоже долго поговорить не удалось. Он торопился на вокзал и вышел на «Проспекте Мира». А на «Сухаревской» входит еще один офицер. Только

поздоровались, как на «Тургеневской» вошел еще один однополчанин, а на «Китай-городе» еще один. Я решил не выходить, так за разговором проехали еще несколько остановок, пока ребята не вышли по своим делам.

Времени до начала встречи было много. Я добрался до офиса и позвонил домой. Супруга не удивилась, заметив, правда, что я не одет для ресторана. Но упустить шанс встретиться с однополчанами я не мог. Ресторан был недалеко от метро. Зашел в маленький зал – никого. Официант, увидев, что я внимательно осматриваю зал, сказал: «Может, вы ищите компанию, так она в соседнем зале», – и показал дорогу. Народу в зале было немного, а за сдвинутыми столами сидела группа, среди которых я сразу узнал Новицкого и еще нескольких офицеров из моего полка. Я неспешно подошел и громко сказал: «Добрый вечер, товарищи офицеры».

Удивлению присутствующих не было предела. Поздоровавшись с каждым за руку, я предупредил, что, к сожалению, по фамилии всех не вспомню. Но всех офицеров и прапорщиков полка могу вспомнить, список остался. Я рассказал, как оказался здесь, передал извинения Саши Редькина. Выпили за наши полки, помянули тех, кого уже нет. Рассказывали о себе, о семьях, службе и жизни после армии. Разошлись часов в десять вечера. А на следующую встречу меня уже пригласили. Народу собралось немного. Один из офицеров принес флаг с изображением «Тополя» и номером дивизии. Сфотографировались – и кто-то попросил флаг отдать. Долго спорили, кому, а потом решили, что проще заказать столько, сколько нужно. Тут же скинулись. Вечер, посвященный пятидесятилетнему юбилею Ракетных войск стратегического назначения, прошел «на ура». Готовые флаги забрали через неделю. К сожалению, на следующую встречу я прийти не смог. Но с некоторыми однополчанами иногда созваниваюсь. Так что то, что «Москва – большая деревня», где встретить знакомого очень просто, верно и в двадцать первом веке.

Елена Сергеевна Белова, 64 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БИРЮЛЕВО ЗАПАДНОЕ

Наверное, самое дорогое, что есть у человека – это его воспоминания. Это то, что мы свято храним в своей памяти, и то, что нельзя отобрать у человека никогда.

Мое советское детство не уходит навсегда, оно является во снах из образов тех, кто жил в то время рядом.

Советский Союз, Москва, 1964 год. Я пошла в первый класс, улица Нагорная, школа 517.

Первый раз в первый класс мы пошли вчетвером из нашего дома: Лена Снастина (то есть я), Света Тимакова, Сережа Бокков и Коля Шлыков. Такая была компания. Со Светой дружили. С мальчишками иногда дрались, особенно с Колькой. Это при том, что Коля был из интеллигентнейшей семьи. А я совершенно не склонная к конфликтам с детства.

Лена Снастина – это олимпийское спокойствие, такая была у меня характеристика. Но дралась!!!

Наш директор Дмитрий Андронович Малиновский в старших классах преподавал историю. Мой любимый предмет. Моя первая учительница – Зинаида Николаевна Коновалова.

В 60-х годах основная задача школы – предоставить всем равные возможности в получении бесплатного образования. Учились шесть дней в неделю, суббота у родителей была рабочим днем, и мы тоже ходили в школу.

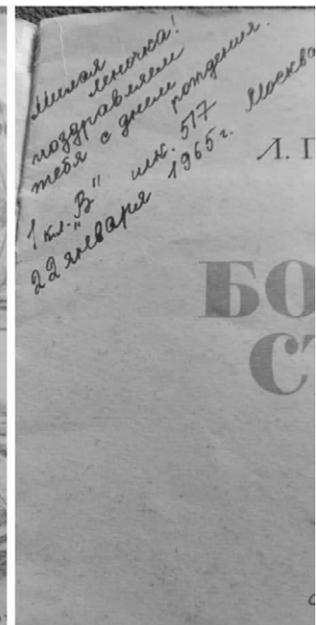
Все мы, маленькие и немного испуганные, пришли в первый класс, с восхищением смотрели на учителя, впитывали каждое слово, старались изо всех сил. Я пошла в школу в 7,5 лет. Раньше были строгие правила, и годом раньше меня не взяли. Хотя я была подготовлена: читала, писала.

Советские школьники носили форму. Фактически она являлась аналогом гимназической формы царской России. Она также состояла из платья и фартука, белого в праздничные дни и черного в будни.

Начальная школа была с 1 по 4 класс. Уроки по 45 минут. Арифметика, русский язык, чтение, рисование, труд, пение. У нас еще были уроки ритмики. Девочки очень их любили. В этот день можно было приходить не в форме, а в красивом платице. Все старались! У нас в классе учились два брата Ашмарины – Миша и Сережа. Симпатичные мальчишки, всем хотелось встать в пару именно с ними!

Всегда веселыми были уроки физкультуры. Рядом находился зеленый массив «Сосенки». Теперь там парк, а раньше зимой мы катались на лыжах.

Рядом с домом, около ЖЭКа всегда заливали каток. Мне

коньки нравились, ходила почти каждый день кататься. Мама купила красивое красное вельветовое платье, отделанное каким-то «мексиканским тушканом», специально для катка.

Зимой участвовали в игре «Зарница». Строили снежные крепости, потом сражались до победы какой-то команды. Ох, как это всегда было весело, интересно! Бились с азартом.

Сбор макулатуры и металлолома! Это отдельная история. Ведь каждый класс старался собрать побольше и выиграть. Обходили все окрестные дома по квартирам и не боялись, что может случиться что-то плохое. Телефоны были не у всех, и даже с работы родители не могли позвонить и спросить, где ребенок, чем занят. Но к приходу родителей уроки были сделаны. Никто не сидел с тобой, ты сам все делал. Под собственную ответственность. И пятерки, и тройки были честно заработанные.

Многие занимались в кружках. Я пела, играла на фортепиано. Моя подружка Наташа Митрофанова занималась фигурным катанием в Лужниках. Многие мальчишки ходили в спортивные секции. Все это было бесплатно в те годы.

Вот такие школьные годы в Советском Союзе. Хорошие, теплые воспоминания.

Милые подружки, хорошие учителя, знания, которые помогли выбрать жизненный путь и правильно сориентироваться в трудной взрослой жизни. Все это со мной, в душе, в сердце НАВСЕГДА!

Ирина Витальевна Бутримова, 69 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
МИТИНО

Я коренная москвичка в третьем поколении и очень люблю мой родной город. Это рассказ о дворике моего детства. Мы жили тогда на Кутузовском проспекте. Возле метро «Кутузовская» стоит здание серого цвета с колоннами наверху. Во дворе этого здания находится восьмиэтажный кирпичный дом, в который наша семья въехала, как только его построили в 1957 году. Мне было тогда пять лет.

А дворик у нас был замечательный! Там были беседки, цветочные клумбы, аккуратно огороженные деревянными заборчиками газоны, еще была голубятня, конечно, стол для домино и спортивная площадка. Летом мальчишки играли на ней в футбол, а зимой заливали каток, и дети катались на коньках. Коньки тогда были разные и менялись в зависимости от возраста. Сначала я каталась на двухполосных коньках, затем на снегурочках. Это были коньки с загнутыми носами. Они крепились к обуви с помощью ремешков. Потом мне купили гаги на черных ботинках, но кататься на них было неудобно. Ботинки были низкие, не фиксировали голеностоп, и ноги все время подворачивались. А когда мне купили коньки для фигурного катания на высоких белых ботинках, я была в восторге!

В середине двора была построена сцена с большим экраном и ряды скамеек для зрителей. Летом во двор приезжала машина, с которой показывали художественные фильмы. Народ из окрестных домов усаживался на скамейках, кому места не хватало, приходили со своими стульями. Мы жили на третьем этаже, окно и балкон нашей комнаты выходили во двор, и мы смотрели кино со своего балкона.

Летним вечером во двор выходил дворник в белом фартуке и поливал из шланга двор, а вокруг него скакали дети с друж-

ным криком: «Дяденька, полейте!». Когда он направлял струю в нас, мы с визгом разбегались в разные стороны. Сколько радости было в этом визге!

И еще в нашем дворе была большая деревянная горка, с которой катались все дети нашего двора. А какие крепости мы строили зимой из снега! Нас в детстве научили играть в разные игры, и нам во дворе никогда не

было скучно. Мы играли в 12 палочек, в прятки, в вышибалы, прыгали через веревку, играли в классики баночкой от гуталина, в «испорченный телефон» и в «колечко, выйди на крылечко»... Детей во дворе было много, поскольку квартиры в домах были в основном коммунальные. У нашей семьи была восемнадцатиметровая комната в трехкомнатной квартире, в которой жили еще две семьи. Всего в квартире жили 12 человек, из них 5 детей. Наша семья состояла из 4 человек: папа, мама, бабушка и я.

658-я школа, в которой я училась, была на Студенческой улице. Чтобы туда попасть, мне нужно было выйти из нашего двора, пройти вдоль дома, в котором жили артисты, и перейти Студенческую улицу с трамвайными путями. Пешеходного перехода там не было. Мои родители уходили на работу рано утром, и провожать меня в школу у них не было возможности. Из дома артистов всегда были слышны музыка и пение. В этом доме жил композитор Андрей Эшпай.

Класс у нас был большой, но дружный. У нас никогда не было ни ссор, ни драк. Почти половина класса были дети из нашего двора, а пятеро из нашего подъезда. Мы познакомились и подружились еще до того, как пошли в школу. Наши папы работали в одной организации и многие были знакомы друг с другом. После занятий в школе я ходила в группу продленного дня. Однажды у нас произошел забавный случай. Я училась тогда в четвертом классе. Воспитателем в группе была мама одного из наших одноклассников. Они тоже жили в нашем дворе. Она попросила меня и еще одну девочку сходить в продовольственный магазин купить для нее десяток котлет, дала нам деньги и объяснила, как туда идти. Мы с радо-

стью согласились. Котлеты тогда продавались поштучно, а упаковывали их в пакеты из серой оберточной бумаги. Сумки у нас не было, и я несла пакет в руке. Пока мы шли, пакет размок и порвался, и все котлеты вывалились на асфальт и смялись. Мы их собрали, немного подправили, завернули, как смогли в рваный пакет и принесли воспитательнице. Нам и в голову не пришло рассказать о происшествии. Все раскрылось, когда вечером она поджарила эти котлеты на ужин! На следующий день она осторожно спросила у нас, что произошло с котлетами, и мы честно все рассказали. Она не ругала нас и долго смеялась, но сходить в магазин больше не просила.

Когда мы переехали в другой район, я долго скучала по нашему дому, двору и по моим друзьям-одноклассникам. Мне очень хотелось вернуться туда хотя бы ненадолго. Но это уже другая история.

Я хочу вернуться в детство,
В тихий дворик у метро,
С голубятней по соседству
И столом для домино.

Деревянные беседки,
Клумбы, лавочки, забор,
Все, наверно, изменилось
Во дворе с тех давних пор.

Но стоит восьмиэтажный
Дом, в котором я жила,
Где меня обедать мама
Через форточку звала.

Я приду туда однажды,
Обойду свой старый двор,
И дорожки, и беседки,
И покрашенный забор.

И опять, как будто в детстве,
Кто-то крикнет из окна
И замрет невольно сердце,
Вспомнив прежние года.

Алла Петровна Смеян, 73 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ

Родители говорили, что прямо из роддома меня принесли в только что достроенный дом. Это был один из десяти так называемых «немецких домов». В моей метрике местом рождения значится г. Перово Московской области. В моих воспоминаниях возникает картинка! Мы (я, папа, мама) стоим на остановке автобуса № 46, перед нами два моста, отделяющих нас от Москвы, вьюга, мы собираемся ехать в «город». Насыпь, по которой сейчас раз в месяц проходит короткий состав, называется «Симовкой». Зимой мы катались с нее в корытах, санках, особенно лихие на ногах, сцепившись «паровозикам». Летом в том же пруду мы купались. Вода была холодная, были ключи, и кто-то регулярно тонул, как нам говорили старшие.

Когда я ходила в детский сад, я много времени проводила со своей тетей, сестрой мамы, старшеклассницей, и ее друзьями. Воспитывали они меня в строгости, таскали на танцы, показывали фильмы демонстрировавшиеся на открытых верандах. Сначала мне все нравилось, а потом я начинала истошно орать: «Лелька, мне жарко! Пить хочу!». Все кутались в прохладный летний вечер в кофточки и хохотали надо мной.

Однажды зимой катались с той самой симовки, они ухитрились оторвать рукав от только что купленной мне заячьей шубки. Но я не признавалась в вине моих «воспитателей». Вообще, я никогда не плакала и не жаловалась на них, не стучала. В первый класс я пошла в школу, в которой сейчас живут мигранты. Лелька всегда провожала меня в школу, вырезала мне азбуку, учила таблицу умножения, сидела со мной, когда я болела «свинкой».

А потом ходила на работу, на завод «Молния». Это было градообразующее предприятие, построившее все, что есть в нашем поселке: улицу Михайлова с окрестностями, ДК 40-летия Октября, стадион.

«Хрущевки» были всеобщей любовью. Мы ходили друг к другу в гости и мечтали поскорее переехать в такую же. В ДК было великое множество кружков: вокал, рисование, хор, танцевальный, прекрасная библиотека. Я ходила в кружок фигурного катания и занималась на пианино. Сначала, когда у меня не было инструмента, я бегала к приятелям родителей, где была такая же девочка, но когда, после двух лет подошла наша очередь, черное большое пианино закатили в нашу комнату, я вдруг резко расхотела заниматься.

Летом мы ездили в лагерь от нашего завода, и чудесно отдыхали, кормя комаров в фанерных домиках. Вечером у нас были танцы, страсти, записочки... Красота! На территории завода была аллея, высаженная династиями, работающих здесь. Вообще, территория была великолепная: сирень, каштаны, розы, яблони, лавочки. Я тоже работала на заводе после окончания института. Сейчас завода нет. Под реновацию попала улица Михайлова. Наступила новая эпоха. Что ждет обитателей новых квартир? Пожелаю им счастья.

Владимир Ильич Ерахтин, 67 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТЕКСТИЛЬЩИКИ

Солнце, лениво цепляясь за луковичные купола церквей, закатным багровым колесом покатилося по московским крышам за невидимый горизонт мегаполиса, отдавая жителям последние лучи.

Вечерело. Сумрачная прохлада обняла за плечи, а я продолжал мерить шагами старинные кварталы Бауманской, наслаждаясь архитектурой домов и светящимися, такими разными окнами. Как хорошо, когда некуда спешить, так как Москва – это всегда динамичный ритм, суета. А я наконец-то окончательно вернулся домой из долгих командировок. А жизнь позади была, как и у многих: сегодня не там, где вчера.

Московские окна! Каждое хранит память прошлых лет. За каждым окном своя судьба, история поколений. Вот передо мной стоят трехэтажные особняки! Жадно заглядываю в их окна, будто пытаюсь представить тех людей, что жили здесь раньше. А душа поет: «Вот опять небес темнеет высь, вот и окна в сумраке зажглись...»

Здесь жили и живут мои друзья. Свернул в Немецкую слободу и увидел родную школу. Вспомнил детство, как нам – октябрятам на Красной площади торжественно повязывали пионерские галстуки. «Клянусь..!» Памятны первые шаги в комсомоле, школьные друзья и мой дом.

Мы жили тесно, но дружно. Знали всех соседей. Вместе были и в горе, и в радости. Коммуналки вмещали по две-три семьи. Дети – мальчишки, подстриженные под полубокс и девчонки с бантиками в косичках, играли все вместе в салочки, чижика, штандер...

В общем коридоре квартиры было ясно, чем «дышат» жильцы коммуналки. На стенах висели санки, велосипед,

лыжи. Все освещалось одной висящей на проводе лампочкой, засиженной мухами. У каждой квартиры запах с порога был разный, но по праздникам – одинаковый: все пекли пироги.

Я иногда с любопытством смотрел на соседние окна. Оттуда светило добротой и теплом. Мы жили на первом этаже, а на втором в окнах всегда было много света от розового абажура. Там жила жена репрессированного комдива. В прошлом она училась в Смольном институте благородных девиц. Во время войны трудилась сестрой милосердия, награждена медалью «За отвагу». Когда я пытался расспрашивать ее о подвиге, она весело отшучивалась. Мол, бежала, кирзовые сапоги запутывались в зеленой лапше травы, падала в пыль от каждого взрыва. Широкими полами огромной шинели зацепила пулемет и с ним скатилась в окоп. А в то место, где стояло оружие, через секунду угодил вражеский снаряд. Наградили за спасение огневой точки. В школе она преподавала литературу. Книгами я зачитывался, поэтому любил заходить в гости к «смолянке», так ее звали соседи. Она рассказывала, как после войны каждая семья жила надеждой. Каждый раз люди бегали на Белорусский вокзал встречать фронтовиков.

В 1961 году после полета Юрия Гагарина многие мальчишки мечтали стать космонавтами. С упоением смотрели кадры с Красной площади, видели его доклад о полете в космос Правительству СССР по маленькому телевизору марки КВН-49 с черно-белым экраном 10 на 15 сантиметров с увеличительной линзой впереди.

Чтобы воплотилась юношеская мечта, я пошел учиться в Бауманское училище на инженера ракетостроения. ВУЗ

был рядом, в пяти остановках трамвая. Готовился к поступлению в Пушкинской библиотеке на Спартаковской. Помню, как после каждого экзамена летним днем жадно пили газировку из автомата все по очереди из одного граненого стакана.

Мой отец работал мастером на АЗЛК. Как передовик, стоял в многотысячной очереди на получение квартиры в «хрущевке». Был он весьма «рукастый», и за рацпредложения инженеры с ним часто расплачивались «жидкой валютой», отчего он выпивал. В семье были часто скандалы, поэтому мне хотелось быстрее вырасти и стать самостоятельным.

Первый автомобиль, который купил отец, – «Москвич-407». За блеск «хрома» его называли «стилягой» и любили не меньше культовой 21-й «Волги». Однако отечественный двигатель ломался часто, да и не реже «ломался» сам водитель, поэтому «роскошь» чаще простаивала и ржавела.

На третьем этаже жила семья учителей. Их дочь – веснушчатая малявка с огромными бантами, училась на три класса младше меня. После училища приехал я в форме и встретил во дворе красивую девушку, без веснушек. Подросла, похорошела, платице подчеркивало ее «осиную талию». Столкнувшись на лестничной клетке, она спускалась вниз, такая светлая с улыбкой, словно восход солнца над Москвой-рекой, я пригласил ее на прогулку. Добирались от Сокольников до Парка на метро. На танцплощадке разноцветные стильные пары танцевали твист и рок-н-ролл. Перед кино съели эскимо. На последнем ряду в «Художественном», когда смотрели «Карнавальную ночь», первый раз поцеловал ее. На следующий день отстоял длинную очередь за кофе в Елисеевском, что на Тверской. Вскоре мы расписались, она стала моей женой и помощницей.

И носило меня – конструктора ракет, как осенний листок, по космодромам и гарнизонам. После хлопотных странствий каждый раз, возвращаясь, хотелось обнять Москву, надышаться ее театральной культурой, брусчатыми мостовыми улочками. С очередным приездом подмечал, как расцветала столица. Вот уже 75 лет наше поколение живет без войны, и каждый мирный год Москва поднималась на один этаж все выше и выше. Может, поэтому небоскреб «Меркурий Сити» имеет именно такое количество этажей.

Московские окна, они как глаза истории – видели все войны, были свидетелями всех столичных событий. Особенно кухонные окна, где обсуждались, как на партсобра-

нии, за чашкой чая городские сплетни и политические интриги.

Я не попал в отряд космонавтов. При испытании новой ракеты возникла нештатная ситуация. Помню только вспышку перед глазами: взрыв ракеты унес моих друзей – однополчан. Я остался жить, но из-за ранения моей мечте уже не суждено было сбыться. Теперь пишу мемуары и стихи, вспоминая отважных ребят.

На дворе Масленица. Я сижу в мягком кресле, завернувшись пледом, просматриваю альбом и жду приезда детей и внуков. Любимая колдует на кухне над блинами с кружевной корочкой. Золотистые блинчики, как золотистые купола Богоявленского собора, всегда служили оберегом для нас. Листаю альбом с фотографиями, а перед глазами как будто московские окна мелькают. Глядя на лица, до боли знакомые, понимаю, что некоторых уже рядом нет, но память услужливо пишет их портрет, далекой юности, такой прекрасной.

Люблю тебя, о, Старая Москва!
Твои старинные неспешные кварталы.
У Сити ты внушительно нова,
Но мне милей из камня тротуары.
Веков плывут над нами облака.
Я в почву города неистово врастаю.
Нет, нет, не уйду, стою пока,
Я подожду последнего трамвая

Подъехали дети. Из окна наблюдал, как из машины выпорхнула веселая стайка мальчишек. Невольно стал размышлять: какими они станут, когда вырастут? Какие будут у них «окна» в жизнь: распахнутые или закрытые? А ведь это наше будущее, будущее России!

Ольга Юрьевна Чашина, 69 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БОГОРОДСКОЕ

Вся моя жизнь связана с Москвой. Да, я родилась не в Москве, и первый год моей жизни прошел далеко от столицы, но дальше — это мой родной и любимый город. Не могу даже помыслить о жизни в другом месте. Воспоминания очень разные. Наверное, самое первое и непонятное — большой кожаный диван. Это потом мне рассказали, что на этом диване я спала, а стоял он в кабинете директора школы. В школе № 336 работал мой отец, а жили родители в учительском общежитии при школе. Общежитием это было громко названо — комнатка моих родителей располагалась в бывшем бомбоубежище под школой, соответственно, там не было даже окон, зато были воздухопроводы под потолком. В таком месте ребенка было держать невозможно, поэтому директор разрешил пользоваться его кабинетом, при условии полного порядка и нашего отсутствия там, еще до прихода первых сотрудников. Долго выдержать это было невозможно, поэтому пришлось снимать жилье в частном секторе. А где это было по карману молодым, сразу после института педагогам? Естественно, в ближнем Подмосковье. Так мы и оказались в Головино, это теперь Москва, а тогда, в 1953-1954 годах, это была деревня с улочками, по которым гуляли гуси и возвышалась двухэтажная школа. Туда пошла работать мама, и там я обитала весь ее рабочий день, в лаборантской кабинета физики.

Моя настоящая Москва началась в 1957 году, когда мы получили комнату в коммуналке, напротив школы, где работал отец. Это был двухэтажный дом по адресу Лялин переулок, дом № 7. Теперь, описывая наш двор, я

бы сказала, что он представлял собой каменный мешок с узким горлышком — аркой. А тогда это была Вселенная с садиком под окнами квартиры моей подруги Ленки Комар, с входом в гараж, где стояла «Волга» племянника Котовского. Как же нам было интересно туда заглядывать, при случае! Как интересно было нырнуть в один из люков в подвале нашего дома, где хранились остатки угля для отопления основного здания дома номер 7. В домах уже давно центральное отопление, а уголь все еще лежит в подвале, и мы там играли в прятки.

А какие сугробы образовывались в нашем дворе зимой! Снег уплотнился, и ребяташки, копали в нем норы, строили целые подснежные города. Но вот наступала весна и во двор приходила целая команда дворников,

привозили агрегат, называемый снеготопкой, и начинали убирать снег. Это был праздник — шум, гам, взрослые работают, бегут ручьи из растопленного снега, детвора в этих ручьях ищет «драгоценные камушки». Самые удачливые находили кремень, вот уж искры они высекали.

У девочек больше ценились гладкие разноцветные камни с прожилками. Из них потом делались «секретики» — ямка в земле, выстланная конфетной фольгой, на ней выложены всякие сокровища. Все это накрывалось куском стекла и присыпалось землей. К нашему сожалению, все эти радости прекратились, когда двор заасфальтировали. Появились другие развлечения, например «классики», но это было уже не так захватывающе.

А может, мы просто выросли, и кроме права на игры у нас начали появляться и обязанности? Спросите, какие такие обязанности у детей? Да обязанностей было немало. В мои, например, входили мытье посуды и еженедельная протирка от пыли в буфетной горке, вынос мусора. А еще мне разрешили выходить со двора за хлебом. В нашем же доме располагалась булочная, только вход туда был

с улицы. Надо было пройти через весь двор, через глубокую арку, по улице пройти два пролета витрин – и только там, на углу, вход в булочную. Все это для дошкольницы и даже для первоклашки – целое приключение. В те времена это было небольшое помещение с прилавком из двух частей – хлебной и конфетной. Потом, с появлением самообслуживания, конфетный прилавок перенесли вглубь и поставили поперек магазинчика, а в хлебном сделали открытые полки, отгородили от остального помещения блестящим металлическим поручнем и поставили кассу, к которой постепенно подходила очередь, чтобы оплатить выбранное. Вся округа называла этот дом не дом № 7, а дом с булочной.

Прошло еще много времени, прежде чем к одному залу добавили еще один. Теперь же от прежней булочной осталось лишь название, да и то измененное – стилизованное под «московский говор». Теперь это кафе «Булошная», оно, конечно, стильное, с ретро интерьерами, с разными антикварными атрибутами, но в памяти все равно уютная булочная, куда можно было забежать за «калорийкой» или «калачом», где «нарезной батон» стоил 13 копеек, а буханка «Обдирного» – 14 копеек.

Еще одно ярчайшее воспоминание детства – вертолеты над Чистыми прудами, разбрасывающие белые и розовые листовки. Листовки маленькие, бумага типа папиросной, может, чуть-чуть поплотнее, а на ней – улыбающееся лицо Гагарина. Гремит музыка, вокруг радостные, счастливые лица, много, очень много людей. На улицы выходили все, и нас, второклашек, тоже отпустили из школы. С соседской девчонкой мы примчались на бульвар, ведь как же пропустить такое всенародное торжество!

Наталья Борисовна Шама, 62 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЛОСИНООСТРОВСКИЙ

Я родилась в Москве и все свое детство и отрочество почти до 14 лет прожила в коммунальной квартире в Перово. Дом, где мы жили, был одним из шести аналогичных домов, построенных рядом и образовавших большой уютный двор. Дома эти принадлежали Московскому электродному заводу и НИИ «Графит», с которым МЭЗ был тесно связан.

Работники института и завода были основными жителями наших домов. Поскольку люди не только вместе работали, но и рядом жили, практически все друг друга знали, дружили семьями и часто вместе отмечали во дворе государственные и семейные праздники.

Хорошей традицией были субботники, проходившие, как правило, в апреле перед днем рождения В.И. Ленина и носившие название «ленинских». Людей на субботниках всегда было много, работали дружно, двор быстро очищался от мусора, прятавшегося зимой под снегом. Вспахивали клумбы и высаживали на них цветы, кусты и деревья. Красили свежей краской заборчики у газонов, столы и скамейки во дворе, детские качели, веранды, песочницы и карусели.

Любимыми нашими играми были казаки-разбойники, но-

жички, классики, резиночка, скакалки, «На золотом крыльце сидели...», догонялки. Летом в хоккейной коробке гоняли в футбол. За большими столами компании мужиков играли в домино. Зимой во дворе жите-

ли всегда строили несколько снежных горок, на которых рисовали узоры разноцветными красками, растворенными в воде, делали снеговиков и снегурочек, возводили снежные крепости в человеческий рост. Ребячьи снежные баталии за взятие крепостей были любимым делом детворы. Каждый год зимой родители заливали каток, на котором мы с удовольствием катались на хоккейных коньках «гагах». Фигурные коньки в то время были редкостью. Еще одним зимним развлечением было изготовление «хоккейных клюшек» из стволов новогодних елей после окончания новогодних праздников.

Возле каждого дома стояли металлические конструкции, между которыми натягивались веревки. На них жители домов сушили постиранное белье. Высушенное зимой на морозе, оно имело неповторимый запах свежести.

Стояли во дворе турники для занятий местных спортсменов и всех желающих научиться подтягиваться, сдать нормы ГТО и поддерживать свою спортивную форму.

Эти турники хозяйки приспособили для того, чтобы периодически выбивать на них пыль из ковров и дорожек. Чаще всего чистки ковровых из-

делий устраивались зимой, когда можно было положить ковер на свежавывавший снег, накидать снега сверху и

выколотить из него всю грязь и пыль, а потом хорошенько почистить его, повесив на турник.

В нашей квартире жило три семьи. Ко всем регулярно приезжали родственники из провинции. Мы знали практически всю родню друг друга, с радостью принимали приехавших гостей. Не помню ни одного случая, когда бы у нас возник конфликт между соседями из-за приезда родственников. Дружеские отношения сохранились между бывшими соседями по коммуналке и после того, как всем нам дали отдельные квартиры. Наша семья переехала в дом, построенный методом «народной стройки». Каждый будущий владелец новой квартиры в этом доме должен был отработать на его строительстве определенное количество часов. Мой папа участвовал в строительстве нашего будущего дома на этапе подготовки котлована для его возведения.

Многие годы мы продолжали ходить друг к другу в гости, хотя жили теперь в разных домах и на разных улицах, общение не прекратилось, просто стало не таким частым, каким было в период нашего совместного проживания в коммунальной квартире.

Мы всегда выручали друг друга солью, хлебом, другими продуктами, если обнаруживалось, что какой-то из них закончился, а времени для похода в магазин за пополнением запасов не было.

Я, единственная девочка в квартире, росла в компании четырех соседских пацанов. На кухне мы играли в шашки и шахматы, в города, разгадывали кроссворды или просто мирно беседовали.

Наши родители имели свои хобби. Мой папа и дядя Леша Воробьев увлекались рыбалкой, а также изготовлением шкатулок, торшеров, бра и люстр из оргстекла, которые сложно было отличить от настоящих хрустальных покупных. Некоторые цветные детали для этих изделий я приспособляла для изготовления дамских украшений (серег, клипс, колечек и браслетов).

Вторым хобби моего папы было собственноручное изготовление всевозможных снастей для рыбалки. В этом его хобби я принимала активное участие. Мне очень нравилось с папой отливать в специальных формах блесны, мормышки, полировать их до зеркального блеска.

Сейчас в это трудно поверить, но в 60-е годы прошлого века в квартале между улицами Новогиреевской, Перовской, Зеленым проспектом и Третьей Владимирской стояли частные дома с небольшими земельными участками, на которых росли фруктово-ягодные деревья, выращивались овощи и даже разводилась различная живность. Это

была настоящая деревня внутри Москвы. Здесь, на улице 8-го Марта, жил родной дядя отца со своей семьей. Сейчас этой улицы в районе уже нет, а на месте частных домов теперь стоят два девятиэтажных многоподъездных дома.

Я очень любила ходить в гости к дедушке Яше. У него в хозяйстве были свиньи, кролики, куры. Дома жила собака Найда (кокер-спаниель) и несколько кошек. Свиней выкармливали пищевыми отходами, которые дедушка брал в столовой соседней школы. Он привозил их на тележке, сделанной из основания от детской коляски и оцинкованной ванночки для стирки белья. Моим любимым занятием у дедушки было кормление кроликов. Траву для них я рвала в огороде. А какое удовольствие доставляло поедание слив и яблок, только что сорванных собственной рукой с дерева! Я постоянно ощущала большую любовь и внимание со стороны всех живших в доме дедушки.

Когда приняли решение о сносе частных домов и строительстве на их месте многоэтажек, всех жителей этого микрорайона переселили в квартиры в новом многоэтажном доме на Саянской улице в Ивановском.

У нас была семейная традиция в дни больших государственных праздников садиться возле дома на троллейбус и доезжать на нем до Площади Ногина (теперь это Китай-Город). По пути к месту назначения мы любовались в окно троллейбуса праздничным убранством города и иллюминацией, а потом от Площади Ногина шли пешком по Никольской улице, или по Ильинке, или по Варварке до Красной площади, гуляли там и смотрели салют.

Еще одной нашей с мамой традицией была поездка раз в месяц после зарплаты в Гастроном «Новый», находившийся на шоссе Энтузиастов (бывший Владимирский тракт. Отсюда названия улиц 1-я, 2-я и 3-я Владимирские) в районе железнодорожной станции Новые Дома Казанского направления ЖД. В этом гастрономе был небольшой кафетерий, в котором готовили удивительно ароматный и вкусный кофе, продавали пирожные и бутерброды с колбасой. Мы всегда брали по стаканчику кофе и по бутерброду с любительской или докторской колбасой, вставляли за столик, с наслаждением ели бутерброды и пили кофе. Какая это была колбаса! Какой у нее был вкус и запах! А, главное, она была приготовлена из натуральных продуктов без кучи всяких вредных добавок. Теперь такую колбаску днем с огнем не найдешь!

У меня много любимых мест в Москве, где я бывала с родителями в детстве. О них сохранились самые теплые и радостные воспоминания. Жаль, что в 1000 знаков невозможно вместить все, о чем хотелось бы рассказать.

Нина Ивановна Маньякина, 70 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЮЖНОЕ МЕДВЕДКОВО

Однажды внуки меня попросили: «Ба, расскажи, как ты жила в прошлом веке?!» Звучит эпохально, мне стало смешно, но, действительно, большая часть моей жизни приходится на 20-й век.

Мое детство прошло на окраине Москвы в районе Перово. Два дома и общий двор окружены тополями, которые росли вместе с нами. Квартиры коммунальные, в каждой по 2-3 семьи. Может быть, где-то и ссорились соседи, но у нас жили дружно. Это являлось примером и нам, детям. Мы много времени проводили во дворе. Велико влияние дворовой компании, в которой я была самой маленькой, и поэтому в беге отставала, тогда ребята постарше брали меня с обеих сторон за руки, и я бежала наравне со всеми, едва касаясь ногами земли. Именно в детстве, не на словах, а на деле, я усвоила основные правила общежития, поняла, что такое дружба, взаимовыручка, честь и справедливость и пронесла это через всю жизнь.

Мы купили телевизор! Это был «КВН-49», черно-белый, экран по диагонали сантиметров пятнадцать, поэтому к нему приставлялась увеличительная линза – круглая стеклянная емкость, наполненная дистиллированной водой. Телевизоры мало у кого были, поэтому вечерами комнаты владельцев телевизоров превращались в кинотеатры. Много позже, в Политехническом музее, я показывала внукам подобный телевизор и рассказывала о том, сколько радости привнес он тогда в мою жизнь.

Помню праздники, когда съезжались гости и к нам, и к соседям. Детей во дворе становилось на порядок больше. Взрослые отмечали праздник в своих комнатах, а дети приглашали друг друга: «Пойдем к нам!» и переходили из одной комнаты

в другую, угощались. Вечером выходили все во двор, пели и плясали под гармошку, кто кого перепляшет, были искусные плясуны и плясуньи, знавшие несчетное количество частушек.

Памятными событиями были нечастые поездки в центр города, мы называли это: «Поехать в Москву». Целью поездок чаще всего были магазины ГУМ, ЦУМ, «Детский мир». Школьницей стала ездить в музеи и театры, в основном с классом, иногда с родителями и со старшей сестрой. Каждая поездка – это событие.

Памятен день приема в пионеры, который проходил на Красной площади. Этот день был торжественным, важным и очень волнующим, поэтому он и запомнился на всю жизнь. Готовились заранее – учили торжественное обещание пионера Советского Союза (его текст можно было прочитать на задней обложке каждой школьной тетради). Возвращались домой гордые, повзрослевшие.

Мне довелось еще раз пережить это радостное волнение, когда в пионеры принимали моего сына, тоже на Красной площади. Повторился торжественный ритуал с выносом знамени под бой барабана и звучание горна. То же торжественное обещание. Такие же галстуки и значки на груди. Тот же восторг в глазах и гордость. Так же улыбались люди в метро на встречном эскалаторе, заметив пионерские галстуки, которые юные пионеры выставили напоказ, распахнув пальто.

Мои теперь уже взрослые внуки много знают про пионерскую организацию, у нас в семье существует связь поколений, мы храним и пионерские галстуки, и пионерские и комсомольские значки. Внуки сетуют, что у них не было такой организации. Я тоже сожалею о том, что утерян дух единения, который бытовал у советских школьников благодаря пионерской и комсомольской организации.

В комсомол я вступила уже в новой школе. Наша семья переехала жить в Измайлово, в отдельную квартиру. Жили буквально в двух шагах от станции метро «Измайловская» и от леса. Все свободное время мы проводили в лесу: летом катались на велосипедах, зимой – на лыжах, на Оленьих прудах гористая местность, катишься с горки и дух захватывает. Уроки физкультуры тоже проходили преимущественно в лесу. Я не помню, чтобы болела, пропускала школу.

В центр стало ездить удобно, прямая линия метро до «Арбатской», ездили просто погулять по Москве, а в праздники – на салют. Однажды, на Первомай, потерялись на Красной площади. Как найти своих, когда площадь полна гуляющими? Ребята встали и начали петь песни группы

«Битлз» (гитары всегда были при них), мы слышали и нашлись, а когда уходили, то люди, что собрались вокруг, просили еще спеть. Бывало и так, что не успевали на метро до закрытия и шли пешком домой, и это было здорово.

Юность свою могу назвать театральной, и хотя билеты купить было сложно (иногда ночами стояли в очереди), но старались посмотреть, как можно больше премьер в ведущих театрах Москвы. Мне повезло видеть спектакли с участием Царева, Жарова, Ильинского, Быстрицкой в старейшем драматическом театре столицы — Малом театре, а также в МХТ им. Чехова видела на сцене Степанову, Яншина, Грибова, Зуеву и всю плеяду талантливейших актеров во главе с Олегом Ефремовым еще до раздела театра. Театр любят и мои сын и внуки. Цирк на Цветном бульваре тоже любимое место отдыха, я даже однажды выступила на арене этого цирка, меня клоуны вызвали из зрительного зала, а до того случая я считала, что для этого сажают к зрителям специально подготовленных людей.

Последние сорок лет я с семьей живу в Медведково, это тоже окраина, но теперь на метро до центра добраться ничего не стоит. По-прежнему самая привлекательная часть города — его центр, который обновляется, оставаясь исторически достоверным. Все мы родом из детства, семья — первоисточник нравственного воспитания. Меня радует, что мои внуки выросли патриотами своей Родины, что они любят свой родной город, знают его историю, гордятся прошлым Москвы и ее настоящим. Это вселяет в меня оптимизм и уверенность в завтрашнем дне.

Елена Сергеевна Дворецкая, 60 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЩУКИНО

У моего дома № 7 по 7-й Песчаной улице стоит школа, в которую меня не взяли. Это была спецшкола с французским языком. Не понравилось, как я произношу звук «эль». Помню, мама переживала, плакала. Боялась, вдруг никуда меня не возьмут... Пошла в школу напротив, через стадион. Там ее очень тепло встретил директор, Александр Иванович Конодо, она была вся в счастье! И я проучилась в этой замечательной школе с первого по восьмой класс.

Школа была одной из лучших в Москве! Директор с семьей жил прямо при школе, отдельная дверь вела в его квартиру. Потом рядом построили большой дом, и директор переехал туда, а в его квартире сделали кабинеты труда мальчиков.

К нам часто приезжали иностранные делегации (школ, куда возили иностранцев, было всего 50 из 1500), приходили в класс, расспрашивали, дарили сувениры, красивые ручки, жвачку (о, какой это был тогда дефицит!).

Наша молоденькая учительница была из учительской семьи, ей часто на уроках помогала мама, потом вообще ее сменила, когда дочка ушла в декрет. С этой опытной учительницей мы, человек 6-8 из класса, даже попали на телевидение. Ездили в Останкино, помню, за длинным столом вели беседы, отвечали на вопросы ведущих.

На переменах полагалось чинно прогуливаться по коридору, нарушителей останавливали. Кстати, наша школа первая в Москве ввела «сменку» (сменную обувь), ее всегда строго проверяли при входе дежурные с красными повязками на рукаве.

Во дворе школы был сад, теплицы, оранжереи, где мы с удовольствием работали. А рядом стадион «Юность» с большим катком. Сколько я провела на нем зимних вечеров, катаясь с подружками!

В школе было два музея: боевой славы и русского быта. Старшеклассники ездили летом в экспедиции, привозили новые материалы, экспонаты. И я ездила в такую экспедицию в Архангельскую область, незабываемо!

А в трудовом лагере в Краснодарском крае на подвязке винограда я заработала первые деньги – 37 рублей.

Был налажен безвалютный обмен с городом Колин (Чехословакия), мы принимали учеников оттуда, а потом ехали к ним. Моя первая заграничная поездка!

Москва

объединяющая

Лядова Людмила Константиновна,

90 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
МОСКОВСКИЙ

До 18 лет я жила на Кубани. Такая красивая девочка с широко открытыми большими голубыми глазами. Планов на жизнь было много. А однажды я услышала объявление о том, что набирается группа юношей и девушек для работы на стройку в Москву.

Москва, слово-то какое... Оно было для меня как магнит, куда тянуло со всей силы. Именно в ней был тот сгусток энергии, который был мне так необходим, как глоток свежего воздуха. Именно с Москвой я связывала исполнение всех своих надежд.

Недолго думая я записалась в отряд добровольцев и отправилась покорять столицу.

И вот я в Москве. Шел 1951 год. Какая она большая! Какая она многогранная! Куда ни посмотри – кругом стройка, возводятся высотные дома, жизнь бурлит и кипит круглые сутки... Везде висят объявления, что требуются люди тех или иных профессий. Иди – устраивайся и работай!

И я погрузилась в эту атмосферу с головой. Работала сначала простой рабочей, потом такелажницей – на устройствах для поднятия грузов.

Волей случая меня перевели на кладку кирпичей. Научили, как правильно подавать кирпичи – «четверка, трехчетверка, кирпич...» Работала я в очень дружной команде. Так что к архитектурному облику Москвы имею прямое непосредственное отношение.

Так незаметно, в трудовых буднях, прошел мой год работы на стройке Москвы. Далее я устроилась работать в МГУ, на склады. МГУ тогда строился очень активно и на склады привозили необходимое оборудование и инвентарь. Мы все это учитывали – выдали-принимали. Затем университет объявил

о начале 6-месячных курсов электромонтеров. Вы думаете я отказалась? Не тут-то было! Я была одной из первых, кто подал заявление на обучение.

И ведь выучилась и стала настоящим электромонтером. Могла чинить утюги, холодильники, менять лампы. Все мне тогда было интересно, со всем я справлялась. Попутно развивала и свою творческую натуру – участвовала в конкурсах художественной самодеятельности, читала стихи и пела.

Однажды, возвращаясь с подружкой с ночной смены домой, в автобусе услышала, что наш первый космонавт совершил полет в космос. Об этом объявили прямо в автобусе. Так это тогда нас поразило, такая гордость обуяла за всю Родину, за Москву, за Юрия Гагарина.. И думалось – как же это возможно? Мы здесь, в Москве, а он там высоко в небе побывал?!

И так, видимо, эта мысль засела в голове, что тоже захотелось подняться высоко-высоко к звездам. И ведь это произошло! Осуществила я свою мечту всего несколькими годами позже, сразу после того, как первая женщина-космонавт Валентина Терешкова в 1963 году совершила свой полет в космос.

Как это случилось? А вот как.

МГУ был самым высоким зданием тогда в Москве. Высота его – 182 м, а со шпилем все 240 м. В хорошую погоду золотой шпиль, увенчанный звездой, виделся за многие десятки километров. И хотя с земли верхушка МГУ кажется ажурной, на самом деле диаметр только самой звезды более 7 метров. Шпиль высотой почти 60 метров равен высоте 16-этажного дома. Такая высота являлась для того времени непостижимой, и мы решили ее покорить.

И брать эту высоту я opravилась со своей подружкой. Она была бесстрашная, боевая, смелая. МГУ тогда в целом был завершен, но все-таки еще шли небольшие отделочные работы, и охраняли его молоденькие солдатики. Мы их попросили, и они нам разрешили подняться наверх. Вот ведь как все просто раньше было!

Сначала лестница была широкая, а потом ближе к самому верху она становилась все уже и уже. И вот мы открываем дверь и выходим наружу. Мы оказались на самой звезде. Снаружи она была вся из блестящего металла, а внутри словно покрыта черной толью.

Мы были на такой высоте, что и подумать страшно, дыхание сперло – и мне казалось, что я ничего не вижу. Вышли мы из двери на обзор не центра Москвы, а в сторону области. Словно судьба мне показывала и подсказывала, где сложится моя дальнейшая жизнь.

Вокруг звезды была натянута металлическая ограждающая сетка, за нее можно было держаться. У моей подруги была заколка с застежкой и мы нацарапали по очереди свои имена и фамилии:

«Аня Володькина и Лиля Животкова».

Вот такая памятная надпись осталась на высоте почти 240 м в память о нашем подъеме на звезду МГУ.

Еще интересный, почти анекдотический случай произошел со мной, когда я работала в Раменках на животноводческом объекте.

Мы жили прямо там, в небольших комнатках, где стояли телевизоры. Тогда страной правил Никита Хрущев. Так вот он вместе с каким-то начальником объезжал наши владения и спрашивает: «А это что за бараки?»

Ему ответили: «Это свинарник». Он прошел по баракам, зашел в комнаты обслуживающего персонала и сказал: «Культурные же у вас свиньи! У каждой свиньи – по телевизору».

Позже переехала во Внуково и стала учиться в 123 ШРМ (школа рабочей молодежи). Все учителя были хорошие. Я просто поглощала знания как губка. Мне все хотелось знать и уметь. И ведь нигде, кроме Москвы, невозможно было тогда получить столько знаний и умений. И я, конечно, благодарна столице за ее теплый прием и, что распахнула передо мной двери жизненной науки.

Москва позволила мне стать швеей – я даже вышивала на машинке в какой-то период жизни, была электромонтером, водителем и даже специалистом высоковольтных линий, окончила курсы английского языка, техникум техники и механики по теории упругости. У нас тогда шутили: «Если сдал предмет по теории упругости, то можно жениться».

Я за все хваталась и бралась. Москва меня всему выучила – столько образования дала.

Закончила я и пединститут. И там, где я училась, логопедия не была основным предметом. Преподавала его Рау Елена Федоровна.

У меня по этому предмету стояло «отлично». И этот преподаватель научила нас быть хорошими логопедами.

В детских садах логопедических групп раньше не было. Потому что особых проблем со звуками у детей не было, это пошло с появлением радио, телевизоров, компьютеров...

И вот одна группа всего была в Зеленограде, которой руководила моя подруга. И она предложила мне тоже создать такую группу во Внуково, сказала, что получать я буду зарплату на 20% больше и отпуск будет больше.

Сказано – сделано.

Итак, первая логопедическая группа появилась у нас во Внукове. Сразу все стали биться, чтобы попасть в нее. Было это в 1966 году.

Потом меня перевели заведующей в новый построенный детский сад поселка Московский. Все Внуковские детсады относились к Москве и имели градацию К-27, то же самое было и в поселке Полиомиелита. И я решила нашему саду в поселке Московский тоже сделать московскую прописку. Села и поехала на Лубянку и говорю: «Вот мы построили детский сад, и я хочу оформить его на московской земле, так как мы ближе находимся к центру Москвы, чем Внуково или Полиомиелит».

И мне пошли навстречу. Дали угловой штамп с пометкой К-27 и московскую печать. И так благодаря этому штампу в нашем детском саду появилась шикарная новая мебель, ковры, мы имели лучшее продуктовое обеспечение.

И вы не поверите, руководство совхоза «Московский» выделяло садику на год 40 тысяч рублей, чтобы дети питались не на 75 копеек, как было по нормам, а на 1,50 рубля. Это были хорошие деньги. И поэтому мы кормили детей бутербродами с красной икрой и блюдами из говяжьих языков. Это было очень полезно и питательно.

Вот так московский штампик позволил присоединить детский сад № 48 п. Московский к Москве еще 50 лет назад.

Работая в детском саду, я продолжила сочинять стихи. И вот одно из моих произведений, посвященных дворцу культуры г. Московский, стало неформальным гимном самого Дворца культуры, потому что в нем описана вся его история!

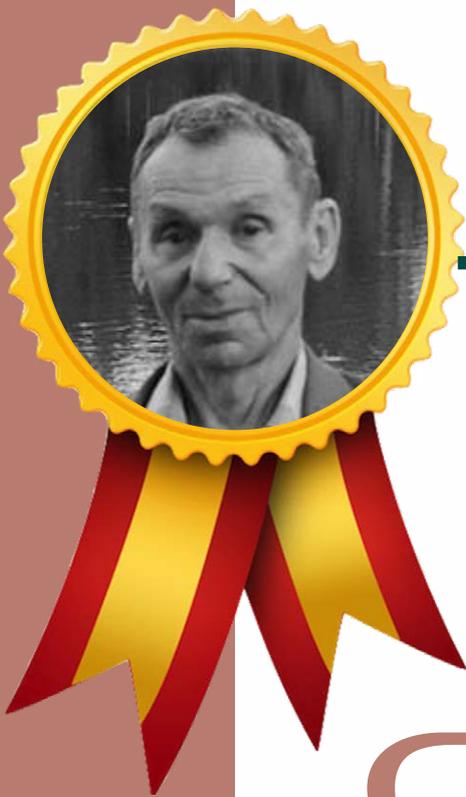
Ты раскрываешь нам свои объятия,
Ты нам досуги даришь и занятия,
Здесь открыты двери даже в самый поздний час,
И здесь всегда приветливо встречают нас.
Тебя мы ждали долго много лет,
Уже старели, а тебя все нет и нет,
Мы сами строить помогали той порой,
И наконец-то завершился долгострой.
Очаг культуры и тинейджеров оплот,
На эту сцену мы выходим каждый год,
Здесь наши дети быстро подрастают,
Здесь суперзвезды разные бывают,
Здесь коллективы нам показывают Класс!
И члены думы выступали здесь не раз.
Ты самый лучший, так решила молодежь,
Дворца прекрасней ты в Москве и не найдешь,

Здесь педагоги подобрались высший класс,
Здесь звезды яркие рождались и не раз.
Здесь свадьбы модные справляет молодежь,
Для юбилеев лучше места не найдешь.
Мы тебя поздравить очень рады,
Ждут тебя подарки и награды,
Вот тебе 15, ты справляешь юбилей,
Ты пригасил на юбилей своих друзей –
И здесь сады, и школы, и тепличный комбинат,
Бассейн «Московский», твой прекрасный
младший брат,
Здесь гаражи, и магазины, и совет,
Больницы, рынок – и кого здесь только нет,
Благополучия тебе на много лет,
Богатых спонсоров и радостных побед!

Москва... Она вся во мне, во всех моих годах и памяти.
С ней я не расставалась ни на минуту. И всегда она мне
помогала и учила меня жизни. И даже сегодня мой адрес
состоит из повторяющихся слов и синонимов слова «Мо-
сква»: г. Москва, г. Московский, микрорайон Град Москов-
ский, ул. Московская...

Аркадий Шикович Гузман, 80 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ЛОМОНОСОВСКИЙ

Я хотел бы поделиться своими воспоминаниями о моем любимом месте Москвы – о Каменной плотине, где я родился и провел свое детство, а заодно и принять участие в конкурсе. Итак...

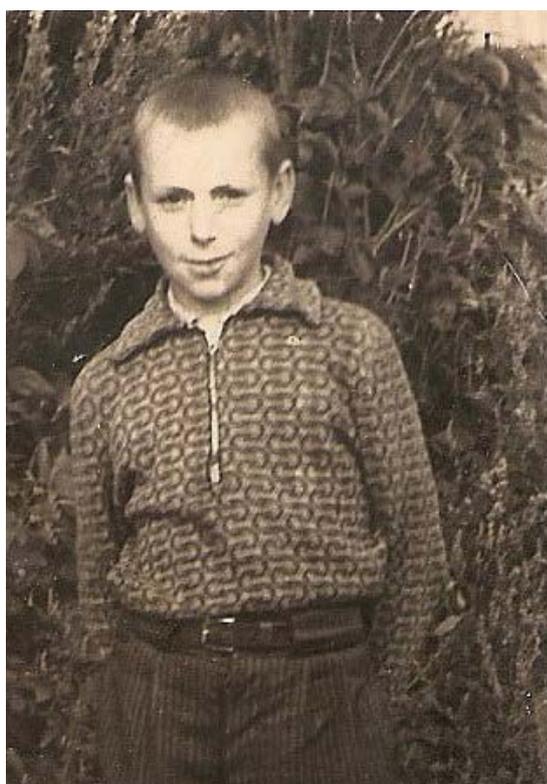
Москва славится не только Красной площадью, зданием МГУ, Храмом Христа Спасителя, памятниками старины, улицами и прекрасными станциями метро.

В Москве есть исторические места, которые мало известны. Но тем не менее, они уникальны. Бывшая деревня Каменная плотина, а ныне «Золотые ключи», расположена в месте слияния двух рек – Раменки и Сетуни (крупнейшего притока Москвы реки).

По моим воспоминаниям, деревня Каменная плотина размещалась метрах в ста недалеко от бетонной дороги, соединявшей Воробьевы горы и Кутузовский проспект. Эта дорога имела крутые спуски и подъемы. По бетонному мосту реки Сетунь дорога проходила через Киевскую железную дорогу. Так как движения скорых, пригородных и товарных поездов было частым и шлагбаумы большую часть времени перекрывали пути, то перед ними выстраивались очереди из автомобилей в несколько километров, поэтому в 60-х годах было решено проложить автомобильную дорогу под железной дорогой. Ранее воды рек Сетунь и Раменки в весенний и осенний периоды разливались и затапливали все прилегающие территории и близлежащие дома. Уровень воды поднимался так высоко, что это угрожало разрушением насыпи железной дороги. Поэтому в 60-х годах был прорыт прямой канал, отводящий течение реки. После переселения жителей Каменной

плотины в Очаково, Матвеевское и другие районы начались капитальные работы по реконструкции Каменной плотины. Существовавшее ранее болото, в котором вязли лошади и коровы, превратили в прекрасное озеро, а реку Раменка проложили частично под землей в трубах, а частично – забетонировали берега и очистили русло. Первоначально вода в реках Раменка и Сетунь была идеально чистой и прозрачной. В реке ловились ерши, пескари и другая рыба. Когда зимой на реках замерзал лед, ребята катались на коньках и играли в хоккей проволочными клюшками. Ради забавы в лед вбивалась ось от телеги, к ней привязывалась оглобля, а на другой ее стороне крепились санки, после чего эта карусель раскручивалась и ездоки разлетались в разные стороны в сугроб. Подо льдом было видно, как плавает рыба и растут водоросли.

Жителей деревни можно было разделить на фабричных, работавших в основном на предприятиях и в учреждениях Москвы, и на колхозников. Если фабричные жили по многу семей в домах, сбитых из досок и обмазанных смолой с навозом, то колхозные семьи имели огромные бревенчатые дома с садами и большим количеством живности. Колхоз «Новая жизнь» был богатый. Жили колхозники очень зажиточно, благо Дорогомиловский московский рынок, где они продавали фрукты и овощи, находился, можно сказать, рядом, да и работали они как в колхозе, так и на своих приусадебных участках не покладая рук. Колхозницы начинали работать рано утром, в обед у них был перерыв, а к вечеру – выходили в поле снова. При этом, когда они шли на работу, то называли друг друга девочками и часто пели. Поля были повсюду: вдоль реки, на горе, возле болота, за бетонной дорогой. Сеяли пшеницу, рожь, овес, сажали капусту, картофель, кормовую свеклу, морковь, огурцы, помидоры. Урожаи всегда были высокие. На трудодни привозили машинами овощи – всего и помногу. Возле болота рядом с конюшней был коровник. Там же гуля-

ли индюки и индюшки. Когда ребята шли в школу, они их дразнили: «Индюк-индюк, красные сопли» – и те гнались за ними метров пятьдесят.

«Фабричные» и колхозники иногда между собой не ладили, и встречи их тогда носили отнюдь не мирный характер.

Но большинство жителей деревни жили дружно. Мои ровесники: Слава Евсеев, Володя Суругин, Витя Широков, Юра Казаков, Миша Колонуттов, Коля Ильин, Валера Агапов и др. часто играли вместе в хоккей, футбол, лапту и катались на плотах. Если у кого была свадьба, то приглашались соседи из соседних домов. А так как в деревне жили человек 200-300 и пригласить всех не было возможности, то в доме, где проходила свадьба, на окнах специально прибивались доски, чтобы все желающие могли, снаружи держась за них, смотреть, как происходит застолье, как выглядят жених с невестой, кто как пляшет и в каком гости состоянии. Периодически открывались двери, выходили хозяева или гости выносили водку, закуску, стаканы и угощали всех желающих. После обильного застолья и танцев все высыпали на улицу. Многие переодевались ряжеными, красили щеки, лоб, губы, подбородок, надевали разноцветные длинные юбки, сарафаны, а зимой тулупы мехом наружу, некоторые были в масках и под гармошку пели деревенские частушки, иногда сочиняя их на ходу, и с вызовом плясали, показывая свою

удаль и мастерство. Вечерами в зимнее время собирались у кого-нибудь в квартире, грызли семечки и травили анекдоты. Были и некоторые странностями. Одинокая бабушка Маша собирала мухоморы, собирала и ела, а соседка тетя Маня в двенадцать ночи выводила свою корову из сарая и трижды

вместе с ней обходила вокруг сарая. Но так как тетя Маня была веселой, любила петь и, вообще, была любительницей выпить, то ей этот выкидон прощался.

Молодежь веселилась по-своему. Ребята с девочками ходили на конюшню и вывозили сани на дорогу. Ребята тащили сани, в которые влезали девочки, те запевали песни-частушки, и сани неслись по всей деревне с шумом, смехом и радостными возгласами. Когда становилось совсем темно, залезали на гору, зажигали автомобильные покрышки и спускали их с горы. Зажженные покрышки неслись в полной темноте с горы по лугу вдоль домов, построенных рядом с лугом, мимо, а то и навстречу случайно идущим жителям, вводя их в ужас, но доставляя большое удовольствие, стоящей и наблюдающей за этим процессом на горе молодежи. Некоторые наиболее отважные на спор ложились между рельсами перед приближающимся паровозом с вагонами, а потом, после того, как поезд проехал над ними, с победным видом вставали и получали то, на что спорили. Спорили, кто проплывет в корыте по реке в половодье, кто прыгнет с железнодорожного моста в реку Сетунь с зонтиком или на одной лыже съедет с крутой горы. Часто играли в футбол на деньги с ребятами деревни Гладышево или Троице-Голенищево. В общем, молодежь не скучала.

Но это не означает, что молодежь только веселилась и проявляла свою удаль. С раннего возраста детей приучали к труду, помощи взрослым. Не удивительно, что большая часть ребят и девушек легко встраивались в жизнь, добились успехов в производстве или в науке.

Поясню на собственном примере. С пяти лет в мои обязанности входило: убрать в доме, подмести пол, после обеда собрать все тарелки и кастрюли в ведро, отнести на реку и там помыть. Благо, в реке вода была идеально чистой, видно было, как плавают плотва и пескари, и ясно просматривалось дно реки. Так как кастрюли постоянно были в саже (потому что еда готовилась или на примусе или на керосинке), то кастрюли нужно было мыть с песком. Песок на берегу был везде, так что с этим проблем не было. Летом я брал мешок, серп и шел жать траву, растущую по берегу вдоль реки. Когда травы там не оставалось, потому что не я один занимался этим промыслом, то с мешком и серпом отправлялся в лес. Шел через самодельный мост реки Раменка, который периодически сносило в половодье, вдоль горы Тресяцкой, затем проходил под железнодорожным мостом и направлялся к лесу. Возле леса были огороды, в том числе, один из них наш. Заходил на огород, смотрел, не пора ли окучивать кар-

тошку, а затем шел в лес. В лесу была большая поляна, где росла высокая трава и чернобыльник, который очень любила корова, и росло много земляники. Я серпом жал траву, набивал ее в мешок, и, когда набиралось полмешка, клал его на землю. Потом собирал горсть земляники, ложился на спину рядом с мешком, раскидывал руки и смотрел в лес на макушки деревьев. Пели птицы, вокруг летали бабочки и солнце просвечивало сквозь деревья. Это было прекрасно. Затем снова жал серпом траву и утрамбовывал, чтобы мешок был полным. Сейчас, спустя более полувека, перед сном, когда я ложусь на кровать, то вспоминаю лучшие моменты жизни, и в первую очередь поляну, деревья, полет бабочек, солнечные лучи, запах травы и пение птиц.

Когда из леса приходил с мешком травы домой, заходил в сарай, и, если там в это время стояла наша корова Маруся, выкладывал ей несколько охапок травы. Она с удовольствием неторопливо мягкими губами вкушала и, по-видимому, испытывала удовольствие. После этого я заходил в дом, набирал пшена или другого зерна и направлялся в сарай, где были куры с петухом. Я рассыпал им зерно, собирал яйца и щупал кур, которые собирались нестись. Затем подходил к клетке, где находилась свинья, и, как только я открывал клетку, она стремительно выскакивала на улицу через открытую дверь сарая и резко останавливалась, оглядываясь вокруг. Затем снова убегала к огородам, где резко рыла землю. После гулянья, я загонял ее снова в сарай.

Фабричные, которые имели коров, а их было 12-15, договорились, что каждый хозяин будет пасти это стадо по очереди. И когда очередь доходила до нас, я надевал телогрейку, выгонял коров за гору, разводил огонь, пек картошку и читал книжку. А коровы паслись, и их это устраивало. Периодически я с отцом ходил на расположенную неподалеку от Мосфильма Потылиху в магазин, где продавали фураж. Там покупали отруби, комбикорм, жмых – и в мешках (отец нес 20 кг, а я – 10 кг) несли около трех километров на себе домой.

Ближе к зиме в фуражном магазине надо было записываться в очередь за сеном. Номер писали на руке. Дежурили всю ночь, так как периодически нужно было участвовать в перекличке. Когда подходила наша очередь, вытаскивали кипы сена, стянутые проволокой, и на телеге отвозили домой.

Каждую весну я сначала с отцом и матерью, а когда подрос, то и один, копал землю на трех огородах. Один огород был возле леса, второй – возле реки Сетунь, а тре-

тий – возле дома. В первых двух сажал картошку, а около дома – огурцы, редис, морковь. Там же я посадил смородину, малину, земляную грушу, которые каждый год давали хороший урожай.

В школе учеников привлекали к посадке яблонь в школьном саду. Мы рыли ямы, выпрашивали у владельцев коров навоз и сами привозили его на тележках. Затем высаживали яблони, прививали их и ухаживали за ними. Кроме того, часто помогали колхозу: мы изготавливали торфо-перегнойные горшочки, пололи сорняки на поле, где росла кукуруза, капуста и свекла.

Примерно так же росли и воспитывались большинство детей в деревне Каменная плотина.

Тем не менее, времени для досуга было предостаточно. Играли во дворе в круговую и русскую «лапту», в «чижика», в «пристенок», «скакалки», «прыгалки», «штандр», в «землю», в «садовника», в «ручейки», в «классики», в «кольцо-кольцо, ко мне», в «испорченный телефон», в «путаницу», в «казаки-разбойники», в «салочки», в «съедобное – несъедобное». Вместе со взрослыми играли в футбол, а вечерами – выносили во двор патефон, крутили пластинки и танцевали «танго» и «фокстрот».

На лугу играли в волейбол и футбол. Вдоль луга за забором стояли дома с огородами. Иногда мяч залетал через забор, и хозяева ругались и грозились разрубить мяч топором. В деревенском клубе часто показывали фильмы. Билет для подростков стоил рубль. При этом они сидели на полу, а на скамейках – взрослые. Фильмы показывали частями, с перерывами на замену бобин. Некоторые ребята специально опаздывали к началу фильма. Хитрость была в том, чтобы платить за сеанс уже в темноте, что давало возможность передать киномеханику пять монет

не по двадцать копеек, а по три (т.к. они были примерно такого же размера). Чтобы не просить денег у родителей, мы ходили в колхозное поле, где росли картофель или свекла, там же рос и дикий хрен. Мы выкапывали его из земли, везли его на поезде от станции «Сортировочная» до Киевского вокзала на Дорогомиловский рынок, где его и продавали. На вырученные деньги покупали мороженое и ходили в кинотеатр «Пионер» на Кутузовском проспекте или в кинотеатр «Арс», который раньше был на Старом Арбате.

Семилетняя школа № 19 находилась в селе Троице-Голенищево. В ней учились дети из села Троице-Голенищево и деревень Гладышево и Каменной Плотины. Первые 4 класса учились в красном кирпичном здании, находившемся высоко на горе, рядом с Мосфильмовской улицей, а остальные с 5-го по 7-й классы внизу под горой, рядом с рекой Сетунь.

В каждом из двух первых классов учились по 40-42 мальчика и девочек. Учительницей 1-го А была 75-летняя Елена Юрьевна, награжденная орденом Трудового Красного знамени за успехи в педагогической работе. Несмотря на успехи, она могла, тем не менее, треснуть линейкой нарушителя дисциплины по лбу или по рукам.

Первым «Б» руководила Прасковья Тимофеевна Кудряшова, женщина полная, добрая и опытная. Но и она не всегда могла спокойно выдержать выходки своих учеников, то принесших в класс боевую гранату и разбирающих ее на составные части, то кидавших через весь класс ручку с насаженной на нее иглой с пистонами, часто ребята кидали в чернильницы карбид, и тогда в классе стоял резкий запах ацетилена, а поднимавшаяся чернильная пена заливала и парты учеников, и стол учительницы вместе с классным журналом и лежащими на ней тетрадами.

Прасковья Тимофеевна отбирала портфели у нарушителей дисциплины, по многу километров ходила пешком по домам для бесед с родителями непослушных детей, писала замечания в дневники, то есть делала все возможное для воспитания своих подопечных.

Собственно, шалости наиболее буйных учеников стали проявляться с 3-го и 4-го классов, а в 1-м дети вели себя в основном тихо, разве что часто опаздывали в школу. В большую перемену все ученики и ученицы отвязывали от ручек портфелей большие мешки, вытаскивали из них и ставили на парту по пол-литровой бутылке молока, яйца, сало, хлеб и с удовольствием вкушали.

К 4-5-му классу большинство учащихся переставали брать из дома продукты, а на перемене бегали в магазин за пряниками.

Но наиболее приятное впечатление испытывали наши фабричные, возвращаясь из школы домой. Дорога тянулась мимо огородов и полей. Купив в магазине у школы буханку мягкого черного хлеба с солью, и набрав по дороге с колхозных полей лук, огурцы, репу, редиску и капусту, в середине дороги устраивали привал и с неописуемым удовольствием поглощали все, что было. Если же была жаркая погода, то привал делали недалеко от дороги у реки, и питание сочеталось с длительным купанием. Мои товарищи Володя Сутугин, Витя Широков, Юра Казаков, Миша Колонуттов обычно возвращались из школы вместе, и за общением длинная дорога казалась незаметной.

Придя из школы и сделав за 20-30 минут домашние письменные уроки, мы бежали на улицу. Летом гоняли на лугу мяч до тех пор, пока хватало сил, после чего шли за линию на речку купаться. Зимой надевали лыжи или валенки с коньками и шли на болото у железнодорожной линии или на болото, находившееся в начале деревни.

Если речка замерзала, а в первые годы после войны она замерзала почти каждую зиму, катались на коньках по реке или на санках.

Перед сносом деревни на Каменной плотине проживали: Илюхины, Петровские, Тришины, Сутугины, Широковы, Сафоновы, Барановы, Галеевы, Чекалины, Чубриковы, Евтеевы, Рассохины, Разуваевы, Гореловы, Силины, Ильины, Агаповы, Веденины, Сас, Гузман, Пангаевы, Корытины, Капитульский, Николаевы, Броншвалы, Абрамовские, Бибяевы, Облезовы, Нехаевы, Граченковы, Назаровы, Казаковы, Самойлики, Пановы и другие жители.

Получив ордера, кто с радостью, а кто и с грустью покидал родные пенаты.

Если в деревне Каменная плотина раньше не было не то что магазина, но не было даже телефона, то в шестидесятых годах произошли масштабные изменения.

Из-за того, что река Сетунь весной и осенью сильно разливалась, а отдельный участок реки проходил совсем рядом с железной дорогой, было принято решение изменить русло реки, и был прорыт канал длиной порядка 600 м. Переезд дороги со стороны Мосфильма в сторону Кутузовского проспекта проходил через железную дорогу. Поезда ходили по ней довольно-таки часто, поэтому шлагбаум переезда часто опускался, и перед переездом скапливалась большое количество автомобилей. Чтобы

разгрузить этот участок пути, под железной дорогой, был проложен туннель и подведена прямая магистраль от Мичуринского проспекта до Кутузовской шоссеиной дороги. На месте болота, где, по моим воспоминаниям, как-то раз из трясины вытаскивали лошадь, появилось прекрасное озеро, где сейчас плавают утки и лебеди. На берегу озера соорудили солнечные часы. Там же теперь стоит большая каменная скамья, на спинке которой разместили фотографии всех кинофильмов киностудии «Мосфильм», а рядом установили фигуру лягушки метра полтора высотой со стрелой во рту. Вдоль берега озера были высажены деревья, и теперь это место превратилось в зону отдыха детей и взрослых. Вместо деревянных сельских домиков появились высоченные здания, высотой более 30 этажей. И то, что раньше и представить было немыслимо – рядом с местом, где раньше была наша деревня, теперь находятся две станции метро. А сама деревня Каменная плотина получила название Золотые ключи. Такое раньше можно было прочесть только в сказках.

Тамара Грандовна Канканян, 71 год

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ТУШИНО

Э то был 1968 год, когда я пришла работать медицинской сестрой в хирургическое отделение Боткинской больницы. Я была легкой на подъем и инициативной девушкой, поэтому время от времени мне поручали задания самого разного характера.

Так, однажды вызывает меня заведующий отделением и дает комсомольское поручение – взять шефство над палатой В.И. Ленина и проводить в ней экскурсии. А я и сама заметила в углу коридора рядом с мемориальной доской маленькую палату, где ровно сутки пролежал В.И. Ленин после операции по удалению пули в 1922 году. Итак, я изучаю историю палаты, в больничной библиотеке читаю книги, сотрудники музея В.И. Ленина привозят нам копии документов. И вот я становлюсь «директором» палаты-музея.

Со всего Советского Союза в нашу больницу приезжали врачи на повышение квалификации, а я с радостью рассказывала им про нашу гордость и достопримечательность – палату вождя. Кроме того, сюда, к памятному месту, все близлежащие школы направляли своих октябрят для принятия в пионеры!

И как забавно это было!

Счастливые ребята били в барабаны и трубили в горны на пути к палате, а пациенты кричали мне: «Тамара, иди скорей, твои пришли!» Приходилось унимать пыл молодых пионеров из-за

жалоб больных. Но подудеть и постучать в честь такого торжества я всем разрешала, только немного и аккуратно. Много тогда было интересных встреч.

Например, однажды подошел ко мне пожилой мужчина и рассказал, что он был одним из пяти чекистов, которые стояли в карауле у палаты, когда привезли Владимира Ильича. Мужчина протянул мне руку и крепко пожал мою.

Один из показательных рассказов, связанных с этой палатой, – это случай с молоденькой сестрой, Екатериной Алексеевной Нечкиной. Екатерина Алексеевна ухаживала за Ильичом после операции, а тот расспрашивал ее об условиях работы, проживании людей, а затем отметил: «А почему вы такая худенькая?».

Нечкина растерялась и не нашлась что ответить Ильичу, а Ленин уже спустя день после операции просил наркома здравоохранения Семашко отправить Екатерину Нечкину в санаторий Крыма. И что вы думаете? На праздновании 100-летия со дня рождения Ленина к палате привезли 96-летнюю Екатерину Алексеевну Нечкину!

Пожилая женщина тихо дремала, пока я рассказывала историю палаты, а когда речь зашла про ее интересный случай, она, будто окрыленная воспоминаниями, вырвалась от своих помощников и кинулась ко мне на грудь.

– Деточка! А я ведь была такая же, как ты сейчас! И тоже худенькая! – простонала Нечкина в моих объятиях.

А еще однажды находилась в нашей больнице на лечении корреспондент Василиса Михайловна Грандова. После отбоя, когда все заснут, она подходила ко мне и расспрашивала про больницу, палату и про меня саму, а я, ничего не подозревая, рассказывала ей все подробности, какие знала и чем делилась с другими. А после выписки Василисы Михайловны, написала статью про наш маленький музей, меня и моих коллег в газете «Пионерская правда!».

Мне торжественно вручили первые 100 экземпляров газеты за февраль 1976 года.

Какое это было счастье! Огромная статья на всю последнюю страницу с фотографиями и рассказанными мной историями! После публикации статьи мне начали приходить письма от детей со всей страны и даже других стран!

Ребята рассказывали о себе, целые школы присылали отчет о проделанной за год работе, приглашали меня в гости. Я старалась отвечать всем, высылала свои фотокарточки. Так продолжалось много лет. А сегодня мемориальной доски больше нет, палату закрыли. Когда прохожу мимо, вспоминаю молодость, коллег, октябрят, гостей и пациентов. Хорошее было время, богатое на события и эмоции. И грустно, и есть что вспомнить...

Много в моей жизни было забавных историй о том, как доводилось встречаться с будущими или уже состоявшимися знаменитостями. И это одна из них.

Мне было 16 лет, я училась в медицинском училище № 16 при Боткинской больнице. В один судьбоносный день мне с моими подругами ну совсем не хотелось идти на пары. И решили мы с нашей группой прогулять.

– Только давайте, если сбегать, то все вместе! – договорились мы с подружками.

Решено! Бежим! И вот мы весело вылетаем из училища и вальяжно плывем по улицам Москвы. Брели, куда глаза глядели и вдруг оказались у Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Единогласно было решено посетить какой-нибудь концерт!

И вот мы в огромной красивом холле стоим в очереди, покупаем самые дешевые билеты на балкон какого-то концерта, который вот-вот начнется. Заходим в зал. Людей не так уж много. Усаживаемся на балконе, а потом глядим – ба! Партер весь свободен. План был очевиден. Гаснет свет, и мы с друзьями крадемся к манящему партеру, усаживаемся на престижных местах и замираем в ожидании начала. Девчонки расселись, кто как: кто-то кучкой, кто-то порознь.

Мне досталось место рядом с каким-то пожилым мужчиной, на вид лет 60-ти. Он, кстати говоря, единственный, кто сидел в партере на момент, когда мы его заселили. Концерт начинается!

Играет классическая музыка. Я не была уверена, что мне понравится, но эта музыка тронула струны моей души. Ритмичная, воодушевляющая, иногда тревожная, иногда убаюкивающая. Мы с

подругами все никак не могли угадать, чью музыку исполняют. То ли Чайковского, то ли Бетховена. Ведь покупали билеты совсем не глядя! Итак, слушаем первый концерт. Когда музыка затихла, зал разразился овациями. И вдруг мужчина рядом со мной подскакивает и куда-то мчится.

– В туалет что ли побежал, – подумала я.

А он раз и взлетает на сцену! Кланяется залу, принима-

ет цветы и похвалу и возвращается к нам в партер.

Я, конечно, заинтересовалась, что же за дядечка такой интересный сидит со мной рядом. И вот я незаметно, как могла, кошусь и пытаюсь рассмотреть хоть парочку знакомых глаз черт, но все тщетно. А этот солидный мужчина лет 60-ти раскрывает шуршащие фантики и ест конфеты. Наверное, переживает. А я все присматриваюсь...

Вдруг мой сосед разворачивается ко мне и спрашивает: «Вам понравилось?» Я киваю, ведь музыка, такая знакомая, действительно запала в душу! Тут он протягивает мне конфету, и я в волнении раскрываю ладонь и принимаю угощение. Прошло еще какое-то время, когда мой сосед после каждого произведения взбегал на сцену, срывал аплодисменты и садился обратно.

После концерта я спросила программку. И тут читаю: «Д. Шостакович. Концерт № 1 для фортепиано с оркестром».

В моей груди что-то екнуло. Шостакович! Да это же сам Дмитрий Шостакович! Ну как такое вообще возможно?!

Шестнадцатилетняя, я сидела рядом с такой знаменитостью, косилась взглядом и никак не могла узнать! Вот это да! Конечно, жалко, что не сохранилось конфетного фантика, который я от волнения скатала в шарик и где-то потеряла. Зато сохранились такие яркие воспоминания.

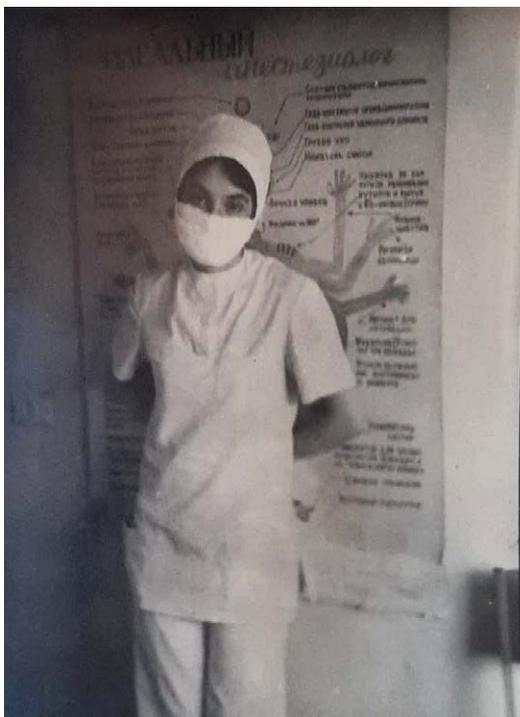
Позже я, конечно, слышала и про того самого Максима Шостаковича, сына великого композитора, который по стопам отца занимался музыкой. Вот так в очередной раз по счастливой случайности или по воле судьбы я оказалась рядом с великим человеком, чей вклад в культуру нашей страны неоценим. Прекрасный вечер, завораживающая музыка, конфета, вкус которой все еще можно вспомнить. Ничуть не жалею, что решила прогулять лекцию. Как же все-таки хорошо, когда спонтанные решения могут привести к удивительным приключениям и поворотам судьбы. За всю жизнь я убеждалась в этом не раз. Иногда стоит позволить себе идти навстречу своим желаниям и сиюминутным «хочу». Я уверена, что если в этот момент вы что-то теряете, то жизнь обязательно возмещает это вдвойне.

А еще в моей жизни была настоящая волшебная предновогодняя сказка о том, как за одну ночь мне удалось задержать перед выходом на сцену заслуженного артиста РСФСР Барышникова, познакомиться с народным артистом СССР Васильевым и поздороваться за руку с прима-балериной Большого театра СССР и народной артисткой Улановой Галиной.

Случилось это все в декабре 1969 года. Москва. Мороз. Бегу на работу, у меня ночная смена. Совсем недавно я

закончила медучилище и работаю в больнице им. Боткина в хирургии медсестрой. Принимаю дежурства, а сменщица, моя подруга Люся, говорит: «Утром не уходи, я заеду за тобой. Мы идем в Большой театр».

А в Москве в это время проходит Первый Международный конкурс артистов балета им. П.И. Чайковского. Уже прошли предварительные туры. А у нас лежит администратор из Большого театра и приглашает на генеральную репетицию.

Утром выходим с Люсей из метро у Большого театра и замираем на минуту от красоты: снежное морозное утро, встает солнце, и все окутано нежной розовой дымкой. Все блестит, переливается, скрипит под ногами снег. А перед нами махина театра с колоннами. А над ним парит колесница с четверкой лошадей. И охватывает небывалая радость, сердце замирает от предчувствия сказки. Но надо спешить, подходим к служебному входу. Старичок вахтер объявляет, что нас уже встречали, но ушли и нам придется искать самим.

Заходим в театр, никого нет, гардероб не работает. Снимаем шубы, шапки и держим в руках. Прихорашиваемся, а куда идти не знаем. Открываем какую-то дверь и попадаем в темное помещение, идем наугад. Спотыкаемся о какую-то мебель, у стен стоят декорации дворцов, морей, кораблей, сверху спускаются тросы, крючья, веревки, пыль, паутина. Мы попадаем в закулисье.

Интересно, но что делать нам – не понимаем вообще.

И вдруг где-то вдали блеснул луч света и раздались звуки музыки. А мы уже ужасно устали пробираться по закулисным завалам со своей одеждой, с сумками, в сапогах. Устремляемся к свету. Рядом с большой закулисной шторой стоит паренек в балетном костюме, уже в позе – он приготовился выбежать на сцену.

И вдруг раздается умоляющий стон – это Люська не выдержала и кричит: «Эй, парень, подожди, не уходи!»

Он вздрагивает от неожиданности, смотрит на нас, а мы протягиваем к нему руки: «Скажи, как пройти в зал?».

Он бедный потряс головой, но спокойно нам объяснил

куда идти, сказал: «Там будет мостик через оркестровую яму, и вы попадете в зал».

Представьте картину: две нагруженные вещами девицы идут по шаткому железному мостику у всех на виду. Оркестр перестает играть, все смычки и лицо дирижера подняты вверх – все ждут когда мы дойдем и сядем.

Музыка начинает сначала, парень выбегает и взлетает над сценой. Конкурс продолжается. Рядом с нами сидит французский балетмейстер и Люська, наклонившись к нему, дает ему «ценные советы». Он улыбается и кивает головой, не очень понимая по-русски. Я толкаю ее в бок и шепчу: «Нас же выгонят».

В антракте все устремляются в артистический буфет в подвале. Встаем в очередь и мы. А перед нами ребята из балета в костюмах, в гриме. И «наш танцор», конечно, здесь. Смотрит, улыбается, берет бутылку воды. Конечно, Люся моя опять не выдержала и говорит: «Ребята, вы бы поели лучше, столько сил тратите». А витрина ломится от пирожков, пирожных, бутербродов.

Они смеются и отвечают: «Нет, это вы поешьте, а нам нельзя». Сели мы за столик и тут подходит к нам администратор и говорит: «Я вас ищу, куда вы пропали?»

А мы его спрашиваем: «Что это за парень там воду пьет?» «А это очень способный молодой участник, Барышников его фамилия, запомните его». Он, кстати, занял тогда первое место среди мужчин.

Потом администратор познакомила нас с Владимиром Викторовичем Васильевым – заслуженным артистом РСФСР. Он тогда уже был знаменитым премьером.

А после антракта еще один сюрприз. Председателем жюри этого конкурса была незабвенная Галина Уланова. Люся предложила поздороваться с ней.

Я от страха забыла ее отчество, но потом вспомнила. Подошла и сказала: «Здравствуйте, Галина Сергеевна». Она обернулась и протянула свою узкую ладошку с длинными трепетными пальцами, я протянула свою, и мы улыбнулись друг другу. Никогда не забыть мне этот случай смешной и немного нелепый, эту тонкую ладонь и добрый взгляд. И этого веселого парня, который теперь далеко. Не забыть большой балет, Большой театр, предновогодний декабрь и эту огромную замечательную полную сюрпризов Москву!

Ирина Григорьевна Айшпор, 79 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НАГАТИНО-САДОВНИКИ

Немножко о себе, точнее, о своей маме. Моя мама, Ия Эдуардовна Айшпор, родом с Тишинки – Большой Тишинский переулок, который начинается Тишинским рынком и заканчивается Ваганьковским кладбищем. Мама поступила в институт землеустройства (Московский институт инженеров землеустройства – МИИС), там же преподавал геодезию мой отец, Григорий Маркович Горелик.

На втором курсе маму направили на практику на три месяца на Дальний Восток. В палаточном лагере у них сломался радиопередатчик, и надо было выходить к людям. По дороге они встретили охотника, который им сказал, что началась война и какие города заняли немцы. Руководитель группы и практиканты его связали, их было шесть человек и мама, и несли на себе пока не вышли к населенному пункту. Ну, а там уже закрутилось. Так как они геодезисты, то могут работать и маркшейдерами в шахте.

Их отправили в Сучанский лагерь, под Хабаровском. Вот в этом лагере я и родилась 23 мая 1942 года. Моя мама всю жизнь говорила (а дожила она до 94 лет), что лучших людей она встретила там. Жива я осталась только благодаря врачу-педиатру по фамилии Плетнева, она меня в прямом смысле слова выходила. Ее муж после смерти Горького был обвинен с группой «кремлевских врачей», а она попала в лагерь.

Маме разрешили вернуться в Москву, когда мне было 2,5 года, папа вернулся позже. Но не в самую Москву, а в Подмосковный угольный бассейн, район усадьбы Льва Толстого «Ясная Поляна». Да... Шахтеры, все добывали уголь – так выглядели москвичи, а там были одни москвичи. У мамы в бригаде был молодой мужчина, который рассказывал, что, когда был мальчиком, то должен был к завтраку преподносить Толстому стаканчик земляники.

А я играла с деревенскими ребятами в прятки. Прятались в дзотах. Однажды мама вернулась с работы пораньше и увидела, где мы играем! Меня выпороли так, что я помню это до сих пор. Очень много объектов были еще не разминировано. Тогда я обиделась, и только став взрослой, я поняла, что разминирование было не приоритетной задачей после того, как из этого района выбили немцев.

Я и в первый класс пошла в Ясной Поляне, в Москве у бабушки были на попечении еще внуки, мои двоюродные братья, и мной некому было заниматься и присматривать. Да, мои родители были москвичами, но, так как они были геодезистами, то все время находились в экспедициях, заезжая в Москву всего на пару недель в году. Такой я знала свою маму, а папы не стало рано, в 1953 году. Ему не было и 40 лет.

Однажды, открыв журнал «Юность», я увидела статью о том, что по распоряжению Сталина была направлена экспедиция геодезистов на Дальний Восток, чтобы сделать снимки на случай, если китайцам понадобится эта территория. И вот мой папа оказался в этой команде, которая снимала территорию будущего БАМа, и на фотографии к этой статье я нашла своего отца. Мама так плакала – папе было всего 37 лет.

Росли мы холодными, голодными во дворах, но какие же мы были счастливые!

Я вам сейчас скажу! Пожалуйста. Тишинский переулок, наш трехэтажный дом номер 17, булыжная мостовая... Наш участковый милиционер написал в свое время книжку, там про дом номер 17 очень много написано. Кто у нас только ни жил, включая так называемых бандитов. Мы жили на втором этаже (бабушка меня взяла на время к себе). Отопление было печное на все три этажа, и если кто-то пек что-то вкусное, то запахи разносились на весь дом. И даже не обсуждалось – гостинцы разносились по всем квартирам. Но не только это. Молочница разносила молоко, разливая его металлической литровой кружкой с длинной ручкой. Жильцы выставляли баночки на лестницу, а денежки клали под коврик. И не было случая, чтоб кто-то эти деньги взял.

А дворником был дядя Яша. В его каморке были вбиты гвоздики, на которые мы вешали ключи, когда уходили гулять. И вот возвращаюсь я домой, мокрая до нитки, дядя Яша посмотрит на меня и говорит: «Вон иди, постой немного в углу, мать придет, я ей скажу, что ты уже свое отстояла». А подо мной лужа, вода стекла с меня. А пото-

му, что внизу была речка Синичка, запечатанная в трубу, с которой мы и катались кубарем с гиками и криками.

А самое главное, что вспоминается, точнее, это забыть невозможно, всю жизнь помню – это День Победы! Объявили 8 мая, я не помню точно в какое время, но уже темнело. И вы знаете, вся Тишинка, все, кто мог передвигаться, мы все побежали на Красную площадь. Я сидела на шее маминого брата, вернувшегося с фронта после ранения, он был очень тощий, и я держалась за его уши. И он говорит моей маме: «Ийка, я сейчас без ушей останусь!» А мама: «Ладно, сейчас все услышим, а там видно будет!»

Что творилось на Красной площади! В воздух палили из всех видов оружия, прожектора, салюты, у кого-то ракетницы! Всех, кто был в военной форме, их начинали подбрасывать вверх. Помню все это единое счастье, и что все люди вокруг плакали. Это было один раз в моей жизни, не потому что у меня неинтересная жизнь, просто все плакали слезами радости. Это забыть невозможно!

А потом многие вернулись с фронта в нашем дворе, кто на коляске, кто без руки, кто без ноги, разное было время, и трудные потом были годы. Но помню я, как ходили на демонстрации, помню Сталина на трибуне, помню, как очень радовались всем праздникам. А еще, когда я ходила в 143-ю школу, вторым ее зданием был госпиталь, где долечивались раненые. Они сидели на бордюре тротуара и никого из детей не пропускали, подзывали к себе: «Девочка, подойди!» Я тогда не понимала, почему они подзывают, косички трогают, по голове гладят, и спросила у бабушки, которая мне объяснила: «У них у всех есть свои детки, им хочется, просто приласкать ребенка, конфеткой угостить, косичку поправить, пусть даже чужого ребенка».

Каждую весну в марте ждали снижение цен. У нас на углу был гастроном, куда мы бежали покупать карамель, которая называлась «китайская смесь». Коробочка небольшая, а в ней были очень интересные конфетки, например груша, маленькая груша с ноготок, но она была раскрашена как настоящая. И это была самая большая радость! А карточки еще не отменили. И вот, когда по карточкам давали муку, к ней выдавали маленький кусочек дрожжей. У меня, наверное, чего-то не хватало в организме, я шла вдоль очереди и у каждого спрашивала, кому не нужны дрожжи, и мне давали, а я тут же их съедала. А когда отменили карточки, то во дворе разожгли костер, и взрослые туда кидали и кидали, и кидали их, а мы, дети, смотрели.

А потом начался 1953 год. В десять часов вечера все гасили свет и смотрели, к кому поедет «воронок». А когда «воронок» уезжал, весь двор бежал узнать, чем помочь семье в этом горе. У нас всякие жили, всех национальностей, и поляки, и евреи, и русский, но это было не важно.

Еще один такой момент. Еще один. Мама училась в 129-й школе (сейчас там музей Зураба Церетели), и я заканчивала эту же школу. Меня мама маленькую водила после 9 Мая несколько раз туда. Оказывается это был традиционный вечер встречи выпускников в этой школе – первая суббота мая. Когда мы пришли первый раз, их было всего трое: мама и еще две девочки. Остальные все погибли. Это запоминается на всю жизнь. И потом, когда я уже заканчивала школу, а это уже были смешанные классы – и мальчики, и девочки, – мама все равно со мной ходила, ходила и ходила. Вот так в Москве складывались и зарождались традиции...

Светлана Михайловна Доктева

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТАГАНСКИЙ

30-е годы... Москва строится, радуется, поет. Много событий в стране, грандиозных свершений, надежд на мир, на лучшую, светлую жизнь. Но враг вероломно направился к сердцу Родины всего советского народа – Москве. И в одночасье круто изменились судьбы людей, недавно верящих в счастье во всем мире. Война нарушила спокойную жизнь москвичей, разбросала семьи.

И, конечно, у каждой семьи своя история, связанная с Москвой. Удивительная, трогательная. Моя мама воспитывалась в детском доме города Миасса. И не помнит своих родителей. После войны судьба забросила в сибирский город Омск. Далеко от Москвы. Отец пропал на дорогах войны, а мама ее еще до войны умерла. Никаких сведений, никаких следов родни. Помнит только мужчину в военной форме и что имя у нее было «не Альбина, а не то Валя, не то Таня».

После детского дома жила, трудилась, воспитывала детей. Частые поездки, всегда через Москву. И всегда с трепетом, необъяснимым волнением, радостью бродила по улицам города. Может память сердца, ощущение близости духовной или зов предков притягивали мою маму, а затем и меня и моих детей в этот удивительный город.

И вскоре мы все же оказались в Москве всей семьей. Вначале по роду службы, а теперь навсегда. Вот уже и четыре правнука – москвича. Но как будто чего-то не хватает. Или кого-то?

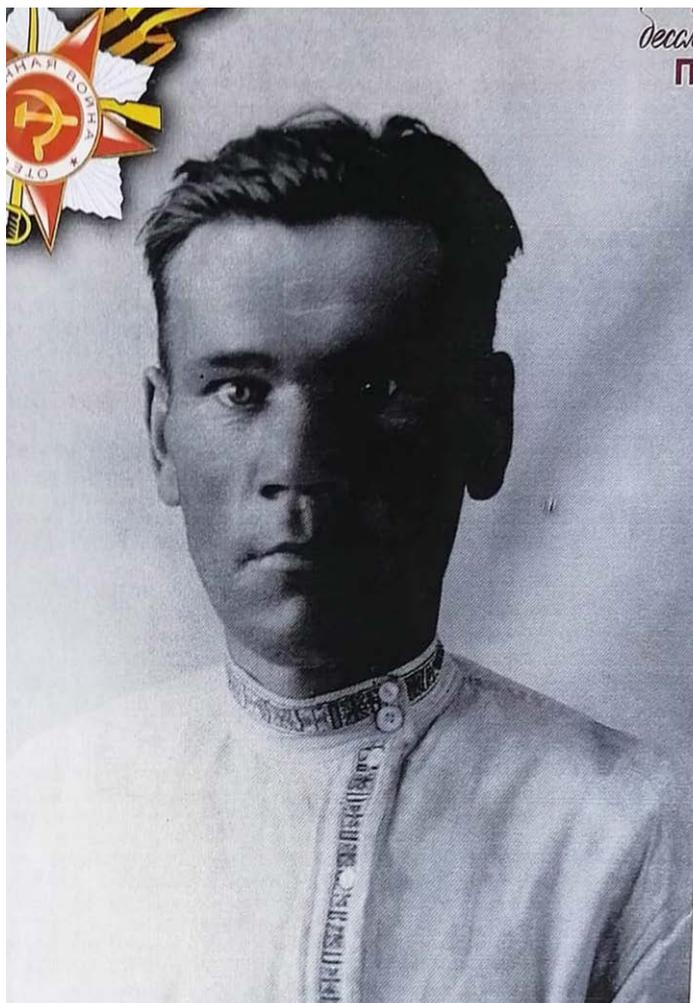
Старший внук начал поиски. И мы нашли недостающее звено нашей большой семьи. Мы

нашли прапрадеда, прадеда, деда, отца. Еланцев Виктор Артемьевич. Узнали о его подвигах и жизни. Пусть десятилетия спустя... Но мы нашли свои корни! И единственное фото, обнаруженное в архиве Министерства обороны, и описание его подвигов, за которые он награжден орденами и медалями.

Мы узнали, что в августе 1941 года он ушел на фронт рядовым добровольцем. Защищал Москву, освобождал Варшаву, «брал» Берлин. Войну закончил уже гвардии старшим лейтенантом, командиром роты в декабре 1946... Жил в Москве. Он искал и не нашел свою дочь, которой почему-то поменяли имя в детдоме.

Мама всегда говорила: «Не знаю, откуда я, не знаю родных, никого нет». Есть и они в Москве. Москва воссоединила родных. А все началось с одного фото, скудной информации о героизме, о послевоенной жизни, о семье. Но это уже другая история!

Ирина Ивановна Веремеева, 60 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
КОСИНО-УХТОМСКИЙ

Хочу вам рассказать о женщинах нашей семьи. Моя прабабушка – Ирина Александровна Щербакова родилась в Москве и жила на улице Нижней Тверской ямской слободы. (Для справки: Тверская ямская слобода появилась еще в 16 веке и располагалась за деревянными воротами Москвы в Тверском направлении. После войны 1812 года стала частью Москвы).

Раньше там находились деревянные одноэтажные дома, и в одном из таких домов проживала семья моей прабабушки. К сожалению, год рождения ее я не знаю, и фамилия Щербакова – это ее фамилия по мужу. Фотографии моей прабабушки в молодости у меня не сохранились, так как во время войны в нашей квартире жили чужие люди и многое было утеряно. У меня осталась только фотография, где моя прабабушка уже в пожилом возрасте. Семья прабабушки была достаточно зажиточная. Отец держал ломовых извозчиков для перевозки грузов. Сейчас бы сказали «бизнесмен средней руки».

Ирина Александровна вышла замуж и жила также в своей родной слободе. Это было еще до революции. После

революции прадед работал в ЧК. И в 20-е годы уехал на Дальний Восток воевать с японцами. Прабабушка с двумя детьми на руках, беременная третьим ребенком, поехала за ним. Что подвигло ее и зачем она это сделала, нам теперь не узнать.

В результате этого моя бабушка, Валентина Александровна, родилась не в Москве, а на Дальнем Востоке. Потом, конечно, они вернулись в столицу,

но по месту рождения она уже стала не москвичкой. А дальше география мест, где появлялись на свет женщины моей семьи, продолжила расширяться.

Мой дед Виссарион Ксенофонтович родом из Иркутска. Он геолог. Как и где бабушка с ним познакомилась, мы теперь не узнаем. Вероятно, он приезжал в Москву в командировку, тогда-то они и встретились. После свадьбы они уехали в длительную командировку в Магадан. И моя мама родилась уже там. Так бабушка продолжила традицию своей мамы и родила дочку не в Москве. На приисках в Магадане, где они жили, не было школ, а дети подрастали, и несмотря на то, что везде бушевала война, в 1943 году они вернулись в Москву.

Бабушка поступила на работу в Академию Жуковского и до 50-х годов работала там чертежницей. Специального образования у нее не было, но она очень хорошо рисовала и чертила. Позже она перешла работать на завод «Коммунар», впоследствии «Дукс».

«Дукс» – один из первых авиационных заводов в Москве, существует с 1893 года. До 1917 года это был императорский завод. Основатель и владелец завода – инженер Юлий (Юлиус) Александрович Меллер. Предприятие производило самолеты, а также велосипеды, мотоциклы, дрезины, автомобили, аэросани, дирижабли. После национализации в 1919 году переименован в Государственный авиационный завод № 1 (ГАЗ № 1). Вся наша семья так или иначе была связана с этим заводом.

Позднее моя мама, Дина Виссарионовна, тоже пошла работать на «Дукс»: сначала работала секретарем, потом освоила профессию радиомонтажницы. Там она и познакомилась с моим отцом Иваном Николаевичем.

Расскажу о нашем доме. Семья бабушки жила на Ленинградском проспекте в бараках. По адресу: Ленинградский проспект, д. 24 и ул. Правды стояли большие каменные дома, а во дворах располагались бараки. В таком бараке они прожили до конца 50-х годов. Потом бараки сломали, и семья переехала, как им тогда казалось, на окраину Москвы. Сейчас это район Сокола и Аэропорта. Метро в тот момент там уже было.

Дом наш находился по адресу: Амбулаторный переулок, д. 13. Это был первый каменный дом на улице и сразу начинался с номера 13. Когда-то перед ним стояли деревянные домишки, со временем их сломали, а нумерация домов так и осталась. В этом районе было много госпиталей, поэтому переулок получил такое название. В 70-е годы напротив построили кинотеатр «Баку», улица была переименована в честь азербайджанского поэта Самеда Вургуня, а наш дом стал за номером 1, так как он действительно стоит первым на этой улице.

Я родилась в том же районе. Со временем старые дома убрали, а остались вокруг сады. И все наше детство прошло в этих садах: собирали яблоки, крыжовник, смородину. В центре был небольшой заросший пруд, потом это все почистили и облагородили.

В 70-е годы отца, как одного из лучших специалистов авиационной промышленности, отправили в длительную командировку в Индию, мама поехала с ним. Детей в семье тогда было двое: я и мой полуторагодовалый брат. В Индии у меня родилась сестренка, ее называли Индирой... И получается, что из всей нашей семьи «выбилась» только я – родилась не в далеких краях, а в Москве.

Когда выросла, я тоже присоединилась к трудовому коллективу завода «Дукс». Там работали еще многие из нашей родни. Получается, семейная династия. По образованию я инженер и до 90-х годов проработала на заводе испытателем.

В 90-е, в период распада Советского Союза, оборонные предприятия стали закрываться, и мне пришлось уйти. А дальше мой послужной список значительно расширился. Я работала няней, работала в гостинице, потом моя деятельность была связана с выставками. Пришлось сменить много мест работы, чтобы обеспечить семью всем необходимым. А семья у меня большая, сейчас у меня 7 внуков и 1 правнук.

Мои дочери и внуки все родились в Москве. Получается, что я завершила традицию женщин нашей семьи. Самое удивительное в этом то, что все они жили в Москве и не покидали ее надолго. А вот чтобы родить детей, им нужно было непременно куда-то уехать. Считаются ли дочери москвичками? Может, формально вопрос неоднозначный, а для нас без сомнения – да.

Но мы не останавливаемся, и, кажется, в нашей семье появилась новая традиция: теперь наши женщины привозят издалека своих мужей. Мой муж, Михаил Валентинович Веремеев, родился в Тбилиси. Мужья моих дочерей – из Омска и из Киева. Куда повернет дальше линия жизни нашего рода – время покажет. На то она и судьба, чтобы удивлять нас новыми, неожиданными поворотами.

Марина Владимировна Пильщикова, 70 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ФИЛИ-ДАВЫДКОВО

Яна даче. Лето, август, но скоро в Москву. Сколько себя помню, основную часть лета я проводила на даче в Подмосковье и в конце августа возвращалась в Москву. Я – москвичка, самая настоящая, родилась в знаменитом роддоме им. Грауэрмана на Арбате. Самое раннее детство провела в Большом Девятинском переулке, это рядом с Садовым кольцом, потом были Фили, а позже, как многие москвичи, уехала на окраину в Матвеевское.

На каждом жизненном этапе Москва для меня была разной, но всегда очень интересной, всегда раскрывалась с разных сторон и давала мне силы. Студенческие годы были связаны с Лефортово. Сколько ярких воспоминаний – не передать! Это очень интересный район, с большой историей и яркой архитектурой. Но, пожалуй, самой интересной Москва стала для меня в 90-е годы. Да, да в те самые 90-е, когда казалось, что все рухнет, когда люди думали, как бы выжить. И тогда Москва помогла, стала спасительным якорем. Именно тогда я со своими друзьями придумала программу «Москва. Связь времен. Связь народов», которая показывала вклад различных народов в историю и настоящий день Москвы. Это были различные вечера, встречи с выдающимися людьми разных национальностей, и, самое интересное, экскурсии, которые до этого никто не делал, такие как «Москва многонациональная», «Москва грузинская», «Славянское ожерелье Москвы», 5 экскурсий цикла «Немецкие страницы в истории Москвы», «Народы, религии, храмы», «Чудотворные иконы Москвы», всего не перечислить. Нашу программу поддержала Мэрия Москвы, она тогда объединила многих москвичей разных национальностей, людей неравнодушных, любящих свою культуру, и настоящих патриотов Москвы. Я благодарна судьбе, что они стали моими друзьями и единомышленниками, что мы вместе идем по жизни. Низкий земной поклон вам, мои дорогие, москвичи: русские, украинцы, грузины, казахи, евреи, киргизы, корейцы, немцы, армяне, татары, все 180 национальностей, проживающие в столице. Пусть будет еще краше наша с вами Москва!

Валентина Федоровна Матвеева, 80 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БЕСКУДНИКОВО

УЛОЧКИ МОСКОВСКИЕ

Мне уже 80 лет. «Как быстро кончается жизнь» – известные слова Ольги Берггольц, русской поэтессы. Да, это так. Казалось, что жизнь никогда не кончится, что я всегда буду молодой и красивой. Но, увы... И лишь воспоминания подсказывают, какой длинной была жизнь.

Детские воспоминания еще сохранились, хотя не такие яркие. После войны, году, наверное, в 1947, помню, мы жили на Селезневке. Мой отец работал в котельной, а мама – дворником. Утром они уходили на работу. Наши бараки стояли в конце Селезневской улицы, недалеко был уголок Дурова, и мы часто бегали туда смотреть представления. Особенно запомнились представления с белыми мышками. Приезжал маленький поезд с зелеными вагончиками, и мышки начинали быстро заполнять вагончики. Они суетились, толкались и пищали, и это было очень весело. Мышки были такими маленькими, беленькими, смешными и очень подвижными. Они отталкивали друг друга, стараясь залезть в вагончик. Мы смотрели это представление почти каждый день, и нам казалось, что мы знаем каждую мышку. Мы даже давали им имена!

Мы не боялись одни ходить в уголок Дурова. В то время машин было на улицах мало, не помню, ходил ли тогда трамвай. Родители были за нас спокойны. Еще помню, как мы ходили за морсом с трехлитровыми банками, он тогда продавался на лотках с соками и сладкой газированной водой. Морс был кисло-сладким и очень вкусным. Этот вкус я никогда не забуду.

Так сложилось, что мне довелось жить в разных районах Москвы, и воспоминания о каждом из них остались в моей памяти. В 1961 году я жила в Земледельче-

ском переулке, это район метро «Смоленская». Эта станция была очень светлой и красивой, какой остается до сих пор. Одна из самых красивых станций. Вечером после работы, выходя из метро, шла в Смоленский гастроном. О нем можно рассказывать бесконечно. Чего там только не было в то время! А запахи просто сводили с ума. Я шла в рыбный отдел и долго наслаждалась запахом дорогой рыбы, икры и разных вкусов. Глазам открывалась витрина с красной и черной икрой, красной рыбой, осетриной, белугой. Витрина была оформлена красиво, выпуклым стеклом с подсветкой. Иногда я позволяла себе купить кусочек красной рыбки, может, один раз в полгода.

В один такой раз, купив несколько кусочков рыбки, я не могла донести ее до дома и доставая кусочек из пакета (рыбка была очень жирной), я обнаружила, что на руке нет колечка. Очень расстроилась, думала, соскочило колечко

с жирного пальчика. Дома ничего не сказала, а когда на следующий день собиралась на работу, нашла колечко в сумочке.

Смоленский гастроном был красивым внутри. Высокие своды, лепнина. Много отделов и всегда вечером можно было купить продукты. Очень хорош был молочный отдел: всегда молоко, кефир, сметана и многое другое, все всегда свежее.

Помню улицу Плющиха, кинотеатр «Стрела» на Садовом кольце. На Арбате в знаменитом роддоме, который и сейчас там стоит, появилась на свет моя дочь. А в детский магазин на Старом Арбате я бегала каждый день. Тогда появились первые детские колготки, и приходилось стоять в очереди довольно долго, чтобы их купить. Помню Новодевичий монастырь, где крестили дочку. Как ходили с ней гулять в парк Новодевичьего монастыря. Ходили на Садовое кольцо смотреть проход техники после парада Победы. Это было очень здорово. И, конечно, салют. Запомнила на всю жизнь.

Из Земледельческого переулка (расселили дом) мы переехали на улицу Куусинена. Улица была красивой,

большие дома, за нашим домом был небольшой парк и стадион ЦСКА. В доме жили, в основном, одни военные, а так как в Земледельческом мы жили в военном доме, то и на Куусинена попали в такой дом. В этом доме жил Владислав Третьяк. Я в то время подрабатывала вечерами на почте, разносила вечерние телеграммы. Наши хоккеисты одержали победу на чемпионате мира и выиграли у Канады. Вся улица гуляла всю ночь, а я носила поздравительные телеграммы в квартиру Третьяка. Тоже запомнилось надолго. Это были 1967-1968 годы.

Мой сын родился в роддоме, который находился на Волоколамском шоссе за магазином «Смена». Очень хороший был магазин, много детских товаров для разного возраста. Жизнь продолжалась.

Потом мы переехали на Скаковую улицу. Это район Ленинградского проспекта, напротив гостиницы «Советская». Рядом была кондитерская фабрика «Большевик», и мы наслаждались запахом ванили и сдобы. Недалеко были конюшни детской спортивно-конной школы. Жили между запахом сдобы и запахом конюшен. В майские праздники – 1 Мая, День Победы – часть Ленинградского проспекта делали праздничной зоной, устанавливали лотки с пирожными, соками, пирогами и разными сладостями. Везде были флаги, летали надувные шары, люди гуляли и веселились. Особенно радовались дети. До самого Белорусского вокзала была праздничная пешеходная зона. Сейчас, собираясь на семейных посиделках, вспоминаем те счастливые времена.

Очень яркие воспоминания у сына, тогдашнего восьмилетнего мальчишки. Вот какой он вспоминает Москву своего детства: «Я встречал тебя, мама, у ажурного дома. Это был очень хороший дом, потому что на первом этаже был гастроном. Он был рядом с остановкой, и пока я тебя ждал, глазел на отдел «Соки-воды». Он переливался всеми цветами радуги: желтый, пурпурный, фиолетовый, красный. В стеклянных высоких стаканах играл и дразнил сок, газированная вода. Ты всегда находила меня там. Мы шли домой. На тебе была коричневая юбка и желтая кофта «Лапша». Мы заходили в кулинарию, покупали шашлык. И ели его прямо из пакета, сырым».

Дальше были: Отрадное, Рублево, Войковская. Это была моя Москва, близкая и далекая. Теперь я живу в Бескудниковском районе.

О Москве можно вспоминать и говорить бесконечно.
Пусть живет и здравствует наша Москва!

Ольга Васильевна Ильина, 63 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БИБИРЕВО

ДОМ, ГДЕ ВЫРОСЛО ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Моей семьей после замужества стала семья мужа: его мама, отец и бабушка. Это были люди большой внутренней культуры, великой скромности и трудолюбия. Москвичи в пятом поколении, родились и выросли в историческом центре столицы – Немецкой слободе, ныне район Басманный. Мама мужа Ильина Ираида Сергеевна (1926-2013) рассказывала нам о своем детстве в Аптекарском переулке. Они жили большой семьей в одноэтажном деревянном доме, где не было отопления, водоснабжения, еду готовили на керосинке. По утрам водовоз на лошади развозил воду в бочке. Умывались из ручной мойники. Мыться ходили в общественные бани. Дом был огорожен забором, во дворе стоял большой сарай с дровами. Зимой со стороны сарая образовывалась горка из сугробов на радость детям. Дружная соседская детвора всегда играла во дворе. Иногда к дому приходила молочница и продавала свежее молоко. Быт москвичей тогда мало отличался от деревенского. На фото – бабушка мужа Антонина Ивановна Разумова во дворе их дома.

Она родилась в этом доме в 1902 году. Крестили ее в

расположенном неподалеку храме Вознесения Господня на Гороховом поле (ныне ул. Радио). Об этом была сделана запись в Метрической книге и выдан документ, который бережно хранится в нашем семейном архиве

Из этого документа можно почерпнуть много ценной информации: о том, к какому сословию принадлежали родители, откуда они родом, какого вероисповедания и даже сведения о крестных родителях. На обратной стороне мы видим фамилию и подпись псаломщика: Сагацкий Павел Александрович. Это отец ее будущего мужа! Какие хитросплетения судьбы! В этом храме через 111 лет отпевали дочь Антонины Ивановны, нашу дорогую Ираиду Сергеевну.

Мать Антонины Ивановны Елизавета тоже родилась и выросла в этом доме. Вот она маленькая со своим отцом Аверкием (Аверьяном) Депре.

Фото относится примерно к 1886 году. Это прапрадед и прабабушка мужа.

Сохранились воспоминания о том, как Елиза-

вета побывала на праздновании коронации императора Николая II на Ходынском поле в 1896 г. Ей было 13 лет. Конечно, она пошла туда не одна, а с родными. И, к счастью, для нее все обошлось: она вернулась невредимой и с царскими гостинцами. Самым ценным подарком была кружка с гербом: вензелями и позолоченным ободком. Эта кружка больше 100 лет хранилась у нас на даче.

Моему мужу запомнилось, как им с братом в детстве бабушка Лиза читала «Историю государства Российского» Карамзина и часто рассказывала о русских царях, так как прекрасно знала хронологию их правления. И еще в воспоминаниях осталось, что бабушка Лиза спала не на кровати, а на сундуке, потому что семья из 7 человек жила в 2-х комнатной квартире. Почти все москвичи всегда жили в тесноте.

Дом, в котором выросли пять поколений нашей семьи, до настоящего времени не сохранится, его снесли в 1956 году, а на его месте построили многоэтажный дом, и даже нумерация изменилась. А семья переехала в новый кирпичный дом в Плетешковский переулок. Это совсем рядом с местом, где родится А.С. Пушкин в доме своей бабушки Марии Алексеевны Ганнибал. Теперь там стоит школа. Установлен бюст молодого поэта, и каждый год в день его рождения 6 июня читают его стихи все желающие и прохожие. И мы с моей маленькой внучкой приходим послушать и приобщиться к его бессмертной поэзии.

Ольга Ивановна Кузина, 65 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БАБУШКИНСКИЙ

Вся моя сознательная жизнь связана с ВДНХ. Я пришла туда после окончания института, там же встретила свою любовь, своего будущего мужа, там же у меня родилась дочка. Благодаря работе на ВДНХ, мне посчастливилось принять участие в грандиозном мероприятии – XII-м Всемирном фестивале молодежи и студентов, который проходил в Москве в 1985 году.

Мне в то время было 29 лет, я работала в павильоне «Космос» гидом-переводчиком, обслуживала экспозицию павильона, проводила экскурсии для иностранцев на английском языке, занималась организацией отечественных и международных выставок. Я была очень активной, любила свою работу, старалась расширять знания и могла провести любую экскурсию и по ВДНХ, и по Москве.

На Фестиваль я попала не случайно. Штаб Фестиваля от ЦК ВЛКСМ располагался также и на ВДНХ, а я в то время занималась подготовкой экспозиции «Молодежь страны Советов», и члены штаба, зная мои возможности, пригласили меня работать гидом-переводчиком на Фестивале. Я была волонтером.

Это было замечательное время, настоящий праздник! Везде звучала музыка, стояла атмосфера радости, всеобщего подъема. В Москве собралось мно-

го молодежи из разных стран. Они впервые попали в СССР и то, что они здесь увидели, оказалось для них настоящим шоком.

В то время наша страна была закрытой, зарубежная молодежь ничего о нас не знала. И, конечно, их интересовало все: страна, Москва, люди, традиции, быт. Когда я им рассказывала, объясняла, показывала, они искренне удивлялись. Но всю информацию они принимали очень хорошо, благодарили, радовались. Со многими мы подружилась. Я сама была молодая, активная, и у всех нас был общий праздник.

На Фестивале проводилось много спортивных мероприятий, на открытых площадках и стадионах проходили массовые соревнования, концерты, праздники. Запомнилось выступление зарубежных делегаций на Красной площади. Участники шли в красивых костюмах, девушки – в коротких юбочках. По сигналу они выстраивались на площади, образуя слова, фразы, цифры. Все молодые, задорные, со счастливыми лицами. Это было потрясающее зрелище! Стояла замечательная летняя погода, которая усиливала ощущение праздника. Потом участников этого шествия я встретила в Сочи в 2017 году в числе приглашенных гостей уже XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов, где я тоже была волонтером, работала гидом-переводчиком. Я ведь со многими ребятами долгое время общалась и поддерживала переписку.

Официальная программа московского Фестиваля была очень обширная, проходило много встреч, дискуссий, диспутов. Обсуждались самые разные темы – не политические, а молодежные, культурные. На переводчиков падала огромная нагрузка, мы работали с утра до ночи, но я не чувствовала усталости и получала огромное удовольствие! Везде царил очень дружеская атмосфера, завязывались новые знакомства, проявлялись общие интересы.

Помимо проведения экскурсий меня приглашали в молодежные клубы. Там мы могли свободно общаться, танцевать, говорить в неформальной обстановке, больше узнавать друг о друге. Несмотря на нехватку времени, мы старались больше гулять по Москве, рассказывать о себе. И это было особенно ценно. Ведь иностранцы, ближе узнавая нас, меняли свое мнение о нашей стране, понимали, что у нас молодежь общительная, свободная, с широкими взглядами.

На экспозиции «Молодежь страны Советов», где я проводила экскурсии, было представлено много научных достижений, академических разработок, инновационных технологий, внедренных в практику. Иностранцы виде-

ли, что наши молодые люди имеют отличное образование, обладают разнообразными талантами, высоким интеллектом. И все это удивляло и поражало их. А меня удивляло, что они так реагируют! Мы-то привыкли, что у нас молодежь всегда активно участвует во всех областях. При этом я испытывала огромную гордость за нашу страну и чувствовала себя настоящим ее «полпредом». А еще я поняла, что во всем мире молодежь хочет радости, общения, мира. Сотрудничество между странами просто необходимо! А проведение таких масштабных мероприятий является залогом дальнейшей дружбы и взаимопонимания.

Когда Фестиваль подходил к концу, нам всем было очень грустно, не хотелось расставаться с новыми друзьями. Но праздник, к сожалению, завершился.

За активную работу ЦК комсомола наградили медалью и поездкой в Болгарию, а позднее мне вручили диплом ВДНХ.

Воспоминания о том прекрасном времени и XII Всемирном фестивале молодежи и студентов, который проходил в Москве в 1985 году, навсегда останутся в моей памяти как яркая страница жизни.

Москва

ИЗМЕНЧИВАЯ

Ирина Юрьевна Медведева, 65 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
САВЕЛКИ

Я говорю «Моя Москва», поскольку родилась и постоянно живу в Москве. Коренная москвичка в пятом поколении. Я родилась в Замоскворечье, исторических Кадашах (1-й Кадашевский пер., 14), там прошла часть моего детства. Наша семья занимала в доме две квартиры. Наш дом – часть городской усадьбы середины XVIII – начала XIX вв., памятник архитектуры, охраняется государством. Уже позже, после выселения всех жильцов, все здания усадьбы передали Третьяковской галерее, которая рядом, под библиотеку и архивы.

Примыкающий к нашему двору дом «засветился» в фильме «Чайковский» (1969) с Иннокентием Смоктуновским в главной роли: здесь был трактир, куда приходил композитор.

Известная церковь «Всех скорбящих Радости» на Б. Ордынке, построенная арх. В. Баженовым и перестроенная арх. О. Бове, помнит не одно поколение нашей семьи: там

нас крестили и отпевали ушедших. Можно сказать, наша семейная церковь.

Сейчас трудно и представить, что в самом центре Москвы стояли одно-двухэтажные деревянные дома в окружении сараев. Мы часто собирались у родных на улице Рылеева (теперь – Гагаринский переулок). Взрослым было интересно посидеть за столом, пообщаться, попеть песни, а нам, детям, нравилось бегать и играть во дворе дома, залезать в подвал и на чердак.

Тогда вообще часто собирались у кого-то из родных – по поводу и просто так. Все жили в центре. Ордынка, Пятницкая, набережная Максима Горького, Кривоколенный, Уланский, Армянский, Рылеева, 2-й Волконский, Чайковского и так далее – здесь родились и жили мои предки.

В квартирах были старые телефонные дисковые аппараты с обозначенными на диске буквами и цифрами, и в номере было пять цифр и одна или две буквы. Я помню почти все наши номера телефонов.

Наш первый телевизор «КВН-49», черно-белый с линзой, в которую заливали дистиллированную воду, собирал вечерами друзей-соседей на совместные просмотры. Чтобы не выгорал экран, выключенный телевизор обязательно накрывали красивыми салфетками. Позже, уже к другому, более современному телевизору, приклеивали к экрану сине-красно-зеленую пленку, чтоб изображение стало цветным.

Дома был фильмоскоп, его привез дедушка из Германии после войны, и к нему коробки с мультфильмами. Я собирала всех соседских детей на просмотры, белая простыня служила экраном.

Довольно долго в квартирах была обязательная радиоточка. Радиовещание ежедневно начиналось в 6 часов утра и заканчивалось в 12 ночи проигрыванием советского гимна. Под звуки радио, как будильника, советские

граждане вставали и начинали собираться на работу. После гимна была знаменитая 15-минутная гимнастика под команды диктора Николая Гордеева и аккомпанемент пианиста Родионова (и их помню!), после чего рекомендовалось перейти к водным процедурам. В школу я собиралась под «Пионерскую зорьку». В 12 часов дня была производственная зарядка, и мы на работе реально все дружно ее выполняли.

Мы часто ездили в ЦПКиО им. Горького. Маленькой, мне нравилось кататься на малом колесе обозрения, позже – уже на большом. С 1976 года мы с мужем стали ездить в парк, в кегельбан – первый боулинг-клуб в СССР, построенный компанией Brunswick. Когда в парке был «Луна-парк», мы катались на американских горках. Часто ездили на ВДНХ, гуляли, посещали выставки. По выходным на целый день выезжали в парк «Сокольники», тогда было ощущение, что мы выехали за город на природу.

Летом мы обязательно совершали прогулки на теплоходах по Москве-реке, тем более причал «Устьинский мост» был рядом с домом моей бабушки на набережной Максима Горького.

Мы любили ездить в Московский зоопарк и Уголок Дурова.

Мы с папой на машине часто ездили по ночной Москве. Народа и транспорта на улицах не было, не то что сейчас, когда жизнь в мегаполисе не затихает вообще. Папа, работая тогда еще и внештатным сотрудником КГБ, участвовал в поимке серийного убийцы Ионесяна по кличке «Мосгаз».

Каждый год я ходила на Новогодние елки в Кремлевский дворец и Дворец съездов. Особенно запомнились вкусные подарки, оригинальные и прочные упаковки которых еще долго служили в хозяйстве и напоминали о детстве.

Я любила Первомайские демонстрации. Они были длинными и долгими, казалось, весь город вышел на праздник. Совсем еще маленькой, мне нравилось сидеть перед ок-

ном в квартире бабушки и с 9-го этажа в бинокль наблюдать бесконечную яркую праздничную процессию.

В памяти и празднование 50-летия Победы 9 мая 1995. Прильнув к телеэкранам, мы смотрели первый в новейшей истории России парад в честь Дня Победы. Такого масштаба я еще не видела.

Я часто ходила на Кузнецкий мост в Дом моды, где работала моя тетя. Часто была на показах мод, и у меня всегда были журналы. Тем более я очень рано подружилась со швейной машинкой.

Будучи модницей, я постоянно ездила в любимые магазины: ГУМ, ЦУМ и Петровский пассаж. Были магазины иностранных товаров. А кто не помнит очереди буквально за всем, списки и дежурство у магазинов?! Товары в те времена чаще не покупали, а «доставали». В ходу были слова «дефицит», «спекуляция», «блат», «из-под полы», «из-под прилавка». Хорошо, когда были «свои» в торговле. В комиссионных магазинах можно было купить штучные импортные вещи. Что-то удавалось купить и в Салоне для новобрачных. А купить, нет, достать чеки для покупок в магазинах «Березка» было безмерным счастьем.

В детские и школьные годы мы постоянно ездили в «Детский мир» на площади Дзержинского, самый большой детский магазин в СССР. Чего там только не продавали, цены были гуманные, советские. Именно здесь были куплены первые детские колготки. Огромный зал в центре первого этажа особенно радовал игрушками и сказочным оформлением. Кстати, «Детский мир» был первым общественным зданием в СССР, где были установлены эскалаторы.

А какое продавали вкусное мороженое с лотков по 20 копеек в крупных магазинах. И газировку с разными сиропами в больших стеклянных конусных емкостях с краником. На улицах везде стояли автоматы с газировкой, и все пили из одного

стакана. На улицах из бочек продавали молоко, квас, и мы с бидонами выстраивались в очередь. Мы сдавали стеклянную тару. Калькуляторов не было, считали на счетах. Раритетные авоськи для покупок до сих пор храню дома, они снова становятся трендом.

А какими большими были книжные магазины, я особенно любила Дом книги на Новом Арбате и на Мясницкой. Коллекционировала марки, значки, открытки по темам, в том числе с артистами, и за ними «охотилась» по магазинам.

Я регулярно специально ездила в гостиницу «Россия» в газетный киоск, где можно было купить иностранные журналы. Сколько мы выписывали газет и журналов, сколько писали поздравительных открыток родным, и столько же получали от них! Почта тогда работала на полную. На улицах можно было прочитать свежие выпуски газет, их размещали на стендах под стеклом.

Мы с папой часто ездили на стадион «Динамо» поболеть за наш любимый «Спартак». Дома сохранилась коллекция программ матчей 50-60-летней давности.

Я всегда любила плавать. Ездила в открытый бассейн «Москва», но мне не нравились козырьки, под которые надо было подныривать из раздевалки. Я так сожалела, когда в 1991 году бассейн закрыли и забросили, а потом и вовсе снесли. Много лет я ездила в бассейн «Олимпийский», там все было с размахом. Бассейн постигла та же участь: в 2019-м его закрыли и снесли.

В 1980 году, в период проведения XXII летних Олимпийских игр, Москва была закрыта. Ни гостей столицы, ни очередей, везде свободно, а то и пусто. В продаже появились доселе неведомые нам товары: финские сервелат и салями, пепси, фанты, алкоголь, сигареты, жевательная резинка. Мне запомнились очень вкусные финские ликеры. В магазинах можно было прилично приодеться. Мне нравилось ходить на соревнования, особенно в рабочее время по разнарядке от организации. В разгар Олимпиады, 25 июля, умер Владимир Высоцкий, я была перед театром на Таганке в день его похорон, казалось, проститься с ним съехалась вся Москва. Было заметно, как Олимпиада-80 преобразила архитектурный образ Москвы, но было жаль сносимые кварталы старой Москвы.

Сколько было в жизни субботников, добровольно-принудительных, но всегда веселых! В памяти выездные по разнарядке от предприятий встречи иностранных делегаций, когда мы на километры выстраивались по обеим сторонам Ленинского проспекта и дружно махали флажками, пока не проедут правительственные машины.

После открытия Останкинской телебашни я несколько раз поднималась на смотровые площадки, откуда открываются панорамные виды на Москву. Помню и вращающийся ресторан «Седьмое небо».

В 1975 году мы отмечали мое бракосочетание в ресторане легендарной гостиницы «Метрополь». С балкона второго этажа, где находятся банкетные залы, открывался вид на роскошный интерьер ресторана на первом этаже под стеклянным куполом, с мощными торшерами, витражами и мраморным фонтаном с рыбками.

В первый российский ресторан McDonald's, открывшийся в Москве на Пушкинской площади в январе 1990-го, мы с сыном попали уже весной, отстояв часов пять-шесть. Пошли туда не столько из-за еды, сколько почувствовать атмосферу того, чего у нас до этого не было.

Было интересно побывать и в первых кафе Starlite. Тогда кафе было в форме вагона, войдя в который ты переносишься в Америку 1950-х: интерьер, музыка, меню, улыбчивые официантки в пикантной форме.

В конце 1970-х все чаще стали звучать слова «парапсихология», «экстрасенсы». Я познакомилась с известными учеными и сверхспособными людьми. Мой папа тогда был Ученым секретарем ассоциации экстрасенсов. Я часто посещала с ним закрытые заседания, тогда это подвергалось гонениям, были аресты. Официальная наука не могла признать то, что не могла доказать. Было не просто интересно, а необычно, удивительно, таинственно.

Своего маленького ребенка я возила на сеансы плавания к Игорю Чарковскому, работавшему по своей методике (роды в воде и др.).

Я помню землетрясение в Москве 4 марта 1977 силой 3-4 балла. Это было так внезапно, неожиданно, без предупреждений. В комнате затряслась-закачалась люстра, «поехали» сервант и посуда в нем, диван вместе с сидевшим на нем свекром. Поначалу я подумала, что это у меня «поехала крыша». А на высоте главного здания МГУ колебания были почти 7 баллов.

Незабываемая последняя неделя 1978 года. В ночь с 30 на 31 декабря мороз в Москве достиг -40° . Моему ребенку всего 4 месяца, а в нашей квартире и так всегда было холодно.

Я с детства была погружена в культурную жизнь Москвы. Каждая встреча с прекрасным была ярким запоминающимся праздником. Кино, театры, музыка, концерты, фестивали, музеи, выставки... Я была в курсе всего, в гуще культурных событий и успевала везде. Я всегда стремилась объять необъятное, и мне удавалось.

В кино я бегала постоянно, часто брала абонементы. Мои любимые старые кинотеатры Москвы: «Ударник», «Форум», «Художественный», «Уран», «Иллюзион», «Повторного фильма», «Дом Ханжонкова» и др. Многих из них уже нет вовсе, а другие реконструированы в духе времени. В некоторых кинотеатрах перед началом сеанса звучала «живая» музыка: выступали музыканты и певцы. Никаких «фанер» тогда не было.

Я застала кинотеатр «Заря» на Пятницкой ул. д. 2/38, о котором многие и не слышали. Это был первый (!) кинозал (1897) в Москве!

Раз в два года, во время Московских международных кинофестивалей, я умудрялась доставать несколько абонементов и посещать по несколько кинотеатров в день. Я ходила на закрытые просмотры в разные Дома, во ВГИК, в клубы. Я по жизни не просто киноманка, я синефилка.

В 1979 году я с большим трудом достала билеты в кинотеатр «Россия». Режиссер Фрэнсис Форд Коппола привез свой шедевр «Апокалипсис сегодня» и тонны современной аппаратуры. После просмотра я испытала почти шоковое состояние – и от самого фильма, и от спецэффектов.

В театры я ходила часто, иногда на несколько спектаклей в неделю. Я любила все театры и смотрела почти весь репертуар. Тогда театры были настоящими, талантливые артисты играли натурально, и я им верила.

Я часто ходила в Большой театр, где моя бабушка проработала всю жизнь. Сколько прекрасных спектаклей я видела и слышала, некоторые по несколько раз. Я застала многих наших звезд оперы и балета мировой величины.

Иногда я была на репетициях. Помню, меня потряс балет «Спартак», где главные мужские партии танцевали Владимир Васильев и Марис Лиепа. Я была на генеральной репетиции, и передо мной на восьмом ряду сидел сам Арам Ильич Хачатурян.

С открытием в 1961 году Кремлевского дворца съездов я часто ходила туда. Но, несмотря на большую сцену, я больше любила Большой. Зато какой в КДС был вкусный буфет, особенно жульены в кокотницах! Ну, а бутерброды с черной или красной икрой и бокальчик шампанского – это был «стандартный» набор в любом театре.

Я регулярно ездила в Телевизионный театр на пл. Журавлева, 1, где работал мой дядя. Здесь я впервые увидела и услышала начинающую Аллу Пугачеву. Тогда она пела с Юлием Слободкиным и ВИА «Москвичи». Я ее запомнила стройной, в скромном зеленом платье, с рыжими кудрявыми волосами, и меня поразил ее сильный и чистый голос. Там же я присутствовала почти на всех играх КВН, где

уже бессменными ведущими были Светлана Жильцова и Александр Масляков. До 1968 года игры шли в прямом эфире, и во время трансляций мои родные дома прилипали к крошечным экранам своих телевизоров и высматривали меня.

Я часто ходила на вечера, встречи, спектакли и концерты в ЦДРИ на Пушечной, в Дом Союзов, театр Эстрады, Дом Дружбы и разные Общества друзей при посольствах дружественных стран.

Я часто бывала на концертах в киноконцертном зале гостиницы «Россия». Помню концерты великого Аркадия Райкина. Запомнился концерт Boney M в 1978 году.

Я меломанка с детства, и музыка – мой кислород. Семь лет в музыкальной школе мне были в радость. В своей общеобразовательной школе я создала ансамбль, сшила всем нам платья для выступлений. Мы часто выступали, ездили и в воинские части, где нам особенно были рады. И дома я часто устраивала концерты, даже писала программы для каждого гостя. У нас долго был патефон и десятки старых пластинок. Позже была уже радиола.

В юные годы почти каждые выходные мы с подругой ходили на музыкальные тусовки в ДК Энергетиков (наб. М. Горького). Именно там начинали свой творческий путь Андрей Макаревич и его «Машина времени», Градский и его «Скоморохи», «Цветы» и другие талантливые ребята. Эх, как молоды мы все были...

Каждое воскресенье, подключив к радиоприемнику все необходимое для записи, я с нетерпением ждала выпуска радиопередач, в которых ведущий Виктор Татарский зна-

комил нас с миром западной музыки.

Ко мне приходили одноклассники, мы заслушивались рок-оперой Jesus Christ Superstar и другими западными шедеврами того времени. Потом у

меня были километры пленок, потом сотни компактных кассет.

Я была частым покупателем в магазине «Мелодия» на Новом Арбате.

Но на охоту за виниловыми новинками западных музыкантов и для обмена мы с друзьями-меломанами ездили к метро «Маяковская», а потом на «Горбушку». Случались облавы, и иногда ребят забирали в отделение.

В период с середины 1970-х до 2000-х я была почти на всех гастрольных концертах мировых звезд в Москве: в СК «Олимпийский» (здесь чаще) и в Лужниках. Купить билеты на эти концерты было нереально. И, как ни абсурдно, за билетами я ездила со своей тетей, ветераном войны, имеющей право купить два билета. Запомнились все концерты моих любимых. Наверное, самым впечатляющим был концерт Pink Floyd. Невозможно забыть концерты Майкла Джексона, Мадонны.

А какое потрясающее лазерное шоу устроил на Воробьевых горах в день празднования 850-летия Москвы 6 сентября 1997 Жан-Мишель Жарр, электронщик-мультиинструменталист!

Я часто ходила в Большой зал Московской консерватории и Концертный зал им. П.И. Чайковского, иногда брала абонементы. Классическая музыка нетленна. Ее много не бывает, она окрыляет и вдохновляет.

Я посещала музеи, галереи, выставки, экскурсии. Третьяковская галерея («наш второй дом»), Пушкинский музей, уютный дом-музей Тропинина, Манеж и другие. В 1973 году я была в ГМИИ им. А. С. Пушкина на потрясающей выставке «Сокровища гробницы Тутанхамона»...

Жизнь шла, столица росла – и в ширину, и в высоту, массово застраивались новые крупные жилые массивы. Пролетело детство, школьные и институтские годы, долгие годы труда. Моя память – как архив, я помню все до мелочей, и мне дорого все. Я живу одновременно в двух временных периодах: в настоящем времени, в современном и быстро развивающемся городе, и параллельно – в тех далеких годах, в той моей Москве...

Елена Ивановна Блискунова, 61 год

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
НОВО-ПЕРЕДЕЛКИНО

Вспомните Москву в конце и в начале 80-х годов, как интенсивно она строилась к грандиозному событию, к Олимпиаде, и как она преображалась... Еще вспомните фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» – этот фильм про нас, про девчонок из общежития, где мы жили по 7-8 человек в квартире, и про наши разные судьбы, и про Москву, какой я ее помню с 1978 года, когда приехала строить олимпийские объекты.

В то время приезжих в Москву по найму звали «лимита», и выбор профессий у них был невелик: фабрика, завод и стройка. В своем выборе я, как лимита, предпочла исторический момент – строить, а также впридачу желание обрести легкость и летать...

Москва строилась, и моя жизнь постепенно тоже выстраивалась.

Для спортсменов и гостей Олимпиады были построены гостиница «Космос», Олимпийская деревня, целый район в Тропарево, капитально отремонтирован главный стадион «Лужники», открыт крытый спортивный комплекс «Олимпийский».

Все житейские сложности решались в процессе: начинала я работать учеником-штукатуром, а на заслуженный отдых ушла с госслужбы Департамента градостроительной политики.

В моих воспоминаниях, как в фильме, оживают сцены не только событий моей жизни из общежития, но и Москва, какой она была и какой стала, все строящиеся объекты за всю мою профессиональную деятельность, и знаменитый восьмиметровый надувной мишка в небе над стадионом, и зрители со слезами на глазах под песню «До свиданья, Москва, до свиданья! Олимпийская сказка, прощай! Пожелай исполненья желаний, новой встречи друзьям пожелай». Большинство людей плакало, и это говорит о многом: о чувствах и отношениях, о

нежности, которая эхом откликнулась в стихах и в сердцах поколений, и все это так трогательно... А сколько было радости, когда мне лет через 10 после Олимпиады выделили маленькую комнатку в коммунальной квартире с двумя соседями-алкоголиками, и с этого началась настоящая школа жизни!

Годы шли, часы на Спасской башне отсчитывали время: красный флаг Советской эпохи сменился на Российский триколор. Времена перестройки – времена испытаний и выживания. Сменился строй, менялось все – общество, ценности...

Годы перестройки в 90-е годы были очень сложными. Полки в магазинах были пустые: если где-то что-то появлялось в продаже, очереди были невероятные, особенно в

Елисеевском. Благо коллектив наш был дружным, и мы всегда засылали одного человека в очередь и таким образом дружно выживали...

Строительство в Москве после смены формаций набирало обороты по всем направлениям: жилье, школы, детские сады, поликлиники, объекты культуры... Работая уже в Департаменте, я наблюдала, как меняется облик города: как все больше и выше устремлялись стеклянные стены торговых и офисных небоскребов. Москва стала центром экономики и деловым центром России и, подвергаясь натиску со стороны коммерческой урбанизации, Москве с трудом удалось сохранить старую часть города, где частично, а где полностью.

Сегодня современная Москва выросла до размеров крупнейшего мегаполиса Европы и мира, выросла не только по размерам, но и по качеству жизни. Находясь уже на заслуженном отдыхе и являясь общественным советником управы своего района, я вижу, какая огромная работа проводится в решении транспортных сфер, социальных услуг населению, что приближает город к стандартам современного города для удобства передвижения, работы и жизни.

Куранты продолжают отбивать свой ритм... Москва прошла и пройдет все трудности... Пусть же энергия и сила,

молодость и красота моей Москвы послужат во благо всем ее жителям, и в памяти каждого Москва будет уютной, теплой и доброй.

С Днем рожденья, мой город Москва!
Поздравляю тебя! Поздравляю!
Купола твои – судеб канва,
Где рассветы мечту вышивают!

Ты растешь не по дням, по часам,
И с годами все краше, моложе!
Небоскребами ввысь к небесам
Устремилась на зависть прохожим.

С высоты, где плывут облака,
Ты прекрасна в зеленом наряде!
От восторга хмелею слегка:
Я – свидетель рождения «Зарядья».

Где свободным изгибом река
Новый парк у Кремля обнимает,
Эх, родные мои берега,
Почему так люблю вас!? Не знаю...

Наталья Никитовна Болотова

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ЩЕРБИНСКИЙ

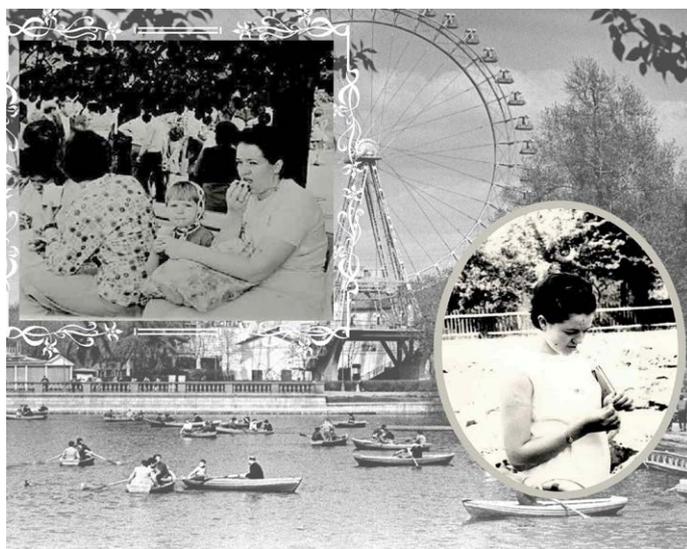
Перебирала вещи в шкафу и наткнулась на фотоальбом, а он возьми и, как колобок прыг-скок прямо в руки. Смотрю, фотографии обернуты в пожелтевшую газету. Разворачиваю аккуратно-ненько, а там я, молодая двадцатилетняя с учебником алгебры в руках, готовлюсь сдавать выпускной экзамен в школе рабочей молодежи в 1969 году. На следующем фото снова я с маленькой дочкой в парке Горького на скамейке в 1976-м. Разворачиваю газету и снова себя вижу, уже в самой газете, где я за прилавком обслуживаю покупателей в «Центральном Детском Мире», и мне уже тридцать. Нахлынуло...

Слезы навернулись. Присела в кресло и задумалась... Вспомнила детство, 1960 год...

Я учусь в пятом классе, мне одиннадцать лет. Нас, детей в семье железнодорожников, уже семеро, девять человек в девятиметровой комнате с печным отоплением в деревянном двухэтажном бараке на улице Островского в поселке Щербинка Московской области, где я родилась. Соседка маме говорит: «Что ж ты письма не напишешь начальникам, чтоб квартиру уже вам дали?»

«Писала, а что толку? Ответили, что мы в очереди. Ждите...» – ответила мама.

«Так нужно выше писать. Демичеву», – не унимается соседка.

«Ты еще скажи Хрущеву Н.С.» – ответила мама и заплакала...

И так мне ее жалко стало. Решила Демичеву сама письмо написать. Пока из родителей никого дома не было, взяла листочек из тетради и химическим карандашом начала описывать нашу жизнь веселую в маленькой комнате. Пишу, а слезы из глаз на листочек капаят и размывают строчки карандашом написанные. В конце письма наслонявила карандаш, обмазала им палец и приложила вроде печати. Потом пошла к соседке и узнала, как правильно его отправить.

«Ой, Наташенька, какая ты молодец! Все правильно сделала», – ответила соседка и поцеловала меня в голову.

Прошло несколько месяцев. Я уже и забыла про это письмо. Приходит к нам комиссия из четырех человек. Входят и заполняют собой полкомнаты. Один из них мужчина и говорит:

«А куда можно шляпу положить?»

А мама и отвечает:

«Вы знаете, я каждый вечер думаю, куда бы мне детей положить спать».

А через некоторое время мы получили трехкомнат-

ную квартиру. Счастье было неопишваемым...

А память, как лента кинохроники, прокручивает мою жизнь дальше. Вот я окончила восемь классов и, получив разрешение на работу, как дочь из многодетной семьи, устроилась сборщиком-механиком на Щербинский штамповочный завод собирать коробочки детских конструкторов. А через два года по рекомендации отца моей лучшей школьной подруги Тони меня взяли в бригадное обучение в «Центральный детский мир» в Москву. Пройдя пятимесячное обучение, я 24 мая на свой восемнадцатый день рождения в 1967 году получила самый дорогой подарок – свидетельство об окончании курсов с присвоением квалификации – «младший продавец»

И снова счастье, и снова радость! Зарплата 65 рублей. Хватало на все: и на еду, и на танцы 50 копеек. На работу, как на праздник! В 05.19 электричка. К 07.00 приезжала на Курский вокзал, там в метро и до «Площади революции», и бегом через Лубянской площадь, минуя подземный переход под трель милицейского свистка. А в 07.30 открывались двери «Детского мира», и мы встречали первых

покупателей. Работать в таком месте, конечно, было в то время престижно: центр Москвы, рядом «Дом моделей», «Центральный дом работников искусств», «Морфлот» и его знаменитая столовая, куда мы с коллегами ходили обедать. Обслуживать приходилось и простых людей, и всесоюзно известных, улыбающихся с открыток в киосках «Союзпечать» или большого глянцевого журнала «Советский экран».

Запомнилась встреча с Вячеславом Тихоновым. Скромный. Все время прикрывал лицо рукой, боясь быть узнанным. Возникла ситуация, что ему нужна была доплата за купленный товар в соседней секции. Я не стала его вновь отправлять в соседнюю очередь, а сообщила коллеге, чтобы пробили доплату молодого человека на нашей кассе. Тихо, смущаясь он говорил мне слова благодарности.

Конечно, мы все его узнали. Наши лица и улыбки, наверное, кричали ему в лицо о симпатии и уважении к любимому артисту СССР. Но никто не просил автографа, старались не привлекать к нему особого внимания со стороны покупателей. И в ответ, в его глазах мы видели любовь к людям и большое уважение. Прямая противоположность Вячеславу Тихонову был Ролан Быков, которого мне тоже пришлось как-то обслуживать. Помню его таким: весьма невысокого роста, в кожаном пальто с меховым воротником, в большой меховой шапке, колышущейся от его походки с подскоком. Шумный. Веселый. Общительный. Клоун, одним словом. Человек – праздник, с которым не соскучишься. И вновь прямая противоположность Ролану Быкову – Владимир Конкин. Интеллигентный, скромный, сдержанный...

Работать в таком большом магазине, похожем на большой сказочный замок с его многочисленными залами, лестницами, парадным и огромным вестибюлем, было всегда приятно и интересно.

Ведь «Центральный детский мир» в 60-х, 70-х и 80-х годах прошлого века был одним из тех самых магазинов, которые обязательно посещали все приезжающие в Москву граждане СССР и иностранцы. Очень хорошо помню, что выручка в то время за день составляла более трех миллионов рублей. Здесь можно было купить практически все. Это был поистине сказочный магазин, который обожали и дети, и взрослые.

Вспомнился случай, который произошел в нашем магазине в 1970 году. Поставили в центральном фойе сказочный теремок для детей с лазанками и горкой. Конец смены. Попрощались с последними покупателями. Закрыли магазин, сдали смену. Стоим, ждем, когда магазин обой-

дут дежурные администраторы в сопровождении наряда милиции, чтобы после этого нас, весь персонал, отпустили по домам. Завершает обход еще и группа специально обученных собак с кинологом. Одна группа собак вернулась, двух собак нет. Что такое? ЧП!

Поступила команда: «Никого из магазина не выпускать!» Стоим, ждем, волнуемся. Кинолог стал звать собак. В ответ тишина. Пошел в сопровождении наряда милиционеров искать собак в тот сектор, за который эти умные немецкие овчарки отвечали. Нашел их у лестницы на одном из этажей у входа в лифт. Выяснилось следующее: два мальчика 9 и 11 лет ловко спрятались в нашем сказочном теремке так, что проверяющие дежурные администраторы их в нем не обнаружили. После того, как ушли покупатели, прошла проверка помещений, и в фойе наступила полная тишина, эти два любителя приключений вышли, как бы теперь сказали современные дети, «из тайной комнаты школы чародейства и волшебства Хогвартс», и отправились напрямиком к витрине нашего буфета. А там и пирожное, и мороженое, и газировка, и открытая касса с разменом мелких монет на завтра. Но пиршество быстро закончилось, так как к мальчишкам неожиданно прибежали две большие серьезного вида собачки. Ребята бегом от них. Собаки за ними, не лают, не кусают, потому как обученные. Обуреваемые страхом, горе-туристы побежали к лестнице к лифту и спрятались в нише за ним. Собаки прибежали за ними к лифту, сели и караулят «налетчиков-неудачников». Кинолог снова стал звать собак. На этот раз собачки подали голос, но продолжили свое дежурство, карауля юных злоумышленников. Здесь этих сорванцов и взяли наши милиционеры. С перепачканными от съеденного шоколада и мороженого лицами, с заплаканными глазами и с пылью по всей одежде из ниши от лифта, их провели мимо нас в администраторскую на первом этаже для допроса. На этом происшествие, о котором с улыбкой иногда мы вспоминали, закончилось...

А в памяти моей крутится калейдоскоп событий, связанных с моей любимой Москвой, моей молодостью, встречами с известными людьми, любимой работой в «Центральном детском мире», в котором я проработала более 30 лет. Помню лица москвичей и гостей столицы эпохи СССР. Открытые, добрые, серьезные, лукавые с прищуром, наивные и детские — все они мне сегодня почему-то кажутся родными и близкими. Наверное, потому, что это было самое лучшее время в моей жизни...

Татьяна Николаевна Лебедева, 65 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ДАНИЛОВСКИЙ

Я даже не предполагала, что когда-нибудь буду писать о Москве. Я отсюда родом, здесь прошли мои детство, юность, молодость и уже, можно сказать, практически вся жизнь. Но только сейчас, будучи на, так называемом, заслуженном отдыхе, я решилась поделиться своими мыслями и воспоминаниями.

Как и многие москвичи, я не была избалована условиями жизни: коммунальная квартира и неблагополучные соседи, продовольственные талоны и прочее. Но при этом вспоминаю, с какой непосредственной радостью мы бежали к метро за продававшимися там жареными пирожками по 5 копеек и пломбиром в вафельных стаканчиках по 20 копеек (но что бы только обязательно с розочкой из крема!). Приметами того времени в Москве были и вкусная городская булочка по 7 копеек, и вкуснейшая докторская колбаса. Это воспоминания детства, которые постоянно возвращают нас в ту Москву второй половины 20 века.

Примечательно, в то время для нас были доступны гибкие пластинки фирмы «Мелодия» с записями песен в исполнении

популярных эстрадных в том числе, и зарубежных ансамблей и певцов, а также городские киоски для заправки исписанных стержней для только появившихся тогда шариковых ручек...

И конечно же нельзя не вспомнить пионерские лагеря от московских заводов и фабрик, куда выезжали на все лето. До сих пор в памяти походы и пионерские костры с печеной картошкой под ярко пылающими углями, и убегающая дорожка солнечного заката на поверхности реки... Это очень трогательные воспоминания, может быть, потому что они из детства, а может, потому что они истинные в своей простоте и наивности.

Удивительно, но на протяжении всей жизни Москва как будто жила во мне, она была неотъемлемой частью меня. Возможно, поэтому объективно особо не привлекала и не интересовала, как не привлекает и не интересуется море живущих рядом с ним.

К тому же и насыщенная трудовая и общественная жизнь не оставляли должного времени и сил. Так уж это исторически определилось для людей моего поколения.

Но, наверное, всему свое время. И будучи уже пенсионного возраста, я начала с интересом изучать и познавать Москву. Я поняла, что, прожив в этом городе всю жизнь, его я не знала. Москва открылась для меня европейским городом, светлым и свободным, современным и, одновременно, древним со своей уникальной исторической памятью.

Обязательно в Москве надо найти свое место, где тебе комфортно, спокойно и удивительно. Для меня это оказался немногочисленный Покровский бульвар с Хитровкой и Ивановской горкой, а также на его спуске – Яузская площадь с открывающимися видами на набережные Москва-реки. Там на одном берегу просматривается Ново-Спасский монастырь, Крутицкое подворье и далее Симоновский монастырь, а на другом – начало острова Балчуг, сотворенного в прошлые века во избежание затопления Замоскворечья. Именно об этом месте писал Иван Шмелев.

Важно найти и свое кафе, в котором тебе уютно и душевно, в котором приятно послушать свою тишину, где убегающий за окно взор устремляется и в прошлое, и в будущее, где ты просто останавливаешь жизнь и наслаждаешься ее мгновениями.

Москва у каждого из нас своя, и каждый из нас видит и понимает ее по-своему и в свое время. Наверно, в этом и состоит непрерывность и бесконечность ее познания, объединяющего время и поколения.

Вспоминая хорошее прошлое, я хочу отметить и позитивные перемены в нашей сегодняшней действительности, особенно касающихся нас, московских долгожителей. На мой взгляд, в Москве стало проще и интереснее жить. Благодаря цифровизации, мы уже давно не стоим в очереди по оплате коммунальных услуг, значительно упростились покупки и услуги.

Мы освоили мобильные устройства, различные компьютерные программы и Интернет, что просто позволяет нам оставаться современными людьми и сохраняться в активном общественном пространстве. Это также освобождает еще и наши время и силы просто для жизни и все еще развития. Ведь жизнь – это движение, и, значит, в любом возрасте можно понять когда-то непонятое, увидеть пропущенное и сделать несделанное...

Татьяна Ивановна Сердечная, 81 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БИРЮЛЕВО ВОСТОЧНОЕ

Мое детство и юность прошли рядом со стадионом Лужники. Я жила на улице Малые кочки, теперь она называется улица Доватора. Я жила на 3 этаже над гастрономом.

Дома Г-образной формы создавали уютные закрытые дворы. Во дворе рядом находился пионерский лагерь. Каждое утро со звуками горна мы бежали на линейку. Часто ездили в походы. Во дворах были палисадники и статуи. У нас во дворе стоял памятник маленькому Ленину. Потом его снесли.

Помню, на месте стадиона была пойма небольшой речки, овражек. Я туда любила ходить, собирать полевые цветы. Помню еще, сразу после войны там поставили высокий забор, за которым содержались пленные немцы. Мы, дети, подходили и через щели давали им хлеб, хотя сами были полуголодные.

Помню, как я с мамой ходили на Усачевский рынок. Вообще, весь этот район мы называли «Усачевкой». А когда начали строить стадион в 1955 году, уже в старших классах нас часто посылали туда убирать мусор, в общем, помогать строителям.

Строили всей страной. Очень быстро, чуть больше года. Сначала он назывался Центральный стадион имени Владимира Ленина, только центральная арена – «Лужники». Помню, как было открытие стадиона в июле 1956 году, был матч между «нашими» и КНР. В первый раз мы с мамой, сестрами и соседями по квартире пошли в кинотеатр, который был внутри арены. Билеты были куплены на собранную мелочь, которая увеличилась в десятки, в связи с денежной реформой. И от радости мы пошли их тратить!

Я была почти на всех мероприятиях на стадионе. Особенно помню Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 году. Мне уже исполнилось 17 лет. Помню, как встречали гостей фестиваля, как они недалеко от нашей улицы проезжали на грузовиках. Я была и на открытии фестиваля и на его закрытии, когда, взявшись за руки, мы бегали по стадиону под салют и пели то «Катюшу», то «Бесаме мучо» на испанском. Я подружилась тогда со многими.

Помню фестиваль ситца. Он проходил на стадионе «Динамо». Я сама шила, и у меня было много красивых ситцевых платьев. Я также была почти на всех спортивных матчах. В 1959 году и в 1963 году – на спартакиадах Народов СССР. А мы проходили через лазейки! Мы ведь местные

все знали! А там, где сейчас стоит вестибюль метро «Спортивная» – выход на улицу Доватора, был небольшой садик и высокая горка, с которой зимой мы любили кататься на санях.

Я до сих пор отлично помню XXII Олимпийские игры, проходившие в августе 1980 года на стадионе «Лужники». Я тогда была и на открытии, и на незабываемом закрытии Олимпиады, когда запустили в небо Мишку. Я помню, плакала от счастья, гордилась за нашу страну и опечалилась, что все заканчивается.

После институт, вышла замуж, родила двух детей, и в 1972 году наша семья получила квартиру на Бирюлевской улице – в районе Бирюлево Восточное. Тогда мы часто гуляли в Бирюлевском дендропарке, в Царицынском парке и полюбили их. В нашем Бирюлевском дендропарке я с детьми каталась на лыжах и с горки на санях. А потом уже с внуками и правнуками..

В нашу первую семейную прогулку по Дендропарку мы собрали целую корзинку грибов-колосовиков, которые растут в высокой траве и похожи на белые. Все удивлялись, видя нашу корзинку, полную грибов. Приятно вспомнить, как я ходила в наш парк, встречалась с подругами, и мы гуляли среди сосен, пели наши любимые народные песни.

Сейчас наши парки преобразились, стали еще краше. В Царицыно появился светомузыкальный фонтан, и сюда стали приезжать со всей Москвы. Помню, как проходило торжественное открытие фонтана в августе 2007 году. Это было что-то невообразимое! Столько разнообразных красок! А какое музыкальное представление!

В нашем Бирюлевском дендропарке построили много детских площадок, благоустроили дорожки и зоны отдыха. А какую замечательную построили концертную площадку с ареной и лавочками! Сейчас идет строительство долгожданного метро. Было так много интересного, но все не упомнишь.. Все меняется. Выросли дети, появились внуки и уже правнуки! Жизнь продолжается!

Галина Викторовна Ильина, 64 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
МАРЬИНА РОЩА

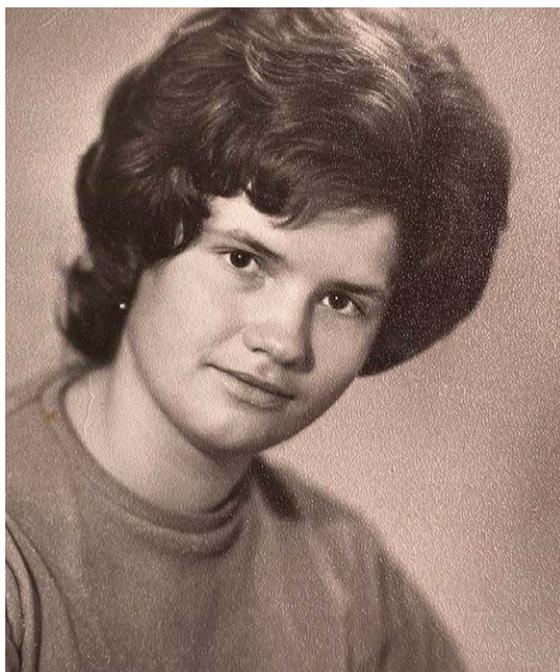
Являюсь коренной москвичкой. Обожаю, дорожу и люблю свой город! Так сложилась моя судьба, что я имела возможность пожить в разных уголках Москвы. Родилась я в роддоме в Последнем переулке в центре города. Последний переулок до 1922 года назывался Мясным — по располагавшимся здесь мясным лавкам. Позже он стал Последним, так как был крайним по направлению от центра, по нечетной стороне Сретенки.

Первые годы своей жизни я провела в Духовском переулке. Это близ Даниловского кладбища. Так как я была очень маленькая, в моей памяти сохранилось немного. Узкие переулочки, большие дома (для меня тогда они такими казались), огромное предприятие неподалеку — завод технических изделий. В Духовском переулке наша семья жила в подвальном этаже, в послевоенное время — это нормально. Жили в тесной, но уютной квартирке, жили дружно и весело. У меня есть старшая сестра Лариса, которая всегда во всем помогала мне. На протяжении всей жизни.

Потом, когда стали расселять подвалы, мы переехали в большую

трехкомнатную квартиру в Черемушках. Этот район у меня ассоциировался с зелеными садами, обилием пышной растительности.

В 1976 году я вышла замуж. Муж мой был военный, и нам выделили комнату в коммунальной квартире около метро «Кропоткинская». Центр Москвы со всеми достопримечательностями оставил большие впечатления в моей памяти. На месте Храма Христа Спасителя тогда был открытый бассейн «Москва», я его периодически посе-

щала, особенно было интересно зимой. На улице мороз, а вода теплая, тебе комфортно и, одновременно, необычно как-то. Но положительный эффект от плавания был однозначно.

Еще у меня отложилось в памяти – широкая станция метро «Кропоткинская», она была шире других, так как предполагалось на месте бассейна «Москва» построить Дом Советов.

А еще одна достопримечательность в моем районе – это «Дом под рюмкой» на Остоженке. Этот дом стал одной из самых узнаваемых построек района. Это доходный дом купца Якова Филатова. Существует несколько легенд, откуда появилась эта рюмка. Я верю вот этой: «Купец Филатов так любил кутить, что едва не растратил все свои средства. Он смог вовремя остановиться, снова разбогател и построил доходный дом, на крыше которого поставил перевернутую рюмку как символ отказа от алкоголя».

А еще в моем сердце навсегда – Государственный музей А.С. Пушкина. Самый признанный культурный центр Москвы и России. Здесь можно жить, вдохновляясь каждый день!

Позже судьба меня занесла на ул. Зеленоградскую около станции «Моссельмаш» Ленинградского направления. Район здесь очень зеленый, особенно я любила гулять в Грачевском парке. Название парк, вокруг усадьбы, получил по фамилии купцов Грачевых. Об этом чудном месте А.И. Загрядский писал следующее:

Грачевка – славный хуторок!
Грачам прелестный уголок!
Больница, парк и храм старинный
И сказ о местности былинный!

Великолепные дубы
И тополевые ряды
И лип аллеи вековые
И клены с листьями резными.

У всей округи свой букет:
Цветет рябина двести лет,
И черной спелостью блистая
Растет черемуха у края.

И розовато-белый цвет
Весной от яблонь шлет привет,
Где домик в стиле итальянском
Красив всегда своим убранством!

И пчел весною привлекая
В цветах вся липа золотая,
Распространяет аромат
На весь усталый старый сад.

Хранят вид прошлой красоты
Густые травы и цветы,
Остатки роскоши былой
И пруд глубокий небольшой.

В 1990-х годах я получила квартиру от своего завода «Знамя труда», где я работала уже более 20 лет. У нас там трудовая династия была. Квартиру нам дали на Хорошевском шоссе. Этот район славился большими новостройками, просторными квартирами, хорошо развитой инфраструктурой.

Позже я переехала на ул. Скаковую около метро «Белорусская». По сей день я живу в этом уютном уголке столицы. Недалеко от меня Белорусский вокзал, ипподром, рядом улица Тверская, Большая Грузинская и Малая Грузинская. По улочкам можно гулять в любое время суток и наслаждаться историей, красотой и великолепием.

Застала я и время, когда работал универсам «Елисеевский». В магазине было три торговых зала, несколько крупнейших отделов, здесь были собственные производства: кондитерские, пекарни, цех солений и другие. Был винный погреб. Здесь во всем роскошь, самые свежие

продукты. Но и не дешевые. Хрустальные люстры и позолоченные элементы повсюду восхищали посетителей. Сюда можно было просто зайти и посмотреть витрины! Здесь была

особая выкладка товара – крупными пирамидами, символизирующими изобилие.

За всю свою жизнь я сменила 6 мест проживания, но каждый район в моем сердце навсегда. Каждый люблю по-особому, везде есть маленькие ключики, вспомнив которые радуется душа. А тем более, одно из моих увлечений – путешествия.

Москва – мой любимый и родной город! В разные времена Москва менялась и строилась. И сейчас она расширяется, наши дети будут тоже помнить Москву, но другую уже.

С Днем рождения, дорогая моя Москва!

Людмила Николаевна Гусарова, 68 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТУШИНО

ЖИЗНЬ НА БЕРЕГАХ ОДНОЙ РЕКИ

Я родилась в городе Тушино Красногорского района Московской области в 1952 году. В рабочей городке Тушинской чулочной фабрики. Вокруг были леса, поля, сады, деревни, много ручьев, речушек и рек. Химкинское водохранилище, река Москва, речки Химка, Барышиха, Братовка и, конечно, река Сходня, на берегах которой проходит вся моя жизнь. Долина реки Сходни поражает разнообразием первозданных пейзажей. Некогда полноводная, с буйным нравом, она промыла глубокую живописную долину с крутыми берегами, разрезаемыми многочисленными оврагами и мелкими речушками. Когда-то она называлась Восточной, и это был удобный водный торговый путь, связывающий бассейн реки Москвы с рекой Клязьмой и г. Владимиром. Но река – это не только древняя дорога, но и источник энергии. Вдоль Сходни было установлено много мельниц. С одной из них, Старчевской, известной еще с XVI века, расположенной у села Петрово, и начинается родословная нашей Тушинской чулочной фабрики и двух ее «городков».

Уже к 1800 году здесь было создано сукновальное производство. В двухэтажном деревянном здании выпускали казенное сукно для армии. Река Сходня не раз проявляла свой неукротимый нрав, и не только во время ве-

сеннего разлива. Так, в июне 1866 года после дождей поднявшаяся вода прорвала и уничтожила многочисленные плотины на всем протяжении. Фабрика закрылась, но уже в декабре началось строительство каменных корпусов новой фабрики Сувиорова, просуществовавшей до 1912 года.

А в 1929 году пустующие корпуса ожили в связи с размещением в них нового предприятия – трикотажной фабрики, оснащенной закупленным в США оборудованием.

Среди первых работниц фабрики была и моя мама. Ее молодость пришлось на трудные годы. На заработки в Москву приехала в возрасте 12 лет, в голодном 1921 году. Помните старый фильм «Светлый путь»? Аннушка, как ласково называл ее мой отец, очень его любила, он был снят как будто по сценарию ее жизни. Сначала в няньках, потом ФЗУ, затем работа на фабрике. В фабричном общежитии, построенном в начале XX века, в основном размещались люди семейные. А молодые мотальщицы снимали углы у местного населения в деревне Петрово и в селе Спас. Не было ни больницы, ни бани, ни клуба, ни яслей, ни школы.

Большинство рабочих в то время приезжали на работу как из Москвы, так и из области, поэтому рядом с фабрикой и селом Спас была открыта железнодорожная платформа Трикотажная.

«Наш фабричный городок, тополя стоят в рядок, подпевает электричке нашей фабрики гудок...» – каждому хотелось, чтобы песня «Текстильный городок» была именно про нашу фабрику.

Вскоре вокруг фабрики разрослась жилая застройка. Первые дома были барачного типа, но они были крепкие, просторные, с большими комнатами, с палисадником. Так и возникли два рабочих городка. Один расположился за фабрикой, внизу Сходненского ковша, в другой, на крутой горе – Первый Рабочий городок. Так и закрепились среди местного населения такие выражения: «Пойдем вниз» – это значит на фабрику; «Где живешь? – На горке» – значит на первом рабочем городке.

Первым каменным зданием, построенным на городке, стала школа. Это было в 1939 году, когда решением ВЦИК был образован рабочий поселок Трикотажный. Дороги на городок не было, слишком крутая горка, да и техника в то время была другая, в основном – лопата и тачка. Но двухэтажную красавицу школу построили быстро. И все дети близлежащих деревень Петрово, Братцево, Новобратцево, Путилково и даже Рождествено приходили к нам учиться.

Во время войны фабрика выпускала одежду для фронта. Работали круглосуточно. Рыли окопы, ездили на торфоза-

готовки. В 1944 году Тушинская чулочная фабрика и поселок Трикотажный вошли в город Тушино.

В 1946 году с войны вернулся мой отец, и родилась моя старшая сестра. Маме, как семейной, дали 8-метровую комнату в общежитии – в доме, построенном в 1880 году. В нем и сейчас кипит жизнь. А в 1947 году за ударный труд в военное время мама была награждена медалью «В честь 800-летия Москвы».

В 50-е годы фабрика окрепла и стала строить большие каменные дома, новое общежитие, ясли – детский сад, стадион, открытые танцплощадки, баню, Дом культуры, похожий скорее на дворец. Открылись продовольственные магазины, почтовое отделение, поликлиника и больница. К нам на горку, на первый рабочий городок, проложили шоссейную дорогу и через реку Сходня построили большой деревянный мост. Правда, автобусы к нам еще не ходили.

Вскоре после моего рождения из 8-метровой комнаты в семейном общежитии мы переехали в 16-метровую комнату в новом пятиэтажном доме. После общего коридора на 20 комнат, коммуналка на три семьи казалась раем.

В 1957 году по крутому склону Сходненского ковша был разбит сквер в честь Международного фестиваля молодежи и студентов, который проходил в то время в Москве. Сквер был рядом с домом, и мы часто там играли и катались на лыжах. Школьники и шефы – рабочие с фабрики – высадили тополиную и кленовую аллеи. По центральной кленовой аллее было разбито три клумбы и стояли скамейки. На центральной клумбе возвышался памятник В.И.Ленину. Там проходили торжественные линейки, и на одной из них меня приняли в октябрята. В пионеры нас принимали уже в Музее В.И.Ленина, который находился

рядом с Красной площадью. Из музея мы выходили, гордо распахнув пальто, чтобы все видели наши красные галстуки.

Все чаще вместо старых бараков возводились новые дома, и из коммуналок люди переезжали в отдельные квартиры. Переехали и мы, в двухкомнатную квартиру в доме, построенном всего в 300 метрах от нашего. Теперь у нас с сестрой появилась отдельная комната, на кухне газовая плита, а не керосинка, ванная комната, горячая вода (пусть и через колонку). Мы были счастливы бесконечно!

Население городка значительно выросло. Бум строительства пришелся на 60-е годы. К нам наконец-то стал ходить автобус. Построили еще два новых детских садика. У школы появились пристройки, просторный спортивный и актовый залы, большая столовая и тематические кабинеты, появился школьный стадион. На пришкольном участке разросся плодово-ягодный сад, соседствующий с коллекционным участком, огородом, питомником декоративных растений и цветником. Школа неоднократно и успешно принимала участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и осенней выставке в Доме пионеров на Ленинских горах. Выращенный мной на опытном участке лен в 1967 году занял первое место. И это не удивительно, ведь мы выросли в сельской местности, на земле, где росли яблоневые и вишневые колхозные сады, а в сентябре ученики старших классов помогали колхозникам собирать урожай с полей. Да и у каждой семьи были огороды, на которых выращивали картофель. В мае сажали, летом окучивали и поливали, а в сентябре выкапывали.

Тем временем, пройдя путь от простой мотальщицы до помощника мастера, мама вышла на пенсию, отработав на фабрике 35 лет. Привычка честно трудиться и относиться к труду как к высшей ценности на долгие годы определили девиз и моей жизни: «Славен трудом человек». Поэтому, после окончания школы я пошла работать на машиностроительный завод «Вымпел» и поступила на вечернее отделение МАТИ.

А теперь уже и я на пенсии. Предаюсь воспоминаниям, милым моему сердцу.

Время неукоснительно движется вперед, меняя и подчиняя себе все вокруг. Нет уже Тушинской чулочной фабрики. В который раз цеха опустели, но некоторые производственные здания и казарма для рабочих, построенные в конце XIX – начале XX века, сохранились до сих пор. Только названия старых улиц Фабричная (Василия Петушкова) и Трудовая (Светлогорский проезд), да и названия

1-й и 2-й рабочий городок утеряны безвозвратно.

Большинство селений, с давних пор развивавшихся в непосредственной близости от столицы, ушло под городскую застройку, оставив после себя следы в названиях улиц и местностей, в дошедших до наших дней архитектурных памятниках и усадьбах. И даже изменился окружающий нас природный ландшафт.

Порос густой зеленью Сходненский ковш, а когда-то на его совершенно голых, крутых склонах проходили мотогонки, очень модные в 60-е годы, летали и дельтапланеристы, потому что здесь были хорошие восходящие воздушные потоки. В 80-е годы здесь вырос красивый многоэтажный жилой массив между ул. Туристской и бульваром Яна Райниса.

Ушло в небытие и село Братцево (1565 г.) с его богатым историческим и культурным прошлым. На его территории в начале 80-х была построена крупнейшая по тем временам в Москве детская больница № 7, которую посещала с визитом английская принцесса Диана. Больница была построена на средства, полученные от Всесоюзного субботника. Теперь это детская городская клиническая больница З.А.Башляевой. От деревни осталась только остановка общественного транспорта «Братцево» да наконец-то восстановленная и отреставрированная, ныне действующая церковь «Покрова Пресвятой Богородицы», построенная боярином Б.М. Хитровым рядом с боярским двором в 1672 г.

Но прелесть города в том, что старое уходит, уступая место новому. За период с 1938 года, когда деревня Тушино стала городом, а потом в 1961 – уже город Тушино вошел в состав Москвы, на полях, лесах и заболоченных местах, вырос новый город. Территория Тушина, раскинувшаяся между Москвой рекой и Химкинским водохранилищем, неузнаваемо изменилась. Широкие улицы с современной застройкой, зеленые бульвары, ТРЦ «Калейдоскоп», дворцы культуры «Красный Октябрь» и «Салют», театр «Гжель», 2 стадиона, 3 бассейна, ледовый дворец, Выставочный зал, парк «Северное Тушино», музей ВМФ.

На том самом 1-м рабочем городке в конце 90-х вместо старых пятиэтажек построили красивые многоэтажные дома, и мы опять переехали в новую квартиру. Что примечательно, наш новый дом построен на месте того дома, где мы жили в коммунальной квартире. Получается, что всю жизнь я прожила практически на одном месте и являюсь старожилом городка, который теперь, правда, официально называется 3А микрорайоном Сходненской поймы. Помните же, что он расположен на горе? И с вы-

соты 11-го этажа, где я сейчас проживаю, открывается превосходный панорамный вид на мегаполис, которым стала Москва. Видны старые производственные корпуса уже несуществующей фабрики, здания старых общежитий, в одном из которых прошли первые годы моей жизни. Видны три богатыря на Лодочной улице, охраняющие начало Деривационного канала. Светится рекламным щитом стадион «Спартак», построенный на бывшем Тушинском аэродроме. Высятся новый жилой комплекс и офисные здания на берегу Москвы-реки. Строгино, изумрудная зелень Серебряного бора и красный арочный Живописный мост, «Алые Паруса», Триумф-палас на Ленинградском проспекте, комплекс Москва-сити. Просматривается здание Московского университета на Воробьевых горах и Ника на шпилье мемориала на Поклонной горе. А на переднем плане, укрытая зеленью деревьев, все так же причудливо извивается Сходня, унося волны моей памяти в красавицу Москву.

Любовь Леонидовна Астахова, 64 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
СЕВЕРНОЕ БУТОВО

Москва, ты вошла в мою жизнь с первого дня. С первым вздохом я вдохнула твой столичный воздух и стала москвичкой. В роддоме № 7 им. Грауэрмана началась моя жизнь, моя встреча с миром и, конечно, с Москвой.

Это был центр города и знаменитый роддом. В нем появились на свет Булат Окуджава, Андрей Миронов, Михаил Державин, Александр Ширвиндт и многие другие знаменитости.

Я любила приходить сюда и смотреть на этот красивейший особняк, ставший для меня «колыбелью», истоком, началом.

Сейчас уже не услышишь у дома криков счастливых отцов, желающих хоть одним глазком увидеть в окне своих любимых с драгоценным кулечком на руках. Ценности меняются!

В настоящее время после реставрации здание было приспособлено для ресторана быстрого питания. Теперь здесь «Макдоналдс». Такие времена!..

Память уносит в детство, в Армянский пер., 9. Милая коммуналка, с добрыми соседями, с длинными коридорами, большой общей кухней, лестницей «черного хода», выходящей во двор, и величественным парадным подъездом.

Это сейчас я уже знаю, что дом называется «Дом Константинова» и имеет удивительную историю. Одним из его жильцов был писатель Юрий Нагибин. Его квартира выходила окнами на Архангельский переулок. С этим домом связано много в истории Москвы. А для меня это был дом раннего детства, где я делала первые шаги по жизни в самом прямом смысле.

Родители гуляли со мной на Чистых прудах и по многочисленным переулкам.

Особенно мне нравился Девяткин переулок. Там была детская площадка с небольшой каруселью. Деревянный круг с поручнями, держась за которые надо было быстро бежать, раскручивая карусель, и на ходу запрыгивать. Это было увле-

кательно! Конечно, все это я проделывала, когда подросла и приезжала погостить у бабушки.

Помню, как всей семьей ходили на Красную площадь смотрели парад, участвовали в демонстрациях.

Самая центральная улица, по которой мы шли к Кремлю, была улица Богдана Хмельницкого, нынешняя Маросейка. И на этой улице располагался рыбный магазин вместе с кулинарией. Посредине в большом бассейне плавали рыбы, и продавец вылавливал понравившуюся, и здесь же ее могли приготовить. Это было завораживающее зрелище!

Я и теперь часто гуляю по улице Маросейка, наслаждаюсь атмосферой, красотой зданий, памятными с детства местами. Люблю заходить в уютные кафе и вдыхать аромат кофе и свежайшей выпечки. Слушать звон колоколов церкви Косьмы и Дамиана, Храма Николая Чудотворца в Кленниках, Храма Троицы Живоначальной на Грязях. Как же благостно слушать перезвон, вплетающийся в шум и суматоху Маросейки, и ощущать себя частью этого города, его истории, его православной веры!

Во времена моего детства колокола молчали, и только колокольчики, которыми сообщали о прибытии во двор машины, собирающий мусор, нарушали утреннюю тишину.

Какое разное звучание! Какие разные смыслы!..

А потом наша семья переехала, и я стала жить в другом доме. Это была школа! Да, да! Я жила, а потом и училась в школе № 568 на улице Нагорная (об этой улице упоминал в одной из своих песен В. Высоцкий).

В 60-е годы предполагалось, что директор и сторож должны иметь жилье непосредственно в здании школы. Для этого предоставлялось служебное помещение, состоящее из трех комнат, кухни, двух санузлов и одной темной комнаты, в которую и планировалось заселить сторожа. Видимо, он нашел для себя лучший вариант, и наша семья разместилась в просторной квартире.

Москва окраинная была другой – скромной, работающей, с просторными дворами, с садами, оврагами и строительными площадками.

Милая родная школа, незабываемая улица Нагорная – сколько дали вы мне для становления и взросления. Здесь мои самые лучшие друзья – одноклассники, веселое детство и «школьные годы чудесные»! Все в сердце и в памяти!

Если говорить о своих дальнейших перемещениях, то получится карта моего путешествия по Москве: Армянский переулок, улица Нагорная, Нахимовский проспект, улица Речников в Нагатино, Олимпийская деревня на Мичуринском проспекте, Северное Бутово – основные «пункты на-

значения». И у каждого своя история, своя особая задача в моей жизни.

А еще места учебы и работы, культуры и спорта, отдыха и развлечений, в которых проживались самые знаковые и судьбоносные моменты и события. Любимый город постарался! Он предоставил мне все возможности, все было в нем, и наша дружба была взаимной.

С величайшей радостью я посещаю знакомые места и нахожу много нового в родном городе. С интересом изучаю историю столицы, ее славные, а порой трудные и горестные годы жизни великого града.

Я гуляю по Москве в любое свободное время, и всех вас приглашаю на незабываемую прогулку по вечно молодому городу, с детства дорогому и любимому – по Москве!

Я зову тебя на улицы Москвы,
Побродить по тихим переулкам.
И полюбоваться на огни,
Что даруют свет ночным прогулкам!
Мы пройдем булыжной мостовой
Вдоль Москвы-реки к Кремлю, в Зарядье.
Мы с тобой надышимся Москвой,
Ее пряным ароматом разнотравья!
Налюбуемся красотами церквей,
Что хранят в веках Святую веру,
Липами и зеленью аллей,
Что влекут нас в парки, сад и скверы!
На Прудах в кафешке посидим,
Где нальют нам ароматный кофе.
О семье, друзьях поговорим,
О делах и отдыхе на море!..
Выходи из дома поскорей!
Насладись вечернею прохладой!
Ждет тебя Москва в красе своей!
Выходи! Я буду очень рада!

Раиса Сергеевна Исаенко, 82 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЛОМОНОСОВСКИЙ

Москва! Город Пушкина! Когда я прогуливаюсь по Арбату, по Пречистенке, по Вознесенскому переулку, то у меня захватывает дух от воспоминаний о том, что мой любимый поэт Александр Сергеевич Пушкин здесь родился, был крещен, женился и читал свои стихи.

Много раз Александр Сергеевич приезжал в Москву из Северной Столицы!

В Москву я приехала в 1947 году из небольшой деревни Каурово Сычевского района Смоленской области. Родители мои погибли во время войны, когда мне не было и пяти лет.

Я вышла из поезда на Рижском вокзале и была удивлена, как здесь красиво! Большие здания вокруг, архитектура вокзала и площадь – все произвело на мою детскую душу сильное впечатление. Я обращала внимание на яркие флаги, надписи, плакаты... Так празднично – знаменами, транспарантами – встретила меня Москва.

Приехали мы вдвоем с моей сестрой Машенькой, которая тогда была чуть старше меня. Мы приехали к нашей самой старшей сестре Ефросинье, которая уехала раньше нас к родной нашей тете Клавдии, сестренке нашей мамы. К ней уже к тому времени перебралась и наша сестра Аня.

Фрося поселилась на Северном поселке. У нас был ее адрес. Тогда строили Северную водопроводную станцию. Старшая сестра Фрося работала там на строительстве станции. У нее уже была своя комната в маленькой круглой юрте. Всего в юрте было четыре комнаты на четверых девушек.

И вот мы с Машенькой стали жить вместе с Фросей. Мы жили очень дружно. Старшая сестра работала, вышла замуж за офицера Советской Армии Ивана Васильевича

Курицына, который вернулся с фронта, куда ушел буквально в 17 лет. Так Ефросинья Сергеевна, моя старшая сестра, и ее муж Иван Васильевич стали моими опекунами и воспитателями.

Москву я очень люблю и любила всегда. Училась я в 709-й школе Тимирязевского района. Когда у старшей сестры родилась дочь Светлана, я помогала нянчить племянницу. Ходила на все занятия в школе, занималась спортом, ходила в лес, ходила на Долгие пруды. Были маевки и массовки, народ жил очень вдохновенно в послевоенные годы. Восстанавливали все и строили новое. Все работали, были самоотверженные и преданные своему делу и своей стране. Дети росли послушными.

Росла и я очень спокойной, хорошей и трудолюбивой девочкой. Сестра меня часто хвалила и говорила: «Мы сироты, нам всегда надо быть самыми лучшими, чтобы нигде не опозориться, чтобы никто нас никогда не ругал».

Жизнь постепенно налаживалась. Еще, конечно, было голодно, очень экономили на продуктах. Само собой, у большей части населения не было ни телевизоров, ни холодильников. Но люди справлялись со всем. А еще надо сказать, что все были воодушевленные, пели песни, возвращаясь с работы, успевали ходить на танцы, в кино, в театры. Танцы устраивались на танцверандах. Всегда играл живой оркестр. Танцевать умели практически все.

После школы я поступила в техникум советской торговли, проходила практику в ГУМе в течение трех лет в летние каникулы. И потом я всю жизнь работала в советской торговле. Работа моя была сложная и одновременно очень ответственная и невероятно интересная. Я работала в сфере промтоваров. Грузчиков в магазинах не было. Девочки-продавцы все делали сами – и работали за прилавком, и помогали разгружать товары. Тканей было очень много. Товары были все высокого качества, изделия были добротные.

После работы я часто ходила в театр. Никогда не жалела денег на билеты. Да, надо сказать, что они были совсем недорогие. Очень часто ходила в Большой Театр. Любила оперу и балет. Еще мне очень нравился театр Станиславского и Немировича-Данченко.

Посещала я и МХАТ им. Чехова, и театр на Таганке. Очень любила постановки в Театре кукол, там была одна прекрасная постановка «Необыкновенный концерт». Я смотрела ее много раз. Часто ходила в Цирк на Цветном бульваре. Много было интересного в моей театральной жизни.

Работать я всегда старалась хорошо, во-первых, я была ответственная и добросовестная; во-вторых, мне хотелось отличиться, чтобы меня и мой коллектив выделили. Так мы получали или «Переходящее трудовое знамя» или «вымпел» и всегда были с премией.

В 1957 году пришел большой праздник в Москву – Фестиваль молодежи и студентов. Мне тогда было ровно 18 лет. Как было весело, как было красиво! Все гуляли на площадях, встречали иностранцев, знакомились с представителями разных культур, самых отдаленных стран мира. В воздухе веяло свободой. Москва наполнилась звуками музыки. Музыка звучала отовсюду. Очень много иностранных песен перевели на русский язык и в дальнейшем выпустили их на наших пластинках. Я все песни того времени знала. У нас был патефон. Я «накручивала» ручку патефона, слушала и изучала слова и в точности исполняла все песни, даже иностранные, а тем более переведенные на русский язык. Слух у меня был от папы и мамы, они очень любили петь, а дальше я просто в точности повторяла те слова и мелодию, которые слышала. Я знала, конечно, не лично, а по пластинкам и фильмам многих иностранных артистов и актеров.

Я очень любила кино! Одно удовольствие было сходить в кинотеатр повторного фильма, когда мы с девочками гуляли по Арбату и Тверской.

Однажды мы идем с подружкой (это было уже после Фестиваля молодежи и студентов) и вдруг видим, как расширяют Тверскую улицу, и буквально на глазах переезжают дома. Это было потрясение. Смогли использовать такое инженерное решение, которое, говорят, и до сих пор применяется: под зданием проводится подготовка, а потом оно «съезжает» и перемещается по рельсам на новое место, практически без всяких потерь. И таким образом Тверская улица расширилась.

Прошли годы. Я вышла замуж. Мой муж служил в Казахстане на Центральном полигоне Советского Союза. Я летала в Ташкент. Была и в Алма-Ате. Я даже слышала, как стартовала в космос ракета с первым космонавтом Юрием Гагариным на борту, хотя тогда мы еще и не знали, что это за гул. Только через некоторое время мы услышали, что наш советский человек уже в космосе.

Мы в нашей воинской части узнали это раньше многих!

В тот день, 12 апреля 1961 года, у меня был выходной. Я всегда работала везде, где бы я не жила. И в Казахстане я работала. Но в тот великий для всего человечества День первого полета человека в космос я отдыхала и собирала

тюльпаны в степи неподалеку от офицерской гостиницы, где мы жили.

И по букету цветов я собрала специально, чтобы подарить эту радость Фросе, Машеньке и Анне, трем моим любимым сестрицам. А отправила эти красивые цветы с одним летчиком, другом моего мужа, который именно в этот день улетал в Москву в отпуск. И он доставил мой необычный подарок сестрам. Так, 12 апреля 1961 года сестры получили этот мой «космический» букет.

Прошли годы. У меня трое взрослых детей. В 1980 году, при Леониде Ильиче Брежнев, в Москве проходили Олимпийские игры. Это было незабываемое событие для граждан нашей страны и, я думаю, не только нашей страны, но и всех стран, чьи атлеты участвовали тогда в Олимпийских играх. Все тогда было очень хорошо организовано. Все четко работало. Были ответственные люди за все и во всем. Олимпиада у нас прошла успешно, и долго-долго люди всего мира помнили, как плакал, улетая в небо, наш «ласковый олимпийский Мишка».

У меня еще было интересное событие, когда моей племяннице было 12 лет, в Москву приезжал Поль Робсон с женой. Как красиво он пел песни! Нашу любимую песню «Широка страна моя родная». У него был сильный голос. Он был очень высокого роста, очень солидный, красивый африканец. Мы сидели с моей племянницей на стадионе в третьем ряду, поэтому нам было очень хорошо все видно и слышно.

Сколько же перенесла наша страна войн, почти 800! И мы никогда не сдавались, потому что мы не такие, как другие страны, которые выносили ключи от своей столицы захватчикам. Наши люди всегда бились насмерть, но Отечества не отдавали врагам. И так было каждый раз, потому что мы дорожим своим домом, отцом и матерью, детьми и внуками и даже еще неродившимися будущими поколениями наших потомков, которым мы оставим нашу драгоценную и богатую землю. Москву мы не сдадим никогда.

Сейчас наступили такие годы, когда стали больше уделять внимание нашим замечательным фронтовикам, как живым, так и тем, кто уже в лучшем, горнем мире! Памятное шествие Бессмертного полка идет по стране и по всему миру. Мы всей семьей с детьми и внуками идем в Бессмертном полку рядом с другими семьями. Я обычно иду, пою песни, и часто катятся слезы от воспоминаний о пережитой войне, которая отняла у меня обоих родителей. В этот день 9 мая я всегда встаю рано утром, наряжаюсь, покупаю букет цветов, надеваю свой пиджак с

моими скромными, но дорогими мне наградами от моей страны за доблестный труд («Ветеран труда», «Отличник российской торговли») и иду счастливая и вдохновенная на площадь. Наш народ такой сплоченный! Я шагаю и вижу, как идут дети. Котелки у некоторых даже привязаны на ремне, портупеи – через плечо. Самая главная наша опора – это наши дети, будущее поколение. Дети должны получать хорошее образование, воспитание, много читать. У государства должна быть хорошая, правильная и, главное, честная идеология. Обязательно надо воспитывать детей и объяснять, что можно делать, а чего нельзя.

Когда моя младшая дочь училась в МГУ на юридическом факультете, у нее была своя комната в общежитии МГУ, и я проживала с ней. Побоялась оставить дочь совсем одну в общежитии. Время было такое беспокойное. Но ребята вокруг были удивительно воспитанные, добрые и порядочные.

Я, конечно, помогала всем студентам, аспирантам, всегда их угощала борщами и котлетами, старалась создать им радостное настроение, рассказать веселую историю, разговаривала с ними много по душам, поддерживала, читала им вслух великие книги и свои скромные стихи. Детки приехали учиться в МГУ из разных городов, даже из разных стран. И, конечно, им бывало и грустно, и скучно, и трудно без

мамы. Все праздники мы справляли всегда вместе за большим столом. Дочь жила на 6 этаже в общежитии, и я видела все эти великолепные здания, 26 этажей вверх. Подходишь к МГУ и дух захватывает. Моя младшая дочь мечтала там учиться, и когда она поступила, вся наша семья была счастлива, что мечта Людочки сбылась.

В Москве мно-

го цветов, много парков и скверов. Есть куда сходить погулять с детьми, полюбоваться природой. Вечерами сейчас я занимаюсь спортом, хожу каждый вечер по скверу пять километров. Сейчас я живу недалеко от Воронцовского парка.

Все улицы Москвы украшены деревьями. Район Черемушки очень зеленый, кое-где по-прежнему сохранились старинные деревья и цветет черемуха. Дома построили аккуратно, сохранили каждое дерево. Есть деревья груши, яблони вокруг моего дома. Если мне одной скучно идти, я приглашаю погулять сына, или у меня есть подруга, с которой мы часто ходим прогуляться по вечерам. Москва становится все краше и наряднее с каждым годом.

Я живу счастливо, радостно и со смыслом. У меня замечательные дети, внуки, возрождается любимая страна. Я люблю свою Родину всей душой, всем сердцем! Мой жизненный девиз: «Вся сила в Духе!»

Свой рассказ хочу завершить строчками из гимна Москвы:

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянке, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвой привык я гордиться
И везде повторял я слова:
«Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!»

Александра Владимировна Славина-Боровская

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТРОИЦКИЙ

МОСКОВСКАЯ ЖАРА

Лето 1965 года. Асфальт плавится от жары. Мама перешла на меня свое крепдешинное платье. Получилось, как у принцессы, с резинкой на талии и много-много застроченных складочек на подоле, чтобы удлинить в следующем году. Теперь я самая красивая во дворе. Вчера вечером нам с подружкой выдали по рублю. Полночи не могла заснуть. Думала, как мы будем кутить.

Во-первых, пойдем в кинотеатр «Бородино» на Багратионовской на утренний сеанс. Это всего 10 копеек и, если понравится, снова сходим завтра. Так раз десять мы посмотрели «Неуловимых мстителей», «Человека – амфибию», «Фантомаса» и другие замечательные фильмы. Лучше кино были только приключенческие книги. Мы читали их под одеялом с фонариком, в школе на уроке, пряча под парту, чтобы не отобрала учительница. И не было большей трагедии, чем если дашь кому-то почитать любимую книгу (ты ведь не «жадина-говядина»), а ее порвут или заиграют.

После кино идем на пляж в Филевский парк. На Москве-реке еще никаких набережных, даже на Кутузовском напротив Москва-Сити, которого еще нет. И моста нет, а есть только неведомый низкий берег и высокий ажурный маяк, на верхушке которого как будто голова животного с ушами. Я зову его «козленок». Он был виден из окна моей детской и светился по ночам. А зимой мы на санках скатывались по склону на лед. Но сейчас лето, и берег покрыт зеленью.

После пляжа, конечно, мороженое: пломбир в вафельном стаканчике с кремовой розочкой наверху. Розочка самая вкусная, и я съедаю ее первой. Еще можно купить эскимо на палочке всего за 11 копеек или «Ленинградское» за 22 или совсем уже дорогой батончик за 28. Если

вы все еще голодны, у входа в парк продают жареные в масле пирожки с повидлом за 5 копеек или с мясом за 10 (в шутку говорят, что «с котятами»). Я на всякий случай с мясом не ем. Теперь у нас еще хватит денег, чтобы прокатиться на речном трамвайчике и на метро вернуться домой.

Я вспоминаю жаркое лето 1972 года. Москва в дыму, а мы чувствуем себя прекрасно. После пляжа доехали на троллейбусе от Серебряного бора почти до Красной площади и сидим на улице Горького в кафе «Космос». Очень популярное и доступное для студентов место. Чтобы пройти в зал мимо швейцара, бывало, час в очереди на улице стояли. Сюда и с рублем можно. Фирменное мороженое «Космос» – пломбир в вазочке, политый шоколадом, стоит 40 копеек, «Московское» с «ушами» из печенья – 50 копеек, а, если после стипендии (целых 28 рублей), то можно шикануть и заказать официанту коктейль «Шампань коблер» с шампанским, ликером и сиропом. С «Космосом» может сравниться разве что «Метелица» (на нашем языке «Метелка») на Новом Арбате. Ах, Новый Арбат, он еще такой новый! Все москвичи им ужасно гордятся. А рядом старый. По нему ходит 39-й троллейбус. Он еще не «офонарел», как

шутили после реконструкции. Теплой летней ночью мы гуляли по спящему Арбату, почти не встречая машин. И никакой рекламы. Темный город выглядел торжественно и

загадочно. Пошли по бульварам, и на Гоголевском при лунном свете разглядели заплатку на носу у одного из львов у подножья фонаря. С тех пор мы назначали там свидания. Интересно, сохранилась ли она сейчас?

Летом 1973 в Москву буквально на один день привезли «Джоконду». Чтобы с ней встретиться, мы с другом художником заняли очередь у Пушкинского музея, приехав туда на последнем поезде метро. Люди подходили всю ночь. «Когда еще в Лувр попадем?» – пророчески пошутил мой друг. Тогда это казалось невероятным. Люди в очереди совсем разные. Старики, дремлющие на своих

складных стульчиках, джинсовая молодежь с гитарой, готовая хоть до утра петь и смеяться, но все кажутся такими умными, и я прислушиваюсь к обрывкам их разговоров об искусстве и горжусь своей сопричастностью к такому избранному обществу. Более интеллигентной компании у меня в жизни не было. Но когда открылся музей, я была страшно разочарована. Нас пропускали по очереди вдоль барьера, не давая ни на миг остановиться. На мгновение издалека Джоконда загадочно улыбнулась мне из-за толстого бронированного стекла, и я оказалась на ярком свете на Волхонке у бассейна «Москва», пытаюсь понять, что же это было. А внизу в бассейне плескались люди. Я вспомнила, как мы спускались в эту туманную яму зимой в мороз. И никогда не могла бы себе представить, что летом 2000 года перед самым освящением Храма Христа Спасителя я опять проведу там целую ночь. В храме выставили мощи святого Пантелеймона. Всего на три дня, и очередь паломников, огибая храм, тянулась по набережной.

Олимпиада-80 запомнилась пустотой улиц, дефицитными продуктами в магазинах, товарами с олимпийской символикой, отсутствием очередей и множеством уличных сборных олимпийских кафе, где кормили спортсменов. Почти месяц стояла хорошая погода, хотя до этого дожди шли непрерывно. Но смерть Высоцкого потрясла и вытеснила из сердца спортивный праздник. Горе было в каждом доме. Его мало кто знал в лицо, но он жил с нами и рассказывал нам о нас самих. Как же мы без него? За всю жизнь не могу вспомнить такой всеобщей утраты. Один только раз годом или двумя раньше я побывала на его концерте в Институте проблем управления на Калужской. Высоцкий вышел под гром аплодисментов и сразу резко сказал, что будет петь ровно столько, на сколько договорились, а потом ему все равно, хлопаем мы или нет, он уйдет со сцены. Мне тогда это показалось обидным. Но выложился он полностью, не жалея себя. Голос звучал мощно и доходил до каждого сердца. А потом он закончил петь и ушел, не обернувшись.

Чувство детской безмятежности и безопасности, когда каждый милиционер казался добрым дядей Степой, а бабушки у подъездов вершили самый «страшный суд» над соседской молодежью, не вернется уже никогда...

Англичане спрашивают: «How old are you?» (Насколько ты стар?) А мы говорим: «Сколько тебе лет?» И это вернее. Память легко очищается от всего пасмурного и унылого, и мы всегда ждем только лета!

Наталья Алексеевна Денисова, 55 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО

Я вскакиваю в седло, во весь опор мчусь на велосипеде за братом. Крутой поворот, и мы вылетаем... на кухню. И пусть велосипеды трехколесные, и летим мы не по дорогам-полям, а по огромному коридору. Нам всего по 6-9 лет, и квартира в старом доме в самом центре Москвы, в пяти минутах ходьбы от Кремля, кажется необъятной.

Став постарше, мы часто ходили с родителями в Консерваторию. По черной лестнице, так было удобнее и быстрее. Зимой даже не надевали верхнюю одежду. Зачем она? Ведь только вышли из подъезда, как уже вот он вход в Малый или Рахманиновский зал. И до школы две минуты пешком, а если бегом, то и того меньше.

Потом мы переехали. Из центральной коммуналки в отдельную просторную «сталинку». Там тоже было привольно, и зачастую можно было даже не сразу понять, кто есть дома.

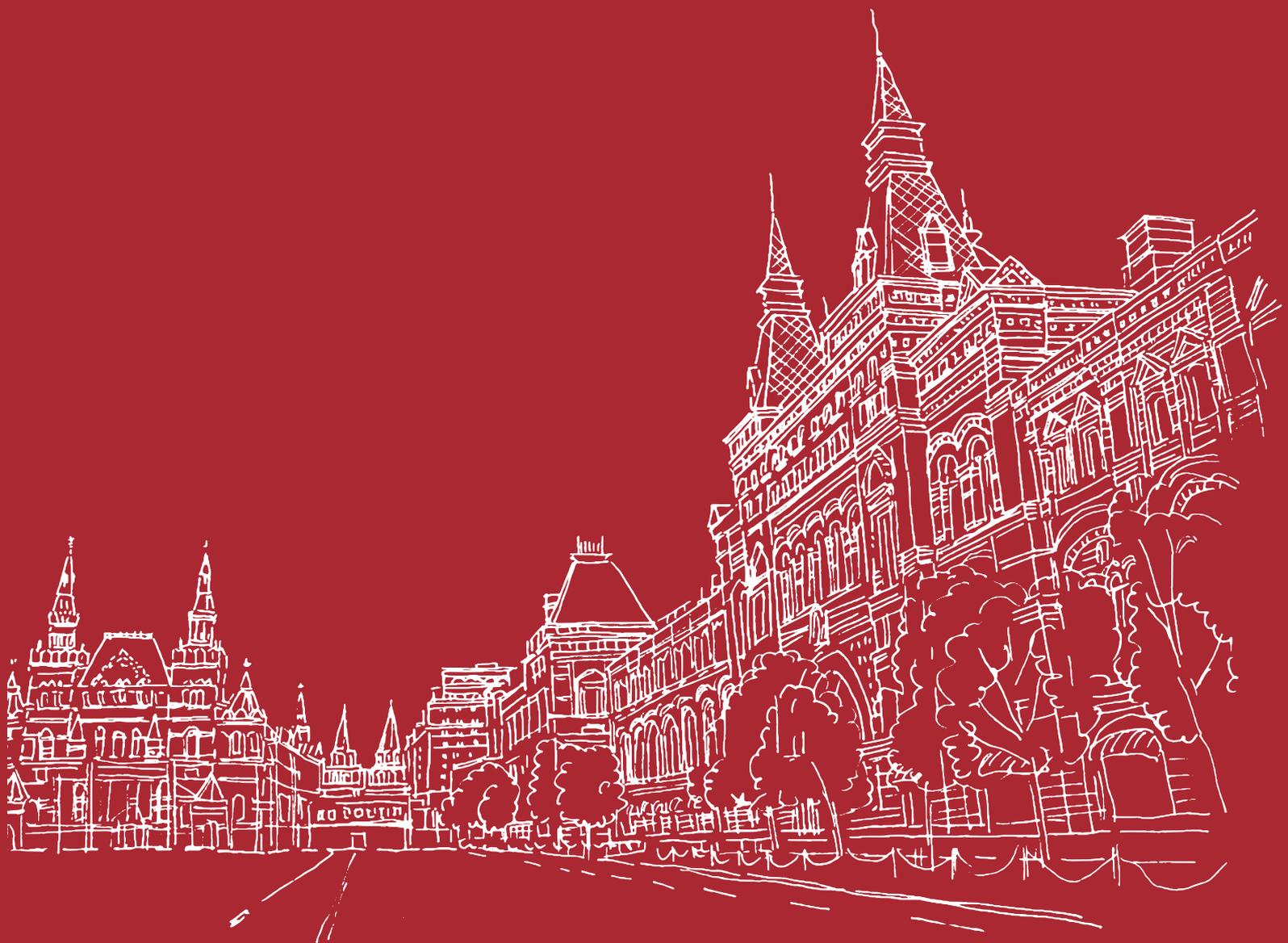
Закончились школьные годы, институт, многое что изменилось в нашем городе. Но каждый раз, попадая в места своего детства, я ощущала, что машина времени существует! Вот она школа, Консерватория, дворик, хоккейная коробка и Дом. Старый, любимый Дом. Уже опустевший, с темными окнами и потрескавшимися деревянными рамами. Вот наши окна на втором этаже. И тяжелая, массивная дверь парадного. В этом доме, в большой просторной квартире с высокими потолками жил со своей семьей мой прадед, профессор Московской Консерватории, композитор Федор Кенеман, соратник Федора Шаляпина, автор произведения «Как король шел на войну» и обработки знаменитой «Дубинушки».

Я радовалась, что Дом стоит нетронутым, удивлялась тому, как это такой лакомый кусочек старой Москвы оставался вне сферы интересов «деловых людей» (хотя соседние дома уже превратились в бизнес- и фитнес-центры). И втайне надеялась, что так будет если не всегда, то еще очень-очень долго...

Вчера мы встречались с подругами в уютном кафе неподалеку от Моего Дома. Зайдя его проведать, я увидела, что Дома больше нет. Вернее, осталась только фасадная стена. Строительство все-таки настигло Дом. И скоро на его месте будет комплекс с гостиницей и подземным гаражом. Все понятно, жизнь выписывает виражи, новое сменяет старое, скорости зашкаливают. Но когда видишь, как рушится то, что было частью жизни, возникает ощущение, что сломали не просто стены, а выломали частичку самой меня. И мне стало очень грустно.

Долго мне будут сниться широкие подоконники, на которых было так удобно рисовать, каменные, чуть продавленные в середине, ступени лестницы с коваными перилами, прохладный сумрак парадного и атмосфера, которая, может быть, только в старых московских домах прошлого...

Москва семейная

Светлана Юрьевна Минаева, 68 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ХОВРИНО

Все мои родственники до войны проживали на Таганке. Мама с папой жили в одном дворе. Дедушки, папа и дядя ушли на фронт с Большой Дровяной улицы. Вернулись не все. Мне повезло – папа остался жив после тяжелого ранения.

Я родилась в роддоме им. Клары Цеткин в Шелопутинском переулке. Семья наша жила патриархально. Бабушка, которую любили все внуки, казалась нам очень молодой: сама колола дрова, топила печь.

У каждой семьи был сарайчик. А дядя разводил кроликов. Жили и радовались – в субботу в баню! В первый класс я пошла, когда мы получили комнату 16 кв. м на Ленинском проспекте. Горячая вода, ванна и только 2 семьи. Я не представляла, что можно жить в отдельной квартире.

Самое мое сильное впечатление детства – когда меня принимали в пионеры! Это происходило в Доме пионеров на Ленинских горах. Я очень волновалась. Помню, как на руке висел галстук, и я боялась ошибиться, читая клятву. И потом мы поехали на Таганку к дяде, где все собрались и отмечали это событие.

Прошло много лет, все поменялось, и я в архиве бабушки нашла портрет моего деда. Он был улан в охране царской семьи. На нем замечательная форма, на кокарде двуглавый главный орел. Вот почему прятала бабушка фотографию – он был «белый». Хотя участвовал в Первой и во Второй мировой войне. Когда мы шли в рядах «Бессмертного полка», я с гордостью несла фотографию своего деда! Надеюсь, что и внуки мои не забудут о своих корнях, и будет эта традиция продолжаться.

Галина Петровна Петкова, 79 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
МОСКОВСКИЙ

Моя Москва... Почему именно моя? Да потому, что очень глубоки корни моего родословного древа по материнской линии. Для меня Москва не только столица с ее музеями, парками, театрами; для меня это родной дом, семья, друзья, подруги, соседи, ставшие родными.

Вот оно, фото четырех поколений моего родословного дерева. В центре, с окладистой бородкой, мой прадед Козырев Тимофей, также по центру сверху моя бабушка Мария Тимофеевна, старшая дочь прадеда. Он остался вдовцом с четырьмя детьми. Моей бабушке было 10 лет. Прабабушка

Наталья была похоронена на Ваганьковском кладбище в августе 1910 года. Я могла бы очень много писать о своих родных, так как с малых лет сильно была привязана к ним, горжусь ими. Трое из них погибли в войну. Второй справа вверху – бабушкин брат

Арсений Тимофеевич Козырев защищал Москву во время Великой отечественной войны, кузнец по профессии, гармонист, большой души человек.

Цель моя – написать о послевоенной деревянной Москве. Я не зря начала свое повествование с родословного дерева. Много поколений нашей семьи родилось и выросло в Москве еще во времена Петра I. Черкизово, Богородское, Сокольники, Преображенка, река Яуза – вот они преображенские и потешные полки. Соколиная охота, в которой принимали участие мои предки.

Здесь прошло мое босоное детство. Мое родное Черкизово, Пушкинская улица, дом 45. Многие путали две улицы в Москве: улицу Пушкина (сейчас это улица Большая Дмитровка) и Пушкинскую улицу в Черкизове, ее тоже переименовали в начале 60-х годов во 2-ю Бунтарскую.

Наименования большинства улиц Черкизова были связаны с фамилиями поэтов, писателей, бунтарей, революционеров: Пушкинская Некрасовская, Гоголевская, Пугачевская, Бунтарская, Знаменская, Обуховская, Куйбышевская.

Дома были в основном одноэтажные, деревянные. Встречались и двухэтажные, деревянные и кирпичные. Было много частных домов, огороженных забором. На калитках этих заборов были надписи «Осторожно, злая собака», и была кнопочка звонка. Мы – дети очень любили нажимать на эту кнопочку и ждать, когда выйдут хозяева, сами же разбегались и прятались.

Дом, в котором мы жили, представлял собой два дома под одним номером. В двухэтажном кирпичном доме четыре коммунальные квартиры, в каждой квартире проживало по 6-7 семей. Дом был с удобствами: водопровод, туалет и отопление. Рядом с кирпичным домом был одноэтажный дом с двумя входами. Это пятая и шестая квартиры. В шестой проживало шесть семей, у них была одна общая кухня. Готовили на керосинках, керогазах и примусах. Шестую квартиру называли общежитием. А вот нашу пятую – прачечной. Вероятно, это когда-то она и была. Возможно, жители общежития там мылись и стирали белье в этой восьмиметровой комнате с печкой. Пол в ней наполовину был каменным. Кухни не было. К этому дому был большой двор. Вместо забора стояли в ряд сараи. Жители нашего двора жили очень дружно, всегда и во всем друг другу помогали. До сих пор мы дружим семьями, дружат между собой и наши дети. Могу сказать, что мы получили очень приличное дворовое воспитание. Любой из взрослых мог нас наказать за шалости или наоборот накормить обедом. И все это воспринималось вполне нормально. На наших столах не было деликатесов. Ими для

нас были кусочки ржаного хлеба с подсолнечным маслом, посыпанные солью, или белый хлеб, намазанный сливочным маслом, но чаще маргарином с сахарным песком. Это все про наш двор. К сожалению, фото нашего дома и двора у меня нет, но остались фотокарточки дома и двора, где жила моя бабушка. Улица большая Черкизовская, дом 72/1. Это бабушкин палисадник. В нем всегда было много цветов. Слева моя бабушка, дальше ее сестра Варвара Тимофеевна – учительница.

Следующее фото 1 сентября 1950 года. Все мы с букетами из бабушкиного палисадника на фоне дома в московском дворике. Слева я, иду во второй класс.

А на этом фото, на фоне дома, во дворе падчерица моей бабушки Александра Павловна со своей дочкой Валей.

В этом же доме жил мамин брат Лопатин Владимир Яковлевич – чемпион советского союза по плаванию на спине. В 1951 году им был установлен рекорд. Участвовал в фестивалях молодежи и студентов, в Олимпийских играх. Был на тренерской работе в бассейне при Дворце пионеров.

Гордость Черкизова – стадион «Локомотив». Во времена моего детства это был стадион «Сталинец». Не было еще стадиона в Лужниках, а были стадионы «Динамо» и «Сталинец». На них проходили все футбольные матчи на первенство Советского Союза. Конная милиция не пропускала никого без билета. Но совладать с черкизовской ребятней было невозможно. Мы перелезали через забор из детского парка и смотрели футбол. Дальше за стадио-

ном проходит МЦК! Дальше начинается Щелковское шоссе. Сразу же справа – Измайловский Кремль. Здесь же, не помню на какой глубине, находится бункер Сталина. Строился он еще до войны, в строжайшем секрете. Про бункер никто не знал, строили стадион. Это должен был быть крытый стадион. Но во время войны туда попала бомба. Строительство стадиона приостановили, а в помещениях, которые сохранились, разместили какие-то лаборатории. Но зато сколько металлолома мы оттуда несли в школу. Кстати, наша школа находилась рядом со «Сталинцем». А еще неподалеку возвышается Церковь Ильи Пророка. Если вы смотрели фильм «Воскресенье», то эпизод, в котором все друг друга поздравляют с воскресением Христовым, снят именно у этой церкви. Она находится на берегу Черкизовского пруда. На картах он почему-то значится Черкизовским, хотя мы все называли его «Архирейский». Но немного вернемся к бункеру. От станции метро «Семеновская» – бывшая станция «Сталинская» шла ветка – «Измайловский парк – Измайловская – Первомайская». «Щелковскую» построили позже. От станции «Измайловский парк» была проложена секретная ветка к бункеру.

А вообще, про свою любимую Москву я могла бы писать очень много: про стадионы, про концертные залы, театры и кинотеатры, про музеи и выставки, про то, как преобразилась столица, как она похорошела. Я очень люблю ее и желаю дальнейшего процветания.

Валентина Константиновна Хачатрян,

71 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НАГОРНЫЙ

В Москву я приехала в 1969 году. Москва встретила меня хмуро и неласково, сеял мелкий апрельский дождь. На Ярославском вокзале, куда я прибыла из Владивостока, людей было море, просто Тихий океан, все куда-то спешили, торопились. Лица у всех были хмурыми, недовольными. Я сдала вещи в багажное отделение на вокзале, купила билет в Ереван, куда направлялась к своим родителям. Потом решила выйти в центр, посмотреть Мавзолей, Красную площадь. Площадь почему-то показалась мне не такой грандиозной, как об этом писали газеты и мой любимый журнал «Огонек». Все было не так величественно и значимо. Разве я могла тогда, в 18 лет, знать о том, что Москва станет моим домом, Родиной, здесь будет жить моя семья, дети, внуки? Но обо всем по порядку.

Я доехала до Еревана, меня встретил приятный южный пейзаж и родные лица отца и брата. Ереван поразил меня своей утонченной архитектурой и большим количеством красивых людей, ярких, полных собственного достоинства, говорящих на своем языке, мне неведомом. Да это меня и отдалило от них. Но получилось так, что я вернулась в Москву уже с мужем. Но не просто так, а учиться. Мой муж Вадим поступил в Московский горный институт на дневное отделение, а я в педагогический.

Мы стали искать жилье. Нашли на ВДНХ, в нескольких остановках от метро. Комната была в коммуналке, где проживали несколько семей: русские, украинцы, татары, евреи, в общем, Ноев ковчег. Кухня общая, туалет, два умывальника, огромный коридор, в котором стояли шкафы с замками, а мыли его мы по очереди. И телефон тоже был в коридоре, как в фильме «Покровские ворота». Но комната была сырая, хозяйка пьющая. В общем, стали искать новое жилье.

Нашли в Трехпрудном переулке. Центр. Каждое утро «здоровуюсь с Пушкиным», кланяюсь памятнику. Восприятие Москвы уже другое. Сижу, занимаюсь в библиотеке им. В.И. Ленина, хожу на модные спектакли, тогда была мода на определенного актера, автора пьесы, шли на имя. Если кто-то из знаменитостей приезжал на гастроли в столицу, мы доставали билеты и мчались туда. Эмоции, восторг, воодушевление.

А когда родилась доченька, жизнь стала немного другой. Мы возили ее по тихим переулкам Москвы и стали знакомиться просто с домами, в которых жили великие люди, знаменитости, архитекторы, актеры, режиссеры. Ходили в близлежащие храмы, посещали выставки, знакомились потихоньку с другой Москвой, проникались ее мощью, величием. Все семьей ходили на демонстрации, это было такое значительное событие, к нему готовились, прихорашивались. А больше всего с нашей малышкой мы любили бывать на Патриарших прудах, кормили лебедей, знакомились с героями – скульптурами басен дедушки Крылова, потом вечером читали басни и узнавали героев в книгах по картинкам.

Жизнь налаживалась. Читала много, я всегда любила читать, но разве тогда, будучи молодой мамой, я могла мечтать о том, что сама буду сочинять стихи, писать рассказы, печатать их в альманахе, встречаться со своими кумирами. Мы тогда не боялись этого слова, мы в него вкладывали совсем другой смысл. Вот он, наш любимец с экрана, рядом, сидит беседует, чай пьет в приватной с нами беседе в Тютчевке. Я читаю им посвящение. Слушают меня по-разному. Любимая Лариса Лужина молча, спокойно. Пожалуй, ее после Высоцкого и немецких режиссеров ничем не удивить. А Светлана Светличная удивилась, что я так много о ней доброго знаю, и ей очень понравилось мое послание в виде рассказа-монофона на букву «с».

Я стала преподавателем вуза, о чем, наивной девочкой и не мечтала, читала лекции по языкознанию, культуре речи, ораторскому искусству, речевой и межкультурной коммуникации. Но вот мужу, ставшему к тому времени главным инженером-строителем, получившему достойную зарплату, очень хотелось иметь, кроме дочерей, сына. Я подумала, трое детей, это столько работы, заботы, всего... Но мужа-армянина это не обрадовало, он считал, что сможет обеспечить большую семью, а в старинных традициях это просто геном заложено.

И на десятый год совместной жизни у нас появился сын Давид. Я хотела, чтобы у сына было имя библейское, цар-

ственное, к тому же, раз мы вымолили у Всевышнего такой радости. Детей мы вырастили здоровыми, они тоже много читали, все трое получили высшее образование, стали достойными столичными жителями. Дочь Марина окончила музыкальную школу, получила экономическое образование, окончила институт, готовивший дикторов телевидения, курсы йоги. Аида стала кандидатом в мастера спорта по фигурному катанию, получила юридическое образование, защищалась у самого Барщевского, работает в процветающем Росатоме, сын – управленец.

И порадовали нас внучками – Ритой и Ангелиной. Теперь я с внучками читаю, гуляю в парках Коломенском и Царицыно, рассказываю им о всем, что вижу ценного в городской среде, в парках, как правильно относиться к достоянию города. Рассказываю о стилях храмов, ведь Москва – город сорок сороков церквей.

Мы любим бывать на старых исторических улицах столицы: Большой Ордынке, Волхонке, Тверской, Остоженке, Пушечной и многих других. Теперь мои внучки спрашивают: «А новое здание Сатирикона, который построил дедушка Вадим, в каком стиле, это классицизм, готика, модерн, барокко, может стоило ему построить в стиле русское узорочье?» Смешные.

Таких меценатов, чтобы в старинных стилях строить, сейчас еще поискать нужно. Но душа радуется, что наши потомки понимают ценности правильно.

Самое главное в моей московской жизни, что меня Москва полюбила, признала, и я ей очень признательна и благодарна за все. Стараюсь помочь моему любимому городу и району всем, чем возможно, стать добрее, красивее, удобнее.

Любовь Евгеньевна Васютина, 61 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
СЕВЕРНОЕ ИЗМАЙЛОВО

В 1913 году Илларион Игнатьевич Милов решил, что пора расстаться с родным селом. Мать схоронили почти сразу после рождения последнего ребенка. Отец стал жить с другой семьей. Здесь, в милом сердцу Катине на берегу чистой веселой речушки, делать ему больше было нечего, да и не для кого. Семейой он до сих пор не обзавелся. А сила, энергия, живой изобретательный ум искали места для лучшего применения. Ларя поделился своими мыслями со старшим братом Лукой, который тоже был холост по причине мудрости и рассудительности: «Если нет дома и некуда привести молодую жену, то не че о семье рассуждать». Посоветовал тогда мудрый брат младшему ехать в Москву и пытаться там реализовать свои грандиозные планы. Да и сам стал подумывать, не составить ли брату компанию. Вдвоем сподручней. Да и денег, нужных для начала нового дела, будет больше. Отец научил их работать на результат, доводить все начатое до логического конца.

Глава семейства Игнатий Федорович Милов был основательным человеком, трудолюбивым крестьянином, рачительным хозяином. Всем детям передал он искреннюю любовь к работе и умение радоваться не только самому процессу труда, но и достигнутым целям. Отец одобрил решение сыновей. С ними в Москву велел собираться их старшей сестре Варваре, чтобы помогала по хозяйству, вела дом, заботилась о питании и присматривала вездесущим женским глазом за поведением братьев. Весной все вместе подготовили усадьбу к посадке. И молодежь тронулась в путь.

В Москву приехали в начале июня на своей телеге, запряженной парой тягловых лошадок. Скарба с собой взяли немного. Въехали в город со стороны Крестьянской заставы. Окраина оказалась достаточно обжитым местом. Вокруг Покровского и Новоспасского монастырей была плотная городская застройка. Постоялых дворов поблизости не было. Приезжим подсказали, что остановиться на ночлег можно рядом со Спасо-Андрониковым монастырем, что недалеко от Рогожской заставы. Заверили, что вокруг монастыря домов нет и место тихое. Путники быстро добрались до крепостных стен обители и расположились на ночлег.

Андроников монастырь находился чуть в стороне от Вороньей улицы, идущей от Рогожского Камер-Коллежского Вала по направлению к Китай-городу. Ларион быстро оценил сложившуюся обстановку. И вскоре взял в аренду участок земли на углу Вороньей и Андрониевской улицы. К концу года здесь уже стоял небольшой постоялый двор. Потом предприимчивый хозяин обратил внимание на то, что горожане часто обращаются к нему с просьбой о перевозках различного рода. И сосредоточился на организации частного извоза. Гужевого транспорт в то время был основным в Москве. В большом гараже, устроенном во дворе появились грузовые телеги и пролетки. Извозчиков нанимали их тех, у кого были свои лошади. Вскоре часть постоялого двора была отдана под временное пребывание работников, приходивших в Москву на заработки. Для лошадей освободили часть гаража. Дело развивалось успешно.

Только в семейной жизни Лариона что-то не ладилось. Ни первая, ни вторая супруги не принесли ему наследников. А потребность заботиться о детях в нем была ве-

лика. В 1916 году Ларя привез в Москву младшую сестру, которой пришла пора учиться. Окружил ее заботой. В 1919 году приехал отец с семьей. В деревне жить стало сложно. Коллективизацию Игнатий Федорович принять никак не мог. Поэтому распродал то, что осталось от крепкого хозяйства, и ушел с родной земли.

Пришло время, когда и в Москве начали теснить частный капитал. Илларион Игнатьевич умело сотрудничал с властью. Но, в конце концов, на смену лошадям пришли автомобили, а потом и метро. Принадлежавшие Миловым постройки перешли под городскую юрисдикцию. Бывшим владельцам оставили несколько комнат в личное пользование.

Вот в одной из этих комнат, находившейся в бельэтаже под самой крышей, зимой 1960 года родилась я. Воронья улица тогда была уже переименована в Тулинскую, Андроньевская площадь в площадь Прямикова. Но эти изменения для меня были уже историей.

Нам, детям, рожденным в середине 20 века, можно было взрослеть не спеша, и до школьной скамьи оставаться беззаботными и беспечными. Жизнь позволила не ограничивать это поколение в играх и безобидных шалостях. Летом в конце квартала обычно стояла бочка с квасом, куда родители регулярно посылали нас с бидонами и разрешали выпить по маленькой кружке ароматного бодрящего напитка прямо на месте. Тетенька продавщица всегда мыла кружки перед каждым применением, ставя их вверх дном на регулируемый фонтанчик у нее на лотке. Фонтанчик бил в доньшко, и вода переливалась на солнце, растекаясь по стенкам кружки. Потом подставляла кружку под кран, выходящий прямо из бочки, поворачивала деревянный рычажок, и в стеклянный сосуд начинал литься вождеденный напиток.

Густая желтоватая пенка часто перепрыгивала через край кружки и принималась медленно стекать по ее граненому боку. Нас, детей, много, человек пять-шесть. Мы весело пили квас и осторожно несли полные бидоны домой. А потом встречались во дворе, чтобы дружно пойти за мороженым. Ларек, где всегда было мороженое в стаканчике с розочкой по девятнадцать и «Ленинградское» за двадцать две, находился на противоположной стороне дороги. Осторожно переходили на зеленый сигнал светофора, а там наперегонки бежали до заветного окошечка. Иногда шли в булочную за калорийкой, это совсем далеко, на другой стороне площади около заброшенного собора.

А потом устремлялись в сквер у Андроникова монастыря. Иногда заходили на его территорию и там до вечера

играли в мушкетеров, осторожно переступая по выступам крепостных стен и монастырских построек, уходя от преследования гвардейцев кардинала. Или принимались играть в дочки-матери, разложив на паперти центрального храма кукол для прогулки, как будто мы на даче. И устраивали уютное жилье под аркой центрального входа, благо массивные ажурные деревянные ворота всегда были закрыты. Иногда нас звали к себе сотрудники реставрационных мастерских, расположенных в красивом высоком белокаменном здании. Мы с осторожностью и огромным удовольствием ходили по просторным комнатам, вдыхая запахи каких-то особых красок.

С позволения хозяев мы принимались нажимать скрытые под холщевым чехлом потайные кнопки. Кнопочки при нажатии по-разному пищали. Нам говорили как, когда и какую нажимать, и получилась мелодия. Иногда выходил «Чижик – Пыжик», иногда «Во саду ли в огороде...». Нам давали печенье, и мы опять бежали на улицу или шли в музей Рублева, нас пускали бесплатно. Ходили по залам, держась за руки, с любопытством вглядывались в причудливые образы, смотрящие на нас выразительными глазами. А когда совсем вечерело, направлялись домой, чтобы съесть с крепким сладким чаем, купленную днем калорийку, намазанную нежным сливочным маслом. Бабушка кипятила чайник и ставила в постель, чтобы согреть матрас в районе ног. Когда я укладывалась в кровать, тепло будто обволакивало меня, и сон быстро одолевал сознание.

В пасмурные дни мы обычно гуляли во дворе. Иногда играли в школу. Но чаще искали грибы. Двор большой зеленый. Грибные места хорошо известны: в старом саду у нежилого деревянного дома, в палисаднике, под молодыми тополями, вдоль «тетимотиного» сарая. Моя бабушка нам всегда готовила из этих грибов что-нибудь вкусное. А пока грибы готовились, мы делали «секретики». Самая хорошая земля для них была у сарая тети Моти. Но сначала нужно найти красивые разноцветные стеклышки, бусинки, пуговицы, фольгу от шоколадки, эффектные цветочки и травинки. А самое главное, стекло для экрана, чем больше экран, тем больше и интересней получался «секретик». Когда все удавалось разыскать, приступали к работе. У стенки сарая выкапывали ямку, укладывали фольгу, как основу. Потом на ней составляли композицию из найденных ценностей и накрывали стеклом – экраном. Присыпали землей. «Секретик» готов. Теперь можно приходить к нему хоть каждый день, аккуратно круговыми

движениями сдвигать землю с экрана и радоваться, улыбающейся из земли сверкающей красоте.

Вечером в выходные дни, весь двор с удовольствием собирался на большой лавочке, чтобы посмотреть детский концерт. Мы мелом на асфальте заранее рисовали красочное объявление, в котором сообщали о времени выступления. Нас много, у каждого по два - три номера: читали стихи, кто-то хорошо пел песни и частушки, кто-то умел плясать, кто-то представлял балетные номера... В общем, концерт всегда нескучный получался. Нас благодарили за хорошее настроение, и даже давали копеечки, чтобы мы на следующий день могли купить себе мороженое и лимонад.

По праздникам всем двором ходили на монастырскую горку смотреть салют. Отсюда до сих пор открывается вид на Красную площадь. Гора высокая, дома не заслоняют обзор. Мы громко кричали: «Ура!!!» — после каждого залпа и вслух читали, какой будет следующий. В общем, лето проходило очень весело и очень быстро.

Осенью и весной мы тоже не скучали. Многие ребята уже ходили в школу. А в особые дни, когда Москва торжественно приветствовала демонстрации, мы всей детской толпой бегали на Таганскую улицу, потому что колонны шли только там. Веселые, шумные, беззаботные демонстранты задорно пели, несли какие-то транспаранты и большие искусственные цветы: в виде гвоздик – осенью, белых и желтых ромашек – весной. Погода не влияла на настроение праздника. Если начинался дождь – появлялись зонты, если сильно понижалась температура – шапки. Мы тоже никогда не пропускали праздничные шествия и мечтали, что когда-нибудь сами будем принимать в них участие. А потом торопились в кинотеатр «Зенит» пить лимонад с бутербродами и смотреть какой-нибудь фильм на большом экране, потому что дома нас радовали только маленькие телевизоры с огромными линзами, наполненными водой. А у кого-то из ребят и таких не было.

Зимой ходили кататься на монастырскую горку. От белых крепостных стен до самой Яузы плавно тянулся прогулочный спуск. На выезде с него требовалось быстро затормозить, чтобы не выскочить на проезжую часть. А можно было скатиться с очень крутого крепостного вала, где кто-то заботливо настроил трамплинов для увеличения экстремальных ощущений. Время на горках пролетало незаметно, да и темнело рано. Мы не успевали сильно изваляться в снегу и вымокнуть. Всегда возвращались домой шумные, разругавшиеся, с горящими от восторга глазами. Бабушка заботливо наливала в таз теплой воды,

чтобы согреть мне ноги. И пока я грелась и пила чай, читала мне рассказы Тургенева вместо сказок.

В доме отсутствовала горячая вода и центральное отопление, зато здесь плескалось море любви, душевного тепла и искренней заботы, что делало этот дом самым близким, самым добрым, самым важным, самым родным. Тулинская улица, дом 4 – родное гнездышко, которое запомнилось мне на всю жизнь своим дружелюбием, теплотой и уютom.

И даже когда район начали перестраивать, и мы разъехались по всей Москве, я стала часто приезжать сюда, теперь уже на улицу Сергия Радонежского, и подолгу гулять в монастырском сквере со своей дочкой. И именно здесь через много-много лет, когда судьба послала семье горькие испытания, я нашла поддержку и утешение. В родном Спасо-Андрониковом монастыре посчастливилось встретиться мне с патриархом Всея Руси Алексием II. И произошла это памятная встреча на тех самых ступенях Спасского собора, где когда-то я играла, будучи ребенком. Там после утреннего Пасхального богослужения я в числе прихожан с трепетом ожидала таинства освящения пасхальной еды, в котором патриарх принимал непосредственное участие.

Так уж, наверное, у людей бывает: родина всегда поддерживает и помогает, питает силами, укрепляет духом. Родина для человека, верно, то, что корни для дерева. Люди тоже часть природы, и им не стоит об этом забывать, чтобы нечаянно не разрушить сложную гармонию мира.

Татьяна Денисова, 64 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ

Самые теплые, светлые и искренние воспоминания – это воспоминания из детства! Какие бы радостные события не ждали тебя на жизненном пути, они никогда не станут ярче чем те, что ты хранишь в своем сердце с самого детства. Мое детство и воспоминания о нем неразрывно связаны с самым прекрасным городом на земле – с Москвой! С городом, в котором я родилась и выросла, в котором ходила в школу, вышла замуж, училась, работала, в котором встречала весну и провожала старый год долгих и счастливых шестьдесят четыре года.

Мне пять, я стою у витрины с игрушками в Центральном детском мире, и мы с ним ровесники – ему тоже пять. Семь этажей детского счастья! Семь этажей игру-

шек, красивых платьев, паровозов, колясок, велосипедов. Для меня, пятилетней малышки, это целый игрушечный мир. С витрины на меня смотрит огромная кукла в красивом зеленом платье и золотыми волосами. И мне ее покупают. Передать мою радость и детский восторг невозможно. Моя любимая кукла, моя первая дочка!

Мне семь, я уже совсем большая, как мне казалось тогда. Сейчас конец лета, а лето в Москве особенное – жители разъезжаются на дачи, санатории, лагеря и город пустеет, замирает. Вокруг все успокоилось и затихло, только не я – я иду в первый класс! И вот мы с родителями идем по Красной площади к ГУМУ, сейчас мне купят школьную форму. Родители держат меня за руки, они поднимают меня вверх чтобы я перепрыгнула лужи, в которых отражается ласковое, августовское, «московское» солнце. И я счастлива, абсолютно счастлива, счастлива что я теперь школьница, счастлива, что со мной мои родители, счастлива что увидела Красную площадь, и я улыбаюсь и как мне тогда казалось, мне в ответ улыбается вся Москва.

Мне пять, шесть, семь, сколько бы мне не было лет каждый год мама водила нас на наши «московские» елки. Вот мы с сестрой стоим у Дома культуры в ожидании чуда. Вокруг нас бегают и веселятся дети, играет музыка, идет крупный, искрящийся снег. Перед клубом огромными шарами наряжена елка, мы в предвкушении праздника, веселья и, конечно же, конфет. Под шубками у нас с сестрой накрахмаленные платья, сшитые из марли нашей бабушкой, обшитые блестящей мишурой. А потом мы поедем домой, по вечерней Москве, украшенной новогодними огнями, уставшие, но счастливые.

Мне двадцать три, я стою с подругой на углу Театральной площади и ем мороженое, мы идем покупать мне свадебное платье, от волнения я почти не чувствую его вкус. В это лето в Москве проходит Олимпиада, я сжимаю в руке только что купленного олимпийского мишку и жду самого волнующего события в моей Жизни.

Все главные события моей жизни, все, что сохранилось в моей памяти, все связано с моим городом – с моей Москвой!

Ирина Владимировна Волкова, 66 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЩУКИНО

История нашей семьи в Москве началась задолго до моего рождения. Моя будущая мама, тогда еще девочка, жила с родителями и старшим братом в Антиповском переулке на Арбате. Мама занималась в танцевальной студии, они выступали в кинотеатре «Художественный» перед началом сеансов и получали небольшие подарки, в основном, наборы открыток. У мамы был маленький чемоданчик артистки, в котором умещались концертный костюм и все, что нужно для выступления.

В это время в Белоруссии шло своим чередом сельское детство моего будущего папы. Его дед когда-то служил в Москве в царской армии, но для мальчишки этот город был далеким и чужим. Когда грянула война, папе не было и шестнадцати. Он ушел в партизанский отряд. Поздней осенью сорок первого завязался тяжелый бой с врагом, отца ранило осколками снаряда. Он долго лежал на снегу без сознания. Нашли его санитары Советской армии. В госпитале состояние оценили, как безнадежное, но молодой организм победил, папа остался жив и поправился. Юного партизана отправили в Москву учиться в артиллерийском училище. Это произошло после переломной битвы за Москву, когда обстановка в городе стала меняться в лучшую сторону. Жизнь курсанта проходила, в основном, в училище, каждая вылазка в город приносила новые впечатления. Папа учился и готовился воевать.

Весной 1943 года мамин брат, Владимир Морозов, гордость семьи, красавец, спортсмен, решил прервать учебу в институте и уйти добровольцем на фронт. Было ему 19 лет. После недолгого обучения в Школе танкистов, он воевал и погиб летом 1943 года в бою на Курской дуге. Горе родных было огромно.

Другой Владимир, мой папа, сражался на фронте до последнего дня войны. Ему шел двадцатый год, он мечтал поступить в университет на физтех. В минском вузе немного не хватило до проходного балла. Папа испугался, что станет студентом еще на год позже. Отправился в уже знакомую Москву и поступил в Финансовый институт.

Теперь Москва открылась ему во всей красе! Студенческая жизнь, учеба, прогулки по городу, популярные тогда танцплощадки, знакомства с девушками... не просто парень, а фронтовик, интересный, красивый! Тогда он и покорило сердце моей будущей мамочки. Впереди была долгая жизнь в Москве.

Москва романтичная

Ольга Сергеевна Цющора, 73 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЮЖНОЕ МЕДВЕДКОВО

Сегодня я решилась приоткрыть тайну... Возможно, наступило время, когда стало остро необходимо поделиться воспоминаниями, чтобы приблизить, почувствовать их, ощутить тепло и дать себе возможность пережить все еще и еще раз, вспоминая о любимом!

И я попробую рассказать о зарождении, посланного Господом дара, прекрасного, нежного, всепоглощающего чувства! Конечно, это – ЛЮБОВЬ!

14 января 1976 года я пришла на новое место работы. В этом было что-то мистическое, потому что в эту ночь наступил Старый Новый год, и, как я считала, обязательно должны были исполниться мечты и желания! Позже мне сказали, что мое появление было воспринято, как новогодний подарок...

Меня встретили просто замечательно. Я всегда легко вливалась в совершенно незнакомый коллектив. Да еще в момент появления в отделе я оказалась самой молодой, поэтому ко мне сразу отнеслись с какой-то особой заботой и уважением.

Уже в первый день, неожиданно ощутив на себе взгляд, я осторожно подняла глаза... На меня смотрел молодой мужчина. Его рабочее место находилось около окна, слегка прикрытого занавеской, а мое определили в самом центре комнаты, поэтому я оказалась в лучах зимнего, ласкающего теплом солнышка, игриво светившего в окна нашего, как теперь говорят, офиса.

Меня поразил его взгляд! Это были огромные, широко открытые глаза. Он не смутился, когда наши взгляды встретились, а улыбнулся с нежностью, как будто встретил кого-то родного. Я, конечно, в ответ улыбнулась, потому что неожиданно для себя каким-то шестым чувством угадала в нем близкого, а потом и очень дорогого мне человека!

Только закончился сериал «Ольга Сергеевна», в котором

играла его любимая актриса, Татьяна Доронина. Он был несказанно рад встрече именно с Ольгой Сергеевной, которой теперь была я...

Так началась наша очень теплая и нежная дружба... Почему дружба? Да потому, что между нами было непреодолимое препятствие: и у меня, и у него была семья, и каждый из нас очень любил своих детей...

Коллектив, в который я пришла, был достаточно взрослым, работавшим много лет над расчетами надежности космических летательных аппаратов. И все задалось целью опекать меня, хотя к моменту моего появления в отделе я была уже полностью сформировавшимся человеком и специалистом.

Мне 1 марта исполнилось 28 лет, но в силу генетической особенности женщин нашей семьи до 18 лет все быстро взрослели, а после 18 уже трудно было понять, сколько нам лет... Поэтому все воспринимали меня молоденькой девушкой. А я уже окончила Московский авиационный Институт, и подрастали мои замечательные детки: Алешенька и Светочка.

Я всегда была очень веселой, активной, зажигалочкой-хохотушкой! Но теперь рядом с легкостью поселилась печаль от неожиданно нахлынувшего прекрасного чувства и невозможности зарождающегося счастья...

Конечно, мы разговаривали о будущем, но об очень далеком, через 100 лет, когда встретимся уже на небесах! И сами себя в этом убеждали каждый день...

Славочка каждое утро приносил мне во внутреннем кармане пиджака розочку. Это было так мило и очаровательно... Мы, как дети, окунулись в сказку! Он даже изобрел специальный цифровой шифр, которым мы писали друг другу письма...

Но в сентябре не стало моего папы, и начальник нашей группы поручил Славочке помочь мне оформить все, что необходимо. Это еще больше нас сблизило духовно. Он оказался очень похожим на моего папу, красивого, умного, которого любили и уважали все, кто его знал.

С этого момента, что бы я ни делала дома, мне все время чудилось, что любимый смотрит на меня, поэтому я делала все с особой аккуратностью и тщательностью. А потом оказывалось, что он приезжал к нашему дому, потому что не было сил справиться с желанием меня увидеть.

Тогда, если помните, не было этих злосчастных игрушек – мобильников, в которых теперь все «зависают» за столом, на работе, даже за рулем. Позвонить друг другу можно было только по телефону-автомату с улицы. Но мы не рисковали, чтобы никого не тревожить...

Он жил в «Свиблово», а я в «Отрадном», но мы оба, не договариваясь, приезжали на угол Полярной улицы в одно и то же время! Причем он приезжал с цветами (?!)... Объяснить это было невозможно... Тогда-то мы и поняли, что наши чувства очень сильны! Повторялось это неоднократно без предварительных звонков!

Каждый рабочий день начинался с его теплого приветствия: «Доброе утро, Оленька. Как здоровье?». Оно превращалось в совершенно необходимый ритуал, без которого новый день не мог начаться.

Мне все время хотелось, чтобы он был рядом и смотрел на меня вечером так, как каждый день на работе. У него были необыкновенные, бездонные глаза и золотые, как у папы, руки! Он часто приезжал под мои окна. Мы уже не могли жить друг без друга! Поэтому однажды даже ре-

шили расстаться, понимая, что ничего изменить нельзя...

Но Господь не позволил нам совершить эту тяжелейшую ошибку! Нашей решимости хватило только на один вечер, который нам обоим показался адом... Похоже, мы оказались двумя половинками одного целого, всепоглощающего чувства любви, и бороться с ним было преступлением!... Мы с каждым годом все больше прорастали друг в друга и, наконец, поняли, что это судьба! Но ждали мы наше счастье со дня первой встречи еще долгих 8 лет... А через 26 лет, утром Славочка обнял меня и сказал: «Оленька, я подумал и решил, что нам надо повенчаться». 28 августа 2011 года мы стали мужем и женой и на небесах!

И, когда я впервые услышала песню «Осенняя роса», мне показалось, что слова этой песни про нас и про нашу любовь! Поэтому в проигрыше перед первым куплетом я вставила краткую историю о самом первом дне нашей БОЛЬШОЙ ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕЙ И ВСЕПРОЩАЮЩЕЙ ЛЮБВИ:

«Ты помнишь самый первый день, когда в твою жизнь в январе вдруг ворвалась весна в тонкой легкой блузке, мини-юбочке и осталась в твоей жизни навсегда!

Я каждый день благодарю Судьбу за прекрасный подарок, твою Любовь и Верность. Мы пронесли их через 43 года, НЕ ПОТЕРЯВ НИ ОДНОГО МГНОВЕНИЯ!»

...Сейчас, когда моего любимого со мной уже нет, он живет в моей душе и в моем сердце! И я благодарна Господу за то, что мы встретились и узнали, что такое НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ!

Любили Вы когда-нибудь до боли,
Когда Вас нет, а есть лишь только Он?!
Когда есть только Он: ни сна, ни воли...
И, главное, любимый в Вас влюблен!

.....

По телу нег сладостная льется,
И нет на свете больше никого...
И только сердце птицей счастья бьется:
Я МИМО НЕ ПРОШЛА! Я ВСТРЕТИЛА ЕГО!

Олег Иванович Бескоровайный, 75 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТУШИНО

Я не ставил цели ее найти... Кто-то может ставит себе определенные ориентиры на этот счет, а мне было все равно, до тех пор пока не случилось. Это правда. Как сейчас помню, начало сентября. Я шел от Красной Площади до Большого Москворецкого моста, откуда открывается великолепный вид на Москву-реку. В Москве уже не так жарко, но прохлады не ощущается, в это время стоят солнечные ясные деньки. Мои планы на жизнь были не понятны никому, даже мне. Мои родители были в беспокойстве. Хотя волноваться было не о чем, я учился, по ночам не шатался, вкус алкоголя мне был всегда противен, даже иногда подрабатывал. Но особого значения в жизни не видел, не понимал ее смысл.

Я всегда смотрю на глаза человека: разглядываю их, изучаю, ориентируюсь на них при знакомстве. По ним видно все: усталость, боль, радость, некоторый круг интересов человека. И я редко ошибаюсь. Но в этот раз все было по-другому. Кто-то сверху распорядился так, что я увидел ее совершенно случайно. По ее глазам я быстро понял, чего она стоит. Я отчаянно пытался убежать, не верить, не думать о ней. Пытаясь убедить себя, что это сон, несущий по итогу страдания. Я рисковал сделать свою жизнь мертвой, как хорошо, что я оказался слаб, и познал духовность другого человека.

Вдохновленный и ободренный, я получил то, чего мне так не хватало, свой смысл жизни. Я обрел те самые глаза, в которые можно смотреть вечно.

Вот уже 53 года я смотрю в них. Каждый день я просыпаюсь с благодарностью к судьбе.

Мне бы очень хотелось, чтобы каждый мужчина сумел познать это, обзавестись хозяйкой невероятных глаз. И пускай кто-нибудь посчитает, что я не прав, но любовь на долгие годы, это – единственное, что у меня осталось.

Спасибо за встречу с ней, Москва!

Ирина Васильевна и Альберт Анатольевич Зуевы

ПОБЕДИТЕЛИ НОМИНАЦИИ
ЛЮБЛИНО

Ирина Васильевна и Альберт Анатольевич познакомились около тридцати лет назад. Кажется, что это было так давно, а в то же время так недавно. Они встретились в Болгарии, на берегу Черного моря, где под лучами теплого солнца и брызгами соленых волн и начался их бурный роман. Ирина Васильевна и Альберт Анатольевич ярко демонстрируют тот неоспоримый факт, что если людям суждено встретиться, то их маршруты обязательно пересекутся, причем это может случиться именно там, где этого никак не ожидаешь. Живя в северном Архангельске в соседних домах, они ни разу не встретились, а в Болгарии, получая путевку абсолютно в разных организациях, живя в разных гостиницах и даже отдыхая на разных пляжах, сумели найти друг друга.

Альберт Анатольевич всю жизнь проработал в торговом флоте, бороздил моря и океаны, побывал в Америке, Азии, Африке. Ему точно есть, что вспомнить, и есть, о чем рассказать. А любимая жена, Ирина Васильевна, ждала его, считая каждый день до возвращения любимого из далеких странствий. Когда у Альберта Анатольевича, наконец, случался отпуск, каждую минуту они проводили вместе, выбираясь всей семьей на природу или в кино.

Шли годы, дети выросли, появились внуки, время летело стремительно, с каждым днем безжалостно ускоряя свой темп. Выйдя на пенсию, Зуевы никак не могли занять вдруг появившееся большое количество свободного времени, не понимая, чем его можно заполнить, кроме работы. Дети жили в далекой Москве, приезжали редко, а сходить в Архангельске им было особо некуда. Все спектакли были пересмотрены, тропы исхожены, а любимые советские кинофильмы давно ушли с экранов кинотеатров. Семейно было принято единственно верное решение – надо перебраться в столицу.

Везде и всюду Ирина Васильевна и Альберт Анатольевич всегда ходят вдвоем. Они также не расстаются ни на минуту, тепло вспоминая годы в Архангельске у Белого моря и радуясь тому, что переехали в уже ставшей родной Москву.

Москва зеленая

Наталья Федоровна Колобанова, 61 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТАГАНСКИЙ

*Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!..
М. Цветаева*

Мы с Сонечкой идем по аллее Екатерининского парка и говорим о Марине Цветаевой. Сонечка – это моя внучка. Заканчивается лето, уже середина августа, я приехала с дачи на несколько дней, и у нас с Сонечкой свидание.

Мы огибаем по дорожке парка здание культурно-досугового центра Вооруженных Сил РФ – бывший Екатерининский институт благородных девиц, основанный в 1802 году по инициативе императрицы Марии Федоровны, матери Александра I. Это великолепное здание в стиле позднего классицизма дошло до нас таким, каким его реконструировал архитектор Доменико Джиральди после пожара Москвы во время Отечественной войны 1812 года. Этот дворец и парк вокруг него – бывшая загородная усадьба графа Салтыкова.

О, сколько сегодня интересного могли бы рассказать о тех, то бывал здесь, эти двухсотлетние липы и дубы... А в парке сохранилась и трехсотлетняя ива! И о Екатерине II, которая со своим фаворитом, одним из графов Салтыковых, любила на берегу пруда в роскошной ротонде испить чаю с лимоном из здешней оранжереи. И о императрице Марии Федоровне, неоднократно посещавшей свое детище, заботясь об институтках. И можно представить, как по этим же аллеям парка стайками гуля-

ли воспитанницы, которым предписаны были прогулки на свежем воздухе. И Марина Цветаева, возможно, гуляла в этом парке, когда вместе со своей сестрой Анастасией и мамой приезжала навестить свою старшую единокровную сестру Леру, воспитанницу Московского училища ордена св. Екатерины.

В своих «Воспоминаниях» Анастасия Цветаева напишет: «Я помню миг перехода Староекатерининской площади и приближения к желтому с белым старого Екатерининского института. Помню высокий зал, что-то золотое и белое, портреты в рост в золоченых рамах, лес девушек в таких же платьях и пелеринах, как Лера».

Этот великолепный зал с отличной акустикой, потолок со сводами и парадную лестницу помню и я, когда в 90-е годы здесь традиционно проходили отчетные концерты Детской музыкальной школы имени Ю.А. Шапорина, где учился мой старший сын.

Любуясь великолепной клумбой роз, обрамленной хостами, мы с Соней говорим о быстротечности времени и

о переплетении судеб, о поэзии Марины Цветаевой, об отражении в ее стихах гармонии природы с миром человеческих чувств. Рыжее солнце пробивается сквозь пышные кроны деревьев, легкий ветерок нежно доносит до нас его тепло, оставляя мелкую рябь на зеркальной глади пруда. Август, лето прощается с нами...

...Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных –
Август! – Месяц
Ливней звездных!
М. Цветаева

Сонечке только что исполнился 21 год, и соприкосновение пейзажной и любовной лирики в поэзии Марины Цветаевой ей особенно близко.

А я вспоминаю, как впервые в этот старинный парк (тогда он назывался Парк ЦДСА), меня привел мой жених, Сонечкин дедушка. Цвела сирень, так же плавали утки в пруду, так же мы ели мороженое, и я с интересом слушала рассказ и об усадь-

бе Салтыковых, и о деревне Сущево, и о речке Непрудной, и о церкви Иоанна Воина...

Мой будущий муж – москвич в десятом поколении, он гордится своими предками, он обожает Москву! И эта любовь к СВОЕЙ Москве, к ее истории, настолько была захватывающей и восторженной, что естественным образом передалась и мне. И я окунулась в эту московскую жизнь безоглядно. Я стала москвичкой!

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный,
Мы все к тебе придем.

***** *****
....

А вот за тою дверцей,
Куда народ валит,
Там Иверское сердце,
Червоное, горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля,
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

М. Цветаева

Живя в коммунальной квартире на проспекте Мира, мы каждые выходные спешили со старшим сыном в парк. «Пойдем в ЦДСА!» – теребил меня мой первенец, и мы в

любое время года шли сюда. Зимой катались на лыжах по лыжне, проложенной по границе парка, или на коньках по расчищенному от снега пруду, любовались летом на танцующие пары в бальных платьях и фраках под звуки духового оркестра. Ах, бальные танцы! Это было так здорово и так ново для меня! Со всех уголков Москвы приезжали сюда потанцевать вальсы, танго, фокстроты, ча-ча-ча... Немногие умели, больше стояли за оградкой, любовались! Были и концерты на летней эстраде, совсем как в фильме «Покровские ворота».

Катались в лодках, на катамаранах, в Екатерининской ротонде играли в шахматы. А как любили здесь отмечать День Победы! Поздравляли ветеранов, ели солдатскую кашу, слушали концертную программу, играли в тематические игры! А вечером бежали к Олимпийскому комплексу, устраивались на площадке повыше, и... он! Салют! В парке еще с утра устанавливали пушки, и вот уже разноцветные звезды салюта летят высоко в темном небе прямо навстречу тебе, и, захлебываясь от восторга, из груди вырывается громогласное «Ура!»

Каждый день лета 1994 года мы с младшим сыном приезжали в парк на целый день, спасаясь от раскаленного солнцем асфальта в тенистой прохладе старых деревьев. Брали с собой плед, игрушки, еду. По дорожкам этого парка мой младшенький учился делать свои первые шаги...

Помню 1998 год, когда деревья парка очень сильно пострадали от урагана, пронесшегося над Москвой в ночь с 21 по 22 июня. Парк долго реставрировали, и теперь он красив, как никогда! Вы видели красные каштаны? Они есть у нас в парке! И аллеи сакуры, и сирени, и жасмина! И теннисные корты, и тренажерные площадки, и футбольное поле!

А какой искусственный ручей, выложенный декоративными камнями с причудливыми мостиками! Какой чудесный детский уголок с горками, качелями, песочницей! И какие затененные уголки с удобными скамейками, где можно почитать и помечтать!

В 2000 году родилась Соня, внученька, и мы часто привозили ее сюда в коляске, а потом уже она сама бегала по дорожкам парка, играя в салочки с голубями.

В 2003 году нашу коммунальную квартиру расселили, и мы разъехались в отдельные квартиры по разным районам Москвы. Моя семья сейчас живет в замечательном Таганском районе, но я свой парк не забываю, ведь с ним связана вся моя жизнь.

И с кем бы я здесь ни гуляла – одна ли или в компании, зимой или летом – душевное беспокойство и тревожные мысли отступают, и ты окунаешься в атмосферу покоя и умиротворения.

...Вечереет, но мы с внучкой не торопимся уходить – рассуждаем о нелегкой судьбе поэта, москвички и просто женщины Марины Цветаевой. Вдруг осознаем, что в нас, таких разных, есть то общее, идущее через поколения, которое выражается в любви к нашей Москве.

...В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью...
М. Цветаева

Наш старый парк потихоньку умолкает, птицы устали щебетать, и мы с Сонечкой договариваемся прийти сюда в конце сентября – пошуршать листьями...

Людмила Петровна Белоусова, 89 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
СОКОЛЬНИКИ

Здесь забываешь о суете
И можешь думать о самом важном
О чем-то чудном и прекрасном!
Давным-давно бывали здесь с мольбертом
Саврасов, Шишкин, Левитан, Чайковский посещал,
Шляпин пел, да кто здесь только не бывал?!
Прокофьев первый свой концерт фортепианный
здесь сочинял.
Деревья старые здесь ловят солнышка лучи
ажурностью своих ветвей,
Весной выводит трели соловей!
Смешные трясогузки прыгают по лучевым дорожкам,
Что лучиками разбегаются от центра парка.
Здесь хорошо и воздух свежий, а летом здесь не жарко.
В минутах двадцати и Кремль, и площадь Красная
Метро доставит вас туда удобное, прекрасное!
Здесь тишина и клумбы, озера чистые, фонтан
Все здесь понравилось бы вам!
Здесь и скульптуры разные в тени сиреневого сада
Большой розарий, Кленовая, Березовая –
Две аллеи с кормушками для белок и для птиц.
Качели здесь, аттракционы, наш иммельман любимый,
скамейки для влюбленных пар.
Мы днями в парке пропадали, не глядя там на летний жар.
А выставки какие здесь бывают –
весь круглый год народ идет!
Здесь вкусное мороженое и разные вкусняшки продают
Сюда артисты московских театров приезжают
И в летних павильонах пьесы, постановки нам дают.
Мы бегали туда, смотрели, особенно любили оперетту,
Прекрасно летние каникулы мы проводили

Познав здесь многое, о как мы парк любили!
Здесь и американская большая выставка была,
Тогда мы дни все проводили в павильонах парка
И пепси-колу, кока-колу пили мы не раз!
А наши встречи с американскими спортсменами –
вот это был бы целый интересный мой рассказ!
Тогда училась в институте или закончила уже
Не помню, время быстро пролетает,
И в мыслях все прошедшее так быстро тает,
И остаются лишь обрывки и картин, и фраз...
Не получился мой рассказ.
Но ежедневно бегали мы в парк,
чтоб многое увидеть и познать,
Чтобы свою любовь и время Сокольникам
и парку нашему отдать!
О парк любимый, как здесь спокойно, вольно дышится,
А вечерами духовой оркестр слышится
И на эстраде или у ротонды собирается народ
Танцуют пары, ну и мы, конечно!
Здесь для любителей-читателей библиотека,
Для игроков и шахматные столики повсюду,
И жизнь в Сокольниках я никогда не забуду!
Зимой на всех дорожках каток здесь заливают,
Под музыку, которая из репродукторов несется
Народ катается, порою легкий сыплется снежок,
Иль с неба голубого луч солнца льется,

Играет детвора в снежки и бабы снежные повсюду.
А в центре парка и на пролесках
Несется люд по кругу.
И есть зимою здесь огромная гора.
И взрослые и дети катаются в ледянках и на санках.
Ну, в общем, в нашем парке и развлечения и отдых,
И летом, и зимой, когда гуляешь здесь,
не хочется домой
А в павильонах еще вкусные сосиски,
их подают с горошком сладким,
Их с удовольствием поешь после катка.
Усталости, как не бывало, и жизнь опять и хороша,
да и легка!
И эту благодарность Сокольников, родного парка,
И счастье, радость для души.
Где б ни была я не забуду!
Здесь жизни моей часть прошла,
ее я вечно помнить буду!
Куда бы ни уехала и где б я не была!
Любовь к Сокольникам, к родному парку,
Во мне всегда жива! Со мной всегда!
Такие вот дела!

Наталья Семеновна Тупикова, 66 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НЕКРАСОВКА

С Некрасовкой я познакомилась в год моего рождения – осенью 1955-го. Тогда она еще не была частью Москвы. С тех пор мы с ней неразлучны.

Здесь среди сосен и берез прошло мое детство. Я помню район, когда он назывался Подмосковный поселок. В нем была всего одна улица, мощенная булыжником, а дома были деревянные, но с водопроводом, канализацией и электричеством. Обогревались жилые помещения печкой, которая топилась углем и дровами. А разогревали еду на керосинке и примусе.

Развитие инфраструктуры Некрасовки началось с 1915 года. Дома строились для работников жизненно важного для Москвы объекта – сооружений для очистки сточных вод. С ростом мощности предприятия по очистке сточных вод увеличивалось количество жителей, и в поселке появились стадион, клуб, получивший название им. Ильича, баня, школа.

В состав города Москвы Некрасовка вошла в 1962 году. Вместо старых деревянных домов построили новые 5-этажные из белого кирпича. По всему поселку высадили кусты сирени. В память жителей поселка, ушедших защищать страну в Великую Отечественную войну и не вернувшихся домой, был установлен памятник в центре поселка.

Помню с детства, что после работы взрослые во дворе дома играли в волейбол, городки. В каждом дворе стоял стол, вечерами мужчины играли в домино, а в праздники на нем появлялось угощение для всех. Накрывали стол в складчину. Пьяных не было. Из алкоголя была одна бутылка на всех.

Как лакомство вспоминается белый хлеб с маслом, посыпанный сахарным песком. Мы любили кусковой сахар

и черный хлеб, политый растительным маслом и присыпанный солью. Любимая игра мальчишек зимой – хоккей с мячом. Все оборудование готовили сами: коньки (гаги) точили сами, клюшки гнули и обматывали их тряпками.

Дружно работали, весело отдыхали, ходили друг к другу в гости. Вспоминается карточная система на продукты, которую отменили в 1947 году. Именно поэтому в гости ходили со своим сахаром. В дни праздников гуляли всем двором. Велосипед был один на весь двор – катались дети по очереди. Девочки учились кататься под рамой большого мужского велосипеда, просовывали ногу, чтобы достать до педалей.

Маленькие девчонки любили играть в «секретки» – из лепестков цветов составляли разные узоры, закрывали стеклышком, а потом присыпали землей. Чтобы посмотреть секретки друг друга, нужно было найти это место и убрать землю. Хлыстово от Некрасовки, где находилась администрация поселка, отделял густой лес. Во время войны в лесу стояла войсковая часть. До сих пор можно найти в лесу места, где стояли зенитки в виде небольших углублений. Некрасовка 60-х годов – это чистые улицы, побеленные деревья, новые дома. У клуба, школы, конторы, амбулатории и других зданий разбивали клумбы, сажали цветы. У всех домов были палисадники с красивыми цветами – георгинами, мальвами, астрами и др. Кусты белой акации, пахнущей медом, аллеи сирени, шеренги лип с невообразимым ароматом вдоль улицы, зеленые газоны, которые косили не более трех раз за лето.

И кто бы не приезжал в наш поселок – каждый был очарован естественным сочетанием природы и города. Никто не оставался равнодушным. Особенно он был хорош накануне Пасхи и в майские праздники, когда блистал чистотой после наведенного во время субботника порядка, окрашенными стволами деревьев и бордюров. Зелень была свежа, по улицам шли соседи со своими гостями, а при встрече знакомых все приветствовали и поздравляли друг друга. И было слышно в округе: «Христос воскрес!».

А в ответ: «Воистину Воскресе!» – и обязательно троекратно, по-праздничному целовались, обмениваясь крашеными яйцами.

А еще в праздники наши жители гуляли компаниями по тротуарам вдоль ул. 1-я Вольская и пели песни. Кто-то подыгрывал на мандолине, кто на баяне, а в основном просто пели.

Сюда в пропитанную запахом сирени милую Некрасовку переехал из центра столицы мой муж, здесь живут мои дети и внуки. Мы все любим наш район.

Лариса Викторовна Шатунова, 66 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
МАРЬИНО

Мои воспоминания... Мое детство... Моя Москва... Сейчас я живу в прекрасном районе, в Марьино. Большой, удобный, с множеством парков и набережной Москвы-реки, этот район мне очень мил и своими просторами напоминает о детстве в деревне Чертаново... Именно о ней, о деревне Чертаново, ныне крупном экологически чистом районе Москвы, я хочу написать для участия в конкурсе «В памяти моей Москва».

Жила наша семья в совхозе «Красный Маяк» – живописном месте, располагавшемся на территории бывших трех усадеб – Красное, Бирюлево и Ясенево. Вокруг было много деревьев, по которым я, конечно же, периодически лазила вместе с друзьями, пруды и бескрайние, как мне тогда казалось, совхозные фруктовые сады. За забором дежурил сторож с ружьем, но мы проникали в какие-то щелочки и таскали яблоки и медовые на вкус груши. Сады примыкали прямо к лесу, создавая огромный зеленый массив. А в широких липовых аллеях бывших усадеб мы катались на лыжах. Воздух вокруг был вкусный и свежий, а мест для гуляния и игр предостаточно. Мы часто заигрывались и приходили домой позже положенного времени, за что нам доставалось от родителей. А кто не шалил в детстве?

Из-за близости леса к жилым домам иногда подходили дикие животные. Однажды лось большой, красивый, с рогами лопатой, загнал соседа на ближайший столб. Взрослый дядька сам потом удивлялся, каким ловким оказался от неожиданности. Лось, видно, был в хорошем расположении духа, не стал преследовать бедного соседа, а спокойно удалился обратно в лес. Вот так мы и жили, бок о бок с природой!

Обширные поля, принадлежащие опытному экспериментальному совхозу «Красный Маяк», засаживались разными культурами – овсом, рожью, люпином и другими. Растения были высокими и сильными, на узенькой тропинке к станции, казалось, что идешь по светлому лесу. Это очень красиво: высокое синее небо, прогретая солнцем земля и звонкий шелест спелых колосьев.

Школа находилась в деревне Чертаново, с третьего класса я добиралась туда либо пешком 5 километров, либо на автобусе, который ходил нечасто. «Двойка» – так все называли автобусный маршрут № 2 от совхоза Красный Маяк до Павелецкого вокзала. Это был маршрут в иную Москву – через деревню Чертаново, ж/д станцию Коломенское (там была наша детская поликлиника), Варшавские бани (других у нас не было), район Даниловского рынка (ближайший большой универмаг). О метро мы тогда и не мечтали, ближайшей станцией метро была «Автозаводская», от нее к нам автобус не ходил...

Если у Павелецкого вокзала с «Двойки» пересесть на трамвай «Аннушка», то еще несколько остановок – и я у бабушки, на Котельнической набережной рядом с фантастической высоткой, где кинотеатр и булочная с вкусностями. Взрослые не знали, что мы катались в высотке на лифтах, звонили в огромные красивые двери и спрашивали макулатуру, затем переходили широкую дорогу, чтобы ее сдать, а полученный доход потратить или в кинотеатре «Знамя» (сейчас «Иллюзион»), или в булочной. Или, что совсем смело, в недалеком «Детском мире».

В школе мы делили друг друга по территориальному признаку: на «Маяковских», «Чертановских» и «Станционных». После уроков стайками расходились в своих направлениях. Вместе дорога в радость, особенно в хорошую погоду – можно насладиться видами вокруг, да и сил и энергии тогда было хоть отбавляй!

На автобусе мы тоже катались – вместе с родителями ездили в Москву, где мама с папой покупали нужные вещи и продукты. Фраза «Поехали в Москву!» всегда радовала предвкушением ярких впечатлений. И даже когда Чертаново стало новым со-

временным районом с улицей «Красного Маяка», мы так и продолжали привычно говорить: «А поехали в Москву!».

В 8-ом классе я училась уже в новой школе, старую деревенскую расформировали. В новостройке появились широкие красивые улицы, запустили трамвай. Я могу похвастаться, что район Чертаново строился на моих глазах! Было невероятно интересно наблюдать за всеми изменениями, которые стремительно происходили вокруг.

Мы выросли, заканчивали школу, открывали для себя новые пути и дороги. Так мы вместе и выросли – я стала взрослой девушкой, а наша деревня – частью красавицы-Москвы, большим и уютным районом. 20 лет назад нас развела судьба, я переехала в район Марьино, а Чертаново осталось жить своей жизнью. Иногда я туда приезжаю и с удовольствием вспоминаю, как мы вместе с классом окапывали яблони в садах, как зимой катались на больших санях по длинному спуску центральной улицы деревни Красное, как я ходила в школу каждый день туда и обратно по 5 километров, каким вкусным было «московское» мороженое...

Спасибо тебе, Чертаново, за счастливые воспоминания!

Спасибо тебе, Марьино, за новые прекрасные
впечатления!

Я люблю тебя, моя Москва!

А Марьино вдохновило меня на такие строки:

Московская окраина с названьем милым «Марьино»:

Здесь улицы широкие с лучами фонарей,
И парками тенистыми тропинки выются чистые,
И мамочки в колясочках качают малышей.

Собравшись стайкой, школьницы хохочут у околицы,

А бабушки с внучатами степенны и важны,
Галдят мальчишки дерзкие, гуляют псы соседские –
Обычная столичная окраина страны.

Москва-река затонами манит сердца влюбленные,
Речной трамвайчик с пристанью целуется тайком,
Московская окраина с названьем милым Марьино –
Спортивный, современнейший, красивый наш район!

Здесь много интересного, активного, полезного,
Усадьбы, парки, садики и храмов купола,
Для жителя, кто с жаждою живет минутой каждой,
Для будущего в Марьино отыщутся дела!

Борис Алексеевич Корзин, 80 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
КУЗЬМИНКИ

МОСКВА, СОКОЛЬНИКИ

Большая птица стремительно набрала высоту и камнем ринулась вниз. Там среди травы мечется почуявший опасность маленький зверек. Еще мгновение, и когти пронзят его тело, а мощный клюв нанесет разительный удар. Но на этот раз Ширяй, любимый сокол царя, не рассчитал и остался лежать на земле, широко раскинув раздробленные крылья. Высочайшим царским указом это место было названо Ширяевым полем. И до наших дней донесли память об этом в своих названиях Ширяевские улицы в Сокольниках.

Давно застроено поле. Нет обширных лесов, в дебрях которых охотился еще Иван Грозный. В XVIII веке оставались лишь Сокольничья, Оленья и Алексеевская рощи. Никто не выезжал уже в эти места на охоту. Но приходили сюда и в радости, и в горе. В праздники музыкой и весельем разливалось меж деревьев гулянье. А в грозный 1812 год укрывались здесь москвичи от захвативших Москву французов. Потом, когда прогнали непрошенных гостей, и люди стали возвращаться в свой город, почти все деревья были вырублены для восстановления столицы после Великого пожара.

Но вновь разрослись рощи. И в 1840 году одна из них, Сокольничья, была распланирована просеками-лучами. Теперь сюда выезжала на прогулки московская знать. А в честь коронации царей устраивались здесь грандиозные празднества.

Лишь через много лет Сокольники стали опять доступны всем желающим, когда это место сделали городским парком. Москвичи полюбили его. Многие проводили в нем почти

все свободное время. И одна из первых линий московской конки была проведена именно сюда. Парк рос. Теперь это была уже не просто роща. На открытых эстрадах играла музыка, давались концерты. Иногда ставились даже целые оперы.

Но не только для развлечения служили тенистые, уходящие в лесной массив аллеи. Нередко рабочие московских заводов и фабрик съезжались сюда на маевки и нелегальные собрания. В 1905 году, когда политическая атмосфера была особенно накалена, на грандиозную маевку собралось более десяти тысяч человек. А в 1917 году на аллеях парка и окрестных улицах выросли баррикады.

Прошли годы. Сейчас в Москве только в пределах МКАД более 130 больших и малых парков. Но парк в Сокольника остается и теперь одним из самых любимых мест отдыха москвичей. Его площадь более пяти квадратных километров. Никогда не истощаются очереди у десятков аттракционов. Здесь проложено одиннадцать километров велосипедных дорожек. А в зимнее время заливаются льдом более двадцати тысяч квадратных метров дорог. Те, кто приходит в парк на целый день могут пообедать в многочисленных кафе и ресторанах. Воспользоваться услугами библиотеки-читальни, многочисленных лекториев или сосредоточится за шахматной доской. Эстрады и сцены предоставляются артистам самых различных жанров. Проффессионалам и участникам самодеятельности.

В парке большое количество спортивных сооружений. Никогда не пустуют десятки столов для настольного тенниса. Городошные площадки собирают не только игроков, но и массу болельщиков. Любители верховой езды всегда желанные гости в конно-спортивном клубе. На искусственном катке круглый год тренируются спортсмены, а для любителей фигурного катания на коньках устраиваются вечера танцев на льду. Не осталось в стороне и Ширяево поле. Здесь располагается база Спартак – одного из крупнейших спортивных клубов Москвы. И здесь же 30 октября 1936 года, после матча с ЦДКА, Спартак впервые стал чемпионом СССР.

Уже долгие годы Сокольники являются одним из крупнейших выставочных центров столицы. Недалеко от того места, где почти четыреста лет назад раскидывали свои шатры иноземцы, вырос целый выставочный городок. Не для увеселения, как в стародавние времена, приезжают сюда с разных концов света, а для того, чтобы познакомить россиян с достижениями науки и техники своих стран, культурой своих народов.

Еще в начале прошлого века исчезла с московских улиц конка, уступив место трамваям. Сегодня к Сокольникам подходят несколько трамвайных линий. Автобусные и троллейбусные маршруты устремляются сюда со всех сторон. Этот район давно перестал быть окраиной. Первая линия московского метро когда-то заканчивалась здесь. Теперь подземные экспрессы, сделав лишь короткую остановку, отправляются дальше, как бы стремясь догнать раздвинувшиеся границы города.

Более ста лет назад Сокольничье поле было распланировано на кварталы с двенадцатью Сокольничьими улицами, которые прежде были застроены деревянными домишками и мелкими торговыми лавками. В ходе реализации грандиозных планов реконструкции столицы, они давно уступили место тридцатиэтажным исполинам.

Растет и благоустраивается Москва. Растут и благоустраиваются Сокольники.

Ольга Борисовна Ставрова, 68 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТАГАНСКИЙ

Я живу в Лефортово почти всю жизнь. О славной истории старого московского района Лефортово напоминает не только Екатерининский дворец. В его строительстве участвовали известные зодчие – Антонио Ринальди, Карл Бланк, Джакомо Кваренги и др. Екатерининский дворец дошел до наших дней и является единственной сохранившейся в Москве императорской усадьбой. Живы все 16 величественных колонн из серого песчаника, которые образуют самую протяженную колоннаду коринфских колонн в Москве.

Об истории района Лефортово также напоминает сохранившийся Лефортовский парк, в котором можно увидеть грот Растрелли, плотину Венеры, беседку-ротонду с куполом, установленную на любимом месте отдыха Петра I. Здесь же находятся канал и 7 прудов.

Для нашей семьи этот парк выполняет роль приусадебного, так как наш дом находится совсем рядом. В парке в 60-х годах XX века мы с братом катались зимой на лыжах и с горок на дощечках. Одежда промокала насквозь. До сих пор помню запах высыхающего снега на одежде, развешанной на батареях.

А в теплое время мы с родителями катались на лодках, играли в бадминтон, гуляли, собирали гербарии.

В этом парке у меня было первое свидание, позже в нем я гуляла со своими сыновьями, вначале на колясках, потом мои малыши здесь учились ходить, став покрепче, катались на велосипедах, на лыжах, а потом стали брать уже меня с собой на утренние пробежки с купанием в местном пруду и даже нырянием в прорубь.

В этом парке у меня и у моих детей проходили школьные уроки физкультуры. Первая в жизни прогулка моей старшей внучки Алисы проходила в этом же парке.

Лидия Алексеевна Абрамова, 80 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
СЕВЕРНОЕ ИЗМАЙЛОВО

Мой дом

Я живу с девяти лет в разных местах Измайлово, и на моих глазах здесь многое что зарождалось, начиналось, строилось и развивалось. Об этом мне и хочется рассказать.

Мой первый дом, в который я переехала в третьем классе, строили военнопленные немцы, и я видела, как их уводили строем после рабочего дня. Наша комната в общей квартире была угловая, с двумя балконами. Я считала, что нам повезло. В 10-м классе я ставила раскладушку и спала там, укрывшись ковром, почти до зимы.

Дом мой находился на Заводском проезде, близко к лесу. Еще не было метро, и мы бегали в лес играть в мяч и другие игры.

Мои школы

Ближайшая школа, куда меня определили, — № 441 — находилась за трамвайной линией и была переполнена: я училась в третью смену и в 3-м «ж», а сестра моей одноклассницы — аж в 5-м «м». Вот сколько было детей, что не успевали строить школы! У нас было отдельное обучение и только в седьмом классе к нам «подселили» мальчиков. Приятная новость: мы стали изучать французский язык.

Помню мою первую награду: за хорошую учебу и общественную работу — мне дали билет на новогоднюю елку в Кремле. Пожалуй, мы с Витей Бакиным оказались самыми первыми из нашей школы счастливыми, кто там побывал.

А в восьмом классе нас перевели в только что построенную школу № 690 на 1-й Парковой, прямо напротив леса. Она там и сейчас, но под другим номером. Мою новую школу сдавали в спешке, и парты мы носили в классы сами. В моем классе, 8-м «в», было четыре мальчика, в 8-м «б» их не было вовсе, а в 8-м «а» — примерно поровну с девочками.

Объяснялось это просто: из прежней школы с французским языком, набралось два класса, в третий собрали «немцев» и «англичан».

Наш класс оказался самым сильным по успеваемости, думаю, за всю историю школы: пятеро моих одноклассников получили медали, четыре из которых — «золотые».

Измайловский лесопарк

Уроки физкультуры, если были не в зале, то на опушке леса: мы бегали, прыгали, метали и толкали, а зимой катались на лыжах. Заниматься на свежем воздухе — просто отлично!

Однажды привезли саженцы и сгрузили близ опушки, которая теперь стала могучим лесом, а тогда была опушкой с кустарником. Приехали и землеройные машины, которые копали канавы, а мы, определяли «на жительство» саженцы: засыпали землей, поливали водой и, воткнув рядом палку, привязывали к ней слабенький кустик. Наверное, еще и поэтому я так люблю наш Измайловский лесопарк, что когда-то с моими одноклассниками волею судеб «приложила к нему руку».

Сиреневый сад

Я закрываю глаза, произношу эти слова, и воздух наполняется нежнейшим ароматом, знакомым с детства. Неважно, что сейчас конец июля, а не середина мая — время цветения сирени, такого вроде бы незатейливого растения, которое встретишь почти в каждом палисаднике Москвы. А вот поди ж ты: наш российский селекционер Леонид Алексеевич Колесников, москвич, влюбленный в сирень, вывел почти триста ее сортов! Его уже с нами нет, а дело рук его продолжает приносить людям радость!

Я вхожу на территорию сада, где, конечно, растет не только сирень, но в мае, во время цветения, мы видим только ее, вдыхаем только ее аромат и благодарим природу и создателя этого сада за его подвиг верного служения однажды избранному делу.

Меня восхищает личность этого человека. Не обладающий академическими знаниями в деле, в которое ушел с головой, Колесников занялся самообразованием, постигая основы биологии и сельского хозяйства. Леонид Алексеевич чуть ли не в одиночку поднимал, защищал и даже стерег от расхищения свой сад, дело всей его многотрудной жизни.

Сегодня Сиреневый сад являет собой образец садово-паркового обустройства. Здесь любят гулять мамы с колясками, тренируются в беге студенты Института физкультуры, художники сидят здесь с этюдниками, ребятня собирается на спортивной площадке, по дорожкам ездят велосипедисты, не протолкнуться у любимого места сбора — у фонтана. Вслед за Маяковским повторяю, что «я знаю — саду цвести!»

Вера Юрьевна Лобова, 60 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НАГАТИНО-САДОВНИКИ

Куда стоит пойти в любом городе? В центр, конечно. В старый город. Туда, где мы яснее чувствуем его суть, душу, настроение и характер. У меня в городе несколько заветных районов. Один – там, где родилась и откуда переехала в раннем детстве. Где жили родители. Заповедные улочки творят сказку. Я слушаю музыку архитектуры, лепнины на фасаде зданий, внутренние стороны деревянных оштукатуренных домов с крохотными двориками. Там, где еще не все снесли и не заменили на «новодел». Вот дом, где в далекие годы снимался милый фильм. Вижу плакат на месте церкви и кладбище с могилой деда. Наш дом – коммуналка с деревянной лестницей и залатанной дырой, пробитой фугасной бомбой, давно снесен. А два мраморных шара в сквере, где со мной гуляла мама, стоят по-прежнему. Это мое самое раннее воспоминание о городе.

В том же районе, в двадцати минутах ходьбы, был «вдовый дом», где воспитывалась бабушка. Где точно он стоял, не скажу. Но голос, услышанный в детстве, как будто вновь повествует о чудесном огромном саде при доме. Женщине с двумя крохотными дочками не только не дали умереть с голоду, но и дали девочкам профессии, кормившие их всю жизнь. А там, где сейчас уже более полувека шумят городские кварталы, был пригород. И девочки ходили туда купаться. Одни. Пешком. Шли часа два.

Да и в том районе, где родителям дали квартиру, тоже были деревни. Я помню старообрядческих древних баб в черных платках, читавших старинное Писание. Кипучее море сирени. Узоры наличников, как будто сплетенные на коклюшках. И огромный вишневый сад, протянувшийся

на расстояние нескольких трамвайных остановок. Вишни уже не плодоносили, но при взгляде на кипенно-белое безбрежное море захватывало дух. Люди останавливались и подолгу смотрели на эту несказанную красоту. От бывшего чуда осталась лишь пара дряхлых деревьев в пришкольном саду.

Еще один район. Снизу вверх, на крутую горку. Район с полукриминальным прошлым и большим количеством доходных домов. Что заставило прабабушку с мужем поселиться именно здесь? Может быть, дешевизна жилья? Или близость почитаемого доныне монастыря? Бродя по этим улочкам, я представляю себе молоденькую прабабушку. Почему-то в изящных светлых шнурованных полусапожках на среднем каблучке. Прабабушку, как и ее обувь, я не видела никогда. Сохранилось лишь старинное фото. Зато мне известно, что дочери отводили ее под руки в метро во время бомбежек. И четко знали количество ступенек на неработающем эскалаторе. Пройдя ровно половину ступенек, они останавливались, чтобы дать отдых ногам матери. Я приходила к дому, где родилась бабушка. И к церкви в противоположном переулке, где ее крестили. Дом был затянут тканью: его реставрировали. А Рождественскую церковь снесли года за два до моего прихода.

Другой район. Тут жила семья деда, сына потомственного почетного гражданина. Его вдова с сыновьями. Остались фотографии, но потомков этих людей я не нашла. Сам район мне не нравится. Несколько лет назад здесь организовали пешеходную зону. Фонари поставили. И лишь одни пустые глазницы старинных домов глядели с упреком. Дома эти снесли, чтоб не глядели. И кому-то даже нравится здесь гулять. Но не мне.

Еще один район. Адрес: дом номер ... домик номер ... Именно так: домик во дворе большого дома. Именно по этому адресу доходили письма с фронта от молодых ребят – друзей мамы. Именно здесь она тушила зажигалки. И отсюда сбежала валить лес и строить оборонные укрепления. Ее вернули спустя какое-то время: маме было пятнадцать. Теперь под окнами большого дома шумит проспект. Торопятся изучать премудрости автодорожного дела студенты. А домика давно нет.

Изредка я прихожу в парк в моем районе. В парке вдоль и поперек излазаны все овраги и холмы, исследованы река и ручейки. Каждый уголок, любое строение – это детство, юность, зрелость, а вовсе никакое не Всемирное наследие! Хотя, конечно, и это. Для чужого.

Вот так я и брожу иногда по улицам моего города. И его дома, памятники и скверы говорят со мной на своем

языке. Не словами, а образами, запахами, поэзией древних стен, городских цветов, фонтанов, брусчатки. И каждый раз они раскрывают мне свои тайны. Наверное, главное – это почувствовать свой город. Дышать, удивляться, верить вместе с ним. Слиться с ним воедино. Иногда я беру ручонку младшего члена семьи и говорю: «Пойдем гулять по городу! Я буду тебе рассказывать, но немного. А ты просто смотри!» Я учу слушать свой город. И любить. Потому что он – наш.

Москва космическая

Ирина Евгеньевна Балашова, 75 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЮЖНОПОРТОВЫЙ

12 апреля 1961 года произошло великое для всей Земли событие: советский гражданин Юрий Гагарин стал первым человеком в мировой истории, совершившим полет в космос.

Мне было 15 лет, и я училась в школе в 8-м классе. Был обычный учебный день. После очередного урока мы вышли на перемену в коридор. Слышу какой-то шум. Многие из нас тогда увлекались фантастикой, и слова «космос» и «космонавт» были нам известны. А тут... Наш космонавт в космосе! Кто? Юрий Гагарин! Мы заволновались. Какая учеба?! Надо идти на Красную площадь! Но, как мы ни орал и буянили, учителя нас не пустили, а загнали снова в классы. Но какая учеба... Мыслями мы были там. Как потом узнали, молодежь пришла-таки на площадь и устроила неформальную манифестацию в честь первого космонавта. Наш простой русский парень был в космосе первым и сделал виток вокруг Земли.

Тогда была традиция: встречать значимых гостей на улицах следования кортежа машин. Для этого людей снимали с работы, на автобусах привозили и выставляли около заданных столбов.

Мы с мамой и братом решили пойти встречать Гагарина. Это было не так просто. Ввели ограничение, чтобы народ не устроил давку. Поэтому мы пошли на хитрость: отправились накануне к бабушке, которая жила на Ленинском проспекте, и переночевали у нее. А утром отправились на трассу.

Ждали долго, но вот появились первые машины – машины охраны, а потом правительственный ЗИЛ-111В с Юрием Гагариным и его супругой Валентиной. Машина была вся в цветах. За ним ехал целый кортеж машин. Мы бурно и радостно приветствовали Гагарина, а он нам махал рукой. Был такой

энтузиазм, люди кричали, пели, выражая свою искреннюю радость за свою Державу. Машина быстро приехала на Красную площадь. Там ее уже ждали. Начался митинг, который перерос в стихийную трехчасовую демонстрацию. Юрий Гагарин и представители советского государства приветствовали шествие людей с трибуны мавзолея В.И. Ленина. Позже в Кремле Леонид Брежнев вручил Юрию Гагарину «Золотую Звезду» Героя Советского Союза и ордена Ленина.

Москва

автомобильная

Ирина Михайловна Бараш, 62 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЧЕРТАНОВО СЕВЕРНОЕ

Мне 62 года, я родилась в Крыму, в семье бывших узников ГУЛАГа. Рассказы мамы о Москве и тоска по родным местам с детства взрастили в моем сердце любовь к этому городу. Поэтому на вопрос, куда поеду после окончания школы, был ответ: «В Москву». И почему-то было странное решение: устраиваться на работу, а не поступать учиться.

Окончив школу, я собрала чемодан и отправилась покорять столицу. Единственное место, о котором я знала, был ЗиЛ. Там работал сосед тети, он и дал адрес: улица Автозаводская, дом 17. Так, в марте 1977 года я устроилась на головное предприятие Завода имени Лихачева, в арматурный корпус слесарем-сборщиком. Меня поселили жить в общежитие на Бакинской улице, что в Ленино-Дачном, на юге Москвы.

ЗиЛ – это не просто завод, это город! 70 тысяч работников только на головном предприятии, да еще и 13 филиалов. Всего 100 тысяч граждан трудились на благо Родины. Не одно поколение сменилось на заводе. Династии литейщиков, сборщиков, водителей гордились тем, что принадлежат к касте зиловцев. Здесь выпускали грузовые авто, самосвалы, микроавтобусы «Юность», правительственные автомобили «ЗиЛ», холодильники и многое другое.

Территория так велика, что сотрудников от проходных доставляли в цеха на автобусах. Три маршрута постоянно курсировали по улицам этого «города в городе». Финальный этап работы над автомобилями – сборка, которая шла круглосуточно. Этой задаче посвящена деятельность десятков тысяч людей, занятых на предприятии и филиалах.

Разумеется, что сердце этого гиганта – автосборочный корпус, место, где автомобили приобретали готовность, откуда их выводили для испытаний. Каждый авто проверялся на проч-

ность на специальном полигоне. Чтобы машины попадали на поля страны, в армию, на стройки, заводы, нужно миллион операций, а это десятки цехов разных направлений от литейного до окрасочного, детали от микроскопического винтика до огромных мостов.

Завод заботился о людях: строили дома, благоустроенные общежития, пансионаты, больницы и поликлиники, санатории, детские сады и школы. Такое отношение давало возможность работникам жить в хороших условиях, качественно отдыхать, учиться в заводском институте ВТУЗ, заниматься спортом на стадионе «Торпедо».

Высокая зарплата, образование, путешествия, здравницы, экскурсии, полноценный отдых, качественная еда в столовых; театры и кино, поездки за границу и по стране – вот связующие успеха ЗиЛа. Мы гордились тем, что принадлежали к касте зиловцев!

Лидия Валентиновна Харитонова, 58 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
КУЗЬМИНКИ

В Москву я приехала 10 февраля 1981 года, как только мне исполнилось 18 лет. Тесть моего брата устроил меня на известный тогда во всем мире машиностроительный завод имени И.А. Лихачева, ЗиЛ. По лимиту, как это тогда называлось. Семен Филиппович сам много лет трудился заместителем механика на одном из цехов завода.

Меня сразу поразила и околдовала мощь этого огромного предприятия, выпускающего более 200 тысяч автомобилей в год, пользующихся большим спросом не только в нашей стране. На территории завода также размещался внушительных размеров корпус по выпуску первых в СССР отечественных холодильников марки «ЗИЛ».

Так как у меня было только среднее образование и никакого опыта работы, меня приняли на должность слесаря по ремонту и обслуживанию гидравлических смазочных систем. Как это звучало! А проще называлось «смазчица». В мои обязанности входило смазывать машинным маслом станки, работающие в цехе. Я со своей уже очень взрослой, предпенсионного возраста наставницей тетей Зиной ходила по утрам между рядами станков и, где требовалось, заливала масло в смазочные узлы станков из леек-масленок. Токари, фрезеровщики, шлифовщики, слесаря, мастера очень доброжелательно относились к молодой провинциальной девушке, поддерживали и подбадривали, кто добрым словом, кто советом, кто просто улыбкой. Ведь рабочий человек был тогда в почете и уважении!

Цех, в котором я работала, назывался Механосборочный цех № 6, сокращенно – МСЦ-6. Основным направлением его деятельности было изготовление, сборка и испытания представи-

тельских лимузинов для правительства СССР. Все делали практически вручную! Конечно же, я чувствовала огромную радость и гордость, что причастна к такому интересному и очень ответственному процессу!

ЗИЛ представлял собой город в городе, он занимал 275 Га московской земли и простирался от улицы Автозаводской до Тюфелевой рощи, занимая часть набережной Москвы-реки. Сейчас эта набережная носит название Марка Шагала. И работали здесь более 70 тысяч человек. По территории завода курсировали автобусы, развозя работников ЗИЛа от проходных до своих корпусов и цехов. По дорогам с лязгом и грохотом передвигались разного вида и калибра погрузчики, которыми управляли как мужчины, так и женщины, а смешные мини-грузовички (их называли Чебурашками) перевозили из цеха в цех, на сборку различные запчасти, моторы, металл и другие нужные детали для выпуска автомобилей и холодильников. Поначалу такое интенсивное движение меня изумляло и шокировало! Люди, машины, все куда-то спешат, бегут, летят, и работают, работают, работают... Работают, соблюдая высокие требования стандартов к изготовлению деталей и сборке изделий, выпускаемой продукции. Поэтому до сих пор еще в некоторых семьях служат неубиваемые холодильники марки «ЗИЛ», а в провинции трудятся грузовые автомобили «ЗИЛ-130», «ЗИЛ-131» и другие многочисленные марки, выпущенные на знаменитом орденоносном гиганте.

На заводе была активно развернута партийная (КПСС), комсомольская (ВЛКСМ) и профсоюзная деятельность. Конечно же, и я была вовлечена в эту работу. Меня избрали комсоргом одного из подразделений цеха. Я состояла в ревизионной комиссии ВЛКСМ завода. Занималась организацией художественной самодеятельности в цехе. Писала сценарии праздничных постановок и концертов. Выступала на сцене сама, пела под аккомпанемент гитариста, читала стихи. Проводились и праздничные вечера для молодежи с дискотеками. В цехе была такая должность – мастер-воспитатель, который интересовался жизнью молодого поколения, проводил беседы, наставлял и направлял молодежь на правильный путь. На заводе также уделялось большое внимание спорту,

физической подготовке. Работники сдавали нормы ГТО («готов к труду и обороне»), проводились спортивные мероприятия, зимние соревнования по лыжам, летние туристические слеты. В каждом цехе была своя спортивная команда. А еще был прекрасный, современный Дворец Культуры ЗИЛ. Он и сейчас существует. Вот туда я с удо-

вольствием бегала с подружками из общежития на концерты, танцы и дискотеки.

В этом же году я поступила учиться на вечернее отделение в Зиловский автомеханический техникум. Сейчас это технологический колледж, и обучают там уже совсем другим специальностям.

И в Москву я влюбилась сразу! Быстрый ритм городской жизни захватил меня, закружил в своем водовороте. Мне было интересно и весело! Работа на заводе и комсомольская деятельность, вечернее обучение и экскурсии по столице, дискотеки и концерты. И на все хватало времени и сил! Было желание делать что-то хорошее, доброе, значимое, изучать и поглощать все новое! Партия и комсомол вещали: мы идем к светлому будущему. И мы трудились, учились, стремительно шагали навстречу этому будущему!

Молодость! Самая лучшая пора в жизни человека. А самое главное, что случилось в это время со мной: я встретила здесь любовь всей моей жизни, будущего мужа. Молодой паренек пришел к нам в цех работать после окончания заводского ПТУ. Его определили в подразделение, где я была комсоргом. Москвич, скромный парень, совершенно не активный комсомолец, в отличие от меня. Пришлось убеждать и наставлять подопечного комсомольца, как важно его участие в общественной жизни цеха, завода, что каждый член общества должен быть ему (обществу) полезен. Игорь был спортивным, играл в хоккей и футбол. Но мне стоило усилий, чтобы он принимал

участие в матчах между цехами. И долго пришлось уговаривать стать членом народной дружины (ДНД – еще одна примета того времени).

Мы вместе ходили дежурить, следить за порядком в зилловские молодежные общежития. И однажды он сам проявил инициативу – проводил меня после дежурства до моего общежития. С тех пор мы стали дружить. А он мне потом признался, что не хотел заводить романов с девушками, так как впереди его ждала служба в рядах Советской Армии, что не каждая девушка дожидается своего парня из армии. А я ждала. И дождалась! И впереди у нас была счастливая семейная жизнь!

* * *

Был завод... А в памяти моей он и остался примером образцового труда. И были люди, которыми остается восхищаться, создавшие такие добротные изделия. Таким событиям я являюсь свидетелем. И горжусь, что работала среди таких прекрасных людей, научивших меня честно трудиться и с уважением относиться к труду других людей!

Юлия Викторовна Попова, 58 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НЕКРАСОВКА

«МОСКВИЧЕВОДЫ» ВСЕХ СТРАН, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Самый лучший город в мире – это родная Москва! В сентябре 2021 года она отметила свой 874-й день рождения. А «Москвич» в этом году празднует 91 год рождения.

Москвичок-старичок еще с советскими номерами – настоящая машина времени! Он помнит, когда по московским улицам ездили без пробок. Его сиденья-диваны были достаточно удобными. Он мог бы нам рассказать о той сильной эпохе, когда нас боялись и уважали.

Легковой автомобиль малого класса выпускался автомобильным заводом имени ленинского комсомола (1930-2010 гг.). Грузоподъемность и проходимость очень хорошая.

У нас был «Москвич», и мы ездили на нем на море, на ночь останавливались у какой-нибудь речки, ставили палатку, разводили примус. На ужин нас ждали обалденные макароны с тушенкой или картофель с рыбными консервами, чай с монпансье. И это было время спокойствия и стабильности.

Да, были хорошие и добрые времена...

К сожалению, ни один из знаменитых марафонских «Москвичей», сделавший отличную рекламу модели за рубежом, не сохранился. Питаю особую симпатию к советским автомобилям и к «Москвичам», в частности.

Было время, когда «Москвич-412» выигрывал «международные ралли».

«Москвич...», как много в этом звуке...

Москва студенческая

Сергей Леонидович Смирнов, 59 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЛЮБЛИНО

Москва — это большой город. Город возможностей, широких проспектов, помпезных зданий и огромных... строек. Количество людей, живущих и работающих в нашей столице с годами не уменьшается, а значит, не уменьшается и количество строительных объектов. Москва расширяется, преобразуется. А маленькие поселки и городки, располагавшиеся по соседству, выстраиваются в очередь, желая стать частью вечно строящегося мегаполиса. Причем возводятся не просто одинокие здания, малоэтажные дома или уютные скверы с парочкой скамеек, расставленных около фонтана. Нет... Если уж мы задумали строить, то строим с размахом. Возводятся целые районы со всей сопутствующей инфраструктурой, требующие весьма солидных человеческих ресурсов.

Семидесятые годы двадцатого века не стали исключением. Москва вошла в новое десятилетие с населением в семь миллионов человек, которым нужно было где-то жить. Именно в это время город стал серьезно меняться в качественном плане. На карте столицы начали потихоньку вырастать новенькие современные спальные районы. Удобные развязки, красивые парки, кинотеатры. В общем все, что нужно человеку для комфортной жизни в большом городе.

Планы всегда были грандиозными, и их нуж-

но было кому-то реализовывать. Немаловажную роль на стройках всего СССР играли студенческие стройотряды (временные трудовые коллективы, формировавшиеся, в основном из числа учащихся высших, а также средних специальных учебных заведений). Молодые специалисты оказывали весомую помощь в строительстве, выполняя не только простую физическую работу, но и то, что требовало специальных умений и навыков. Среди них часто оказывались штукатуры, каменщики, плотники. В общем все те, чьи руки были на стройке максимально полезны.

Стройотряды стали настолько востребованы, что к 1970 году они вели свою деятельность на тысячах стройках нашей страны.

Это было потрясающее время! Когда в институте были каникулы, я даже не задумывался, где буду их проводить. Я шел в стройотряд. Во-первых, это было престижно – туда еще не так просто было попасть. Особенно, если хотел выехать за пределы столицы. Во-вторых, это была хорошая возможность заработать. Благодаря стройотрядам я заработал себе на первую нормальную гитару. Ну а в-третьих, несмотря на то, что мы работали там капитально, бригада у нас всегда была дружная, помогали друг другу во всем. Я до сих пор поддерживаю отношения со многими из нашего стройотряда. Всем уже за шестьдесят, кого-то уже и нет с нами. Но мы стараемся встречаться хотя бы раз в год.

А на сколько объектов я хотел попасть, но не попал!? Это же теперь гордость нашей страны! Театр на Таганке, например, или театр имени Натальи Сац, универмаг «Московский». И это все строилось в семидесятые! Только вдумайтесь! Белый дом в Москве еще забыл. Его в 1979 достроили.

Москва

дореволюционная

Валерий Владимирович Сорокин, 77 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ТАГАНСКИЙ

Настала весна 1914 года, и он (дед) уже, проработав два последних года подручным мастера-пекаря, вместе со своим закадычным другом решил отправиться на заработки в Москву.

В Москве оказались на первой неделе Пасхи, и обоих друзей, которым стукнуло уже по 19 лет, поразила какая-то необычная «хлебосольность» столицы. Еда была дешевой. В обычной харчевне большая суповая тарелка с куском говяжьей печенки стоила пятак, и столько же – булка белого хлеба. И этой порции было достаточно для двоих. Но надо же было где-то жить.

С Брянского вокзала, поменявшего в 1934 году название на Киевский, они добрались до Воробьевых гор, где соорудили себе шалаш, в котором спали, прикрываясь своими пальтишками (все-таки на дворе стоял апрель).

Будущий мой дед – жених. 1916 год

Семейство с тремя дочерьми в 1925 году

Молодожены – 1916 год. И дед и бабушка в браке

На следующий же день направились пешком к Калужской заставе (около пяти километров). И в одной из пекарен у этой заставы 19-летнего паренька (моего деда) сразу же взяли подручным мастера по выпечке французских булок.

Москва ДОВОЕННАЯ

Борис Иванович Соцков, 83 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЛОМОНОСОВСКИЙ

Сейчас, когда в Москве стало так много новых «москвичей», ее начали называть «резиновой». А вот столицу моего детства тогда говорили, что Москва – это просто «большая деревня». На нашей улице почти все дома были одно- или двухэтажные. Во дворах росли кусты сирени и золотые шары. А в нашем дворе у одной семьи был даже небольшой огороδικ, где, кроме овощей, отец семейства выращивал для себя табак. Вот таким был наш московский дворик, который находился недалеко от улицы Горького (нынешняя Тверская).

Все время мы проводили во дворах или на улицах. Мы бежали по крышам сараев, исследовали чердаки и подвалы, цеплялись за грузовые машины. Мы хорошо знали не только нашу улицу, но также и ближайшие в нашем районе. Но нас всегда манили и другие, еще неизведанные нами уголки Москвы.

Для этого у нас было прекрасное, но рискованное средство – трамвай. Денег на билет у нас не было.

И поэтому для путешествий по Москве, мы пользовались или подножкой трамвая, или круглой сцепкой позади последнего вагона. И разъезжая так по Москве, мы нашли дорогу и на Красную

площадь, и в уголок Дурова, и в Ботанический сад, и на Птичий рынок.

А однажды, побывав около Шуховской башни, мы были поражены, когда узнали, что эта ажурная башня излучает какие-то невидимые волны, которые, оказавшись в квартирах, становятся голосом или даже музыкой.

В жаркие дни мы ездили на трамвае на Москву-реку.

Там, где сейчас находится гостиница «Украина», был песчаный пляж. Тут мы любили загорать и купаться в чистой воде Москвы-реки.

В 1946 году я пошел в школу, которая находилась напротив нашего дома. Так как тетрадей у нас не было, первое время палочки и кружочки мы учились писать на листах

старых газет. Самой хорошей и долгожданной была третья перемена, во время которой нам давали по бублику и по маленькой круглой конфетке с начинкой.

Во время войны в подвале школы было организовано бомбоубежище. Когда объявляли воздушную тревогу, мы с мамой и сестрой быстро покидали дом и бежали в это бомбоубежище, где всегда находилось много женщин и детей.

Какое-то время в переулке возле школы стояла военная техника, а в самой школе всю войну размещались военные.

В июле 1944 г. по улицам Москвы пленных немцев вели под конвоем. Конечно, мы с ребятами тоже были среди тех, кто хотел посмотреть на фашистов, которых мы ненавидели, потому что у меня и еще у некоторых ребят из нашего дома отцы погибли на фронте.

Мы стояли на улице Горького и смотрели, как мимо проходили многочисленные колонны немцев. Многие люди испытывали гнев и желание отомстить им за своих родных и близких, но чтобы предотвратить нападение на пленных, их охраняли наши военные. И люди стояли молча.

А потом, наконец, наступил долгожданный день Победы. Вечером был праздничный салют; все высыпали на улицу и, ликуя и радуясь, при каждом залпе салюта кричали: «УРА!»

Недалеко от нашего дома находился планетарий. В нем мы с большим интересом слушали лекции о нашей Земле и о других планетах. Особенно сильное впечатление мы испытывали, когда гас свет и появлялось темное небо, усыпанное мерцающими звездами.

Однажды мы с ребятами увидели на улице Горького необычный троллейбус. Он был двухэтажный. Конечно, нам захотелось на нем прокатиться. Как только у нас появились деньги, мы сразу отправились на троллейбусную остановку. Ходил желанный троллейбус крайне редко, и нам пришлось долго его ждать. Когда он, наконец, подошел, и мы оказались внутри, то быстро по винтовой лестнице взобрались наверх и с высоты второго этажа стали рассматривать знакомые улицы.

Самым притягательным местом был для нас зоопарк. Когда мы узнали, что туда можно проникнуть без билета, уже из него не вылезали. Мы часами могли стоять у площадки молодняка и возле обезьянника. Но самый большой интерес вызывали у нас пони. Мы с удивлением и любопытством смотрели как эти маленькие резвые лошадки, бегая по кругу, катали в колясках детей.

А однажды мне повезло: меня приняли на работу в зоопарк. Я стал работать кучером и целое лето уже сам катал детей на пони. И тогда я заработал свои первые деньги, которые с гордостью отдал своей маме.

В 1947 году Москва отмечала свое 800-летие. В этот день детей в кино пускали бесплатно, и мы бегали от одного кинотеатра к другому, чтобы посмотреть как можно больше разных фильмов. Я думаю, что тогда нам лучше всех удалось отметить день рождения Москвы.

Вот такой была Москва моего детства. Сейчас наш город стал красивым и ухоженным, и я, как и раньше, люблю бродить по ее улицам, но самые теплые чувства рождаются у меня, когда я оказываюсь в старых еще сохранившихся уголках этого города.

Москва военная

Владимир Григорьевич Рославлев,

87 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ТАГАНСКИЙ

Родился я в Москве и всю жизнь прожил в этом замечательном городе. Район, в котором прошло мое детство, носил название Коминтерновский. Особенно в памяти запечатлелись детские воспоминания о Москве в годы Великой Отечественной войны.

Когда началась война, мне было 7 лет, а сестре – 16. Отец был директором Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, а мама работала в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева на кафедре генетики. Еще одним членом нашей семьи была большая, породистая овчарка по имени Па. Мы звали ее Пашка.

В начале 1941 года частыми гостями отца были его приятели – офицеры, с которыми он служил в армии. В обрывках фраз разговоров, которые доносились до меня, часто повторялись слова: Германия, пакт о ненападении, а иногда звучало страшное слово «война».

Шло время, и в нашу семью пришел июнь 1941 года. Отец начал возвращаться домой только поздней но-

Шло время, и в нашу семью пришел июнь 1941 года. Отец начал возвращаться домой только поздней но-

чью, появилось новое, незнакомое для меня слово «эвакуация». Репродуктор московской радиотрансляционной сети у нас был включен круглосуточно.

Обычно днем в квартире собиралось много детей, и когда

вдруг звучал сигнал воздушной тревоги, наша милая, добрая Пашка преображалась, была каким-то страшным, утробным голосом и начала загонять нас, детей, под

стол. Некоторых она осторожно брала за руку и указывала на свободное место под столом, других загоняла, просто тыча своим носом в спину. После того, как все мы, по ее разумению, были в безопасности, она ложилась поперек двери, охраняя нас.

Суровые дни июня 1941 года резко изменили жизнь института, в котором работал мой отец. Для исполнения предписания

ГКО, в соответствии с которым в МИМЭСХ в течение месяца необходимо было создать цех и начать производство боеприпасов, был создан штаб, который возглавил директор института, мой отец.

Позже было получено дополнительное предписание, обязывающее организовать участок по ремонту армейской авто- и бронетехники. Эти сложнейшие задачи удалось решить в кратчайшие сроки благодаря квалифицированным кадрам, которыми гордился институт. За самоотверженный труд в годы Великой отечественной войны 355 сотрудников были награждены орденами и медалями.

Отец стал появляться дома очень редко. Пашку он взял с собой, она стала нести службу по охране завода. Но однажды пришел конверт, в котором было предписание

военкома о сдаче немецкой овчарки по кличке Па в распоряжение Райвоенкомата. Время было военное, послушаться приказа отец не мог. Он с большим сожалением в последний раз накормил Пашку своим скудным пайком и отвез ее на сборный пункт.

Отец присутствовал на параде войск на Красной площади 7 ноября 1941 года. Мимо трибун прошли хорошо экипированные, в новых полушубках, батальоны Красной Армии, прошла бронетехника. Парад завершался прохождением проводников служебных собак со своими питомцами. Среди них могла быть и наша Пашка.

В самом начале войны отец купил коньяк и написал на бутылке «Открыть в День окончания войны в честь НАШЕЙ ПОБЕДЫ». Так он и сделал!

Леокадия Павловна Волкова, 82 года

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
МАРЬИНА РОЩА

Я родилась и все свои 82 года прожила в Москве. Город, события и изменения в нем, строили мое мировоззрение, учили и воспитывали меня.

Москва военная – это очень страшно, немцы почти в Москве, каждый день налеты и бомбардировки. Москву взять не удалось. Но в январе немцы стояли в 17 км от Москвы. Были сильные морозы, они помогли нашим бойцам отстоять Москву...

Мне 3-4 года, но мне кажется, что внутри меня, внутри моей памяти сохранился вой воздушной тревоги. В небе постоянно висели громадные «колбасы» – аэростаты, их было видно в щели замаскированных окон, выходящих на Садовое кольцо. Воздушная тревога и мы спускаемся в подвал дома, в бомбоубежище. Жили мы на Спиридоновке – центр Москвы, ютились в маленькой комнатке, нас было пятеро: мама – Вера Волкова, она работала на заводе, Николай, он работал в подземном военном заводе, бабушка, дед и я. Мама работала в столовой, она принимала карточки, которыми там «расплачивались» ремесленники. Коля в свои выходные заходил к маме обедать и приносил нам в сложной железной конструкции суп и гуляш. В бидоне приносил какао, которое называлось суфле, иногда – яичный порошок и черный хлеб.

Москва вся замаскирована, окна заклеены, фонари все сняты. Воздушные тревоги были почти постоянно. Когда по радио, черной тарелке, передавали предупреждение, мы с бабушкой спускались в бомбоубежище, а дед не ходил. Я была смирной девочкой, но очень нервной, пустышку сосала очень долго, она, наверное, меня успо-

каивала. Я понимала, что это уже нехорошо, прятала ее в карман фартучка. Тогда на платья девочек обязательно надевали фартучки. Их надевали нам даже на зимние, теплые вещи.

Когда звучала тревога, я говорила всем, что надо скорей бежать в ямку. Все быстро собирали сумочку с водой и сухарями и бежали. И вот как-то был налет прямо на наш дом на улице Большая Грузинская, дом 9. Мама на работе – и слышит это сообщение: «Воздушная тревога!» Бомба попала в дом 7 (он стоял рядом с нашим домом). Мама не бежала, а летела с работы только с одной мыслью и надеждой, что мы должны быть живы. Подбегает и видит груды развалин от дома 7. Слава Богу, наш 9-й дом цел! Я помню, как она, не веря, что мы живы, не могла прийти в себя от скопившегося в ней ужаса от того, что могло случиться. Она обнимала меня и слезы лились из ее глаз. Эти ужасы переживали все москвичи.

А к нам тем временем пришла страшная беда – гибель моего отца.

С фронта нами был получен один единственный, первый и последний треугольник от отца. «Обосновались, но ненадолго, завтра идем в бой». Это было начало октября 1941 года. Защищали Смоленск, город был окружен. Они шли на верную гибель, закрывая фашистам своими телами путь к нам, к Москве. А после этого тишина, ни строчки. В ноябре пришло извещение: «Волков Павел Николаевич без вести пропал в бою под Смоленском». Для мамы это было все, конец ее жизни. Но надо как-то жить, растить ребенка, да и старики одни, без ее помощи не выживут, ведь все сыновья на фронте.

Извещение «убило» и состарило маму и особенно бабушку. Бабушка ждала отца всю войну и после войны всю свою жизнь, до самой своей смерти. Ждала и не могла даже выговорить, что сын погиб на фронте, и даже не хотела об

этом слышать. Мы с ней ждали моего отца. Я росла на ее глазах и на него была похожа. Она меня очень любила и никак не могла смириться, что ребенок будет расти, так никогда не увидев больше отца.

Мама было тяжело, но легче, чем бабушке, ведь она работала, знала, что ее долг – сохранить ребенка, кормить, добывать деньги. На работе она познакомилась с Анной Ефимовной, ставшей ее верной подругой на всю жизнь. Анна Ефимовна жила в коммунальной квартире в доме напротив сада Эрмитаж – Каретный ряд, дом 7. Она была замужем, ее муж Вениамин Абрамович не воевал. Иногда мама приходила к ним, отогревалась и ночевала. В выходные дни брала и меня к ним в гости. У них в комнате стоял рояль, но никто из них не использовал инструмент. Вениамин Абрамович был добрый и богатый по тем временам, так говорила мама.

Почему я описываю этот сюжет? Я его помню потому, что меня очень занимал рояль. Я приходила и садилась на стульчик «играть». Но и это было не главное! Поиграв, я брала тряпочку

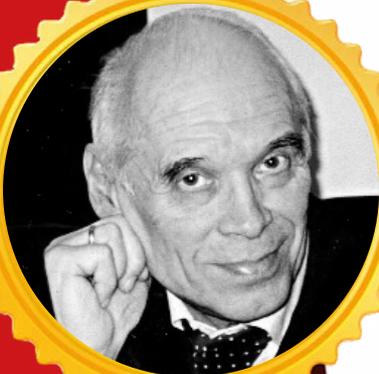
и очень старательно протирала рояль и при этом, словно маленькая бабушка, делала замечания, что они совсем не вытирают пыль. Вот так я у них хозяйничала и постепенно возвращала свой характер – четкий и принципиальный.

Это был отрывок из моей книги «Милосердие выше справедливости» (1939–2021). Это история о том, как великий город менял мое мировоззрение, как Москва стала моей путеводной звездой. Вы можете прочесть книгу полностью, она доступна в [электронном виде](#).

Алексей Владимирович Немчинов,

87 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
КОПТЕВО

*Москва родная, ты как сердце,
Жить без которого нельзя.
Мне на тебя не наглядеться:
Ты – и любовь, ты – и друзья.*

Эти строки из стихотворения о Москве я написал совсем юным человеком очень много лет назад, но и сейчас не отрекаюсь от них ни на миг: я до сих пор люблю этот город больше жизни!

Думаю, что любовь к столице появилась во мне прямо в момент рождения, то есть 87 лет назад, потому что любовь эта – наследственная, кровная, так как передана непосредственно моими предками, любившими и честно служившими Москве, а в лихие годы стойко защищавшими ее.

Перечислю их:

– Мой прапрадед, штабс-капитан Ардальон Герасимович Немчинов, в 1812 году защищавший Москву от Наполеона в Бородинской битве, в центре обороны, у Курганной батареи, и чудом оставшийся в живых (почти весь его Рыльский пехотный полк погиб);

– Мой прадед, подполковник и действительный статский советник Михаил Ардальонович Немчинов, который, выйдя из Военного министерства, в начале 1870-х годов, вложил свою любовь, талант и средства в развитие и украшение Москвы: создал у Арбатской площади пользующийся большой популярностью у москвичей в конце XIX века «Немчиновский театр», построил кирпичный завод, выпускавший кирпичи с его личным клеймом (что говорило о высокой ответственности за качество продукции), и из этого кирпича построил в Москве здание Белорусского (в то время Брестского) вокзала, являясь управителем стройки, а также построил под Москвой новую железнодорожную станцию «Немчинов Пост» (ныне «Немчиновка» Белорусской ж\д) и большой дачный поселок при ней с таким же названием, ставший популярнейшим местом отдыха москвичей: ведь до него от Москвы было всего 16 верст;

– Мой дед, полковник Виктор Михайлович Немчинов, продолживший дело отца, и еще более развивший строительство

в Москве, где из немчиновского кирпича построено много домов и других строений, в частности, огромный угловой дом (№ 6) на пересечении улиц Волхонка и Знаменка, забор с решеткой в районе Покровского бульвара у Воронцова Поля, различные строения в Нескучном саду, в том числе большая красивая ротонда, стоящая над самой Москвой-рекой, различные постройки в усадьбе «Черемушки» (расположена в начале Большой Черемушкинской улицы), которая принадлежала потомкам сподвижника Петра I князя А.С. Меншикова.

После начала Первой мировой войны 1914-1918 годов, Виктор Михайлович перед уходом на фронт успел переоборудовать свой дом в Немчиновке под церковь (чтобы призывники могли совершать молебны перед отправкой на фронт – своей церкви тогда в Немчиновке не было).

- Мой отец, майор Владимир Викторович Немчинов, защищавший Москву в 1941-1942 годах, потом чудом оставшийся живым в страшных боях под Вязьмой, в 1943 году он был отозван в распоряжение Наркомата обороны, находящегося в Куйбышеве (ныне – снова Самара), в Управление Спецформирований и физподготовки Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии.

Все мои предки по мужской линии были военными, и всем им выпала тяжелая, но почетная доля защищать Москву с оружием в руках. Поэтому я и начну свои воспоминания об этом городе с войны, свидетелем и очевидцем которой я был.

Война, начавшаяся 22 июня 1941 года, и разделившая жизнь всего нашего народа на «до» и «после», оставила неизгладимый след в моей памяти. Я хорошо помню, как уже 26 июня, на четвертый день войны папа ушел на фронт, а меня, семилетнего, взяли к себе папины мама и сестра, т.е. мои бабушка и тетя, жившие на Кировской (ныне возвращено прежнее название: Мясницкая). Взяли потому, что мамы у меня тогда уже не было, она умерла, когда мне было четыре года. Бабушка и тетя героически заменили мне родителей, вырастили и воспитали меня, дали образование. Сейчас я понимаю, какую неподъемную ношу и ответственность они взвалили на себя тогда. Помню слова тети, сказанные мне однажды во время войны: – «Представляешь, если с тобой что-нибудь случится, что я скажу твоему отцу, когда он вернется с фронта?!» И надо признаться, найти подходящий ответ тут просто невозможно!

Вскоре были введены карточки – продовольственные и на хлеб. На них была надпись: «при утере не возобновляются». Тете, как работающей, было положено в день 200 г. белого и 200 г. черного хлеба, бабушке, как иждивенке, 100 г. белого и 150 г. черного, ну а мне, как ребенку, по 150 г. белого и черного. Карточки на хлеб были самые ценные, потерять их было трагедией. Однажды я вернулся из булочной без них. Все были просто убиты. Я рыдал без остановки. И вдруг бабушка нашла их, зацепившимися булавкой, которой они были сколоты, за авоську. Вот это была радость! Сейчас так не радуются...

22 июля, ровно через месяц после начала войны, немцы совершили первый авианалет на Москву. Потом налеты происходили каждый день, а нередко и несколько раз в день. Прорвавшиеся к Москве самолеты сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы. Были разрушения и значительные жертвы. Нам на Кировской доставалось особенно, потому что немцы старались бомбить центр города, где были Кремль, ЦК Коммунистической партии, Центральная телефонная станция, Главный почтамт, здание МГБ на Лубянке. Стекла из окон вылетали регулярно, зажигалки так и сыпались на крышу, дежурные щипцами сбрасывали их во двор. Некоторые бомбы не загорались, и мы, мальчишки, лазали по чердакам и собирали их, чтобы отнести в домоуправление, где нам платили за каждую бомбу какую-то сумму. По радио диктор Левитан своим неповторимым голосом объявлял: «Граждане, воздушная тревога. Граждане, воздушная тревога», а когда она кончалась, он говорил: «Угроза воздушного нападения миновала, отбой. Угроза воздушного нападения ми-

новала, отбой». Восемьдесят лет прошло с тех пор, а помню каждое слово, каждую интонацию Левитана...

Во время налетов мы ходили в бомбоубежище, сначала – на перрон метро «Кировская», потом несколько раз – в подвал своего дома, причем, каждый раз брали с собой самое ценное, что у нас было: несколько серебряных ложек и альбомы с семейными фотографиями. А потом однажды, когда завывала сирена воздушной тревоги, бабушка сказала: «Все, больше никуда не пойдем, помирать, так дома». И после этого все тревоги мы провели дома, хотя несколько раз из нашего окна вылетали стекла от разрывов немецких бомб.

Однажды, в день бабушкиных именин 28 октября 1941 года, именно в тот момент, когда немногочисленные гости сидели за столом, который украшал большой алюминиевый таз с винегретом – роскошное угощение по тем голодным временам – немцы, впервые в мировой практике, сбросили с самолета не бомбу, а морскую торпеду, целясь при этом в здание ЦК компартии, что на Старой площади. В здание торпеда не попала, а упала в Ильинский сквер перед ним. Дикой силы взрыв наделал много бед, засыпал весь центр Москвы вылетевшими стеклами и снес часовню в память русских гренадеров, погибших под Плевной, при освобождении Болгарии от Османского ига, стоявшую у Ильинских ворот. На Кировской стекло было по колено, троллейбусные провода лежали на земле, а воздух был пропитан стойким кислым запахом взрывчатки.

Уже летом 1941 года из Москвы начали эвакуировать маленьких детей, причем иногда делали это буквально насильно, отрывая детей от родителей. Родители, конечно, были в ужасе, потому что понимали, что ничего хорошего это не сулит. А сами уехать с детьми они не могли из-за работы, да часто это и вообще было невозможно.

Мои бабушка и тетя тоже были в ужасе, и прятали меня от комиссий, которые ходили по квартирам и забирали детей, в платяном шкафу, где я сидел, часто подолгу. Но главное помогло то, что я был прописан не на Кировской, а в 4-том Ростовском переулке на Плющихе, на старой довоенной квартире, где жил когда-то с мамой, папой и другой бабушкой. Так вот, эта бабушка говорила комиссиям, что меня нет, я живу на Кировской, а на Кировской комиссиям говорили, что я живу по месту прописки на Ростовском. Так меня и спасли.

1-го сентября 1941 года я пошел в школу, но проучился я в ней только до 20 октября: когда немцы стояли уже в пригороде Москвы, было введено осадное положение, и школы закрылись.

Воздушные тревоги случались все чаще и чаще, хотя иногда немецкие самолеты-разведчики летали над Москвой и без объявления тревоги: я сам однажды видел самолет с крестами на крыльях и на фюзеляже, который низко, так, что отчетливо видна была каждая деталь, пролетал над нашим двором, пролетал медленно и нагло.

16 октября в Москве началась общая паника, и люди бросились из города, смешиваясь с бесконечными колоннами беженцев, идущих с запада на восток через Москву.

Об этих днях написано у нас много разного, но я расскажу то, что видел собственными глазами.

Когда утром 16 октября я вышел во двор, то сначала ничего не понял: часть двора как бы отсвечивала красным цветом. Подойдя ближе, я увидел, что повсюду лежат высокими стопками книги в красных переплетах. Это были полные собрания сочинений Ленина и Сталина, а также другие политические издания – в огромном количестве, буквально многие десятки книг!

В этот же день мы нашли с ребятами в песочнице закопанные там несколько орденов, среди которых были ордена Ленина и Красного Знамени. Находку эту мы отнесли в домоуправление, где, в отличие от уже конечно сбежавших к этому времени их бывших владельцев, сидела на своем рабочем месте никуда не убежавшая беспартийная домоуправша «тетя Настя» и что-то писала в амбарную книгу. В нее же она записала и наши бесценные находки.

А на улице в это время нескончаемым потоком шли и ехали беженцы, причем часто ехали – сам видел! – на телегах, запряженных коровами. Среди них, также медленно, двигались легковые автомобили, явно с начальством и с их семьями. Если с телеги или из грузовика падало что-нибудь на асфальт, то не останавливались, ехали дальше. Страх убил ценность вещей. Как раз напротив нашего дома с грузовика, везшего гору вещей, на асфальт рухнуло пианино и разбилось вдребезги. Мы долго потом играли во дворе черными и белыми клавишами из слоновой кости.

Но главное, что было, это то, что некоторые продуктовые магазины на нашей улице открыли двери и стали БЕСПЛАТНО раздавать желающим свое содержимое. Желающих оказалось множество. В некоторых книгах я потом читал, что магазины грабили, и специальные команды ловили грабителей и тут же у магазина расстреливали. Но у нас, на Кировской, магазины сами отдавали гражданам все бесплатно – я свидетель!

Наш огромный дом на Кировской (№ 17), имеет свою самобытную историю. Во второй половине XIX века он принадлежал престарелой бездетной чете неких Кусовниковых – буквально помешанных на накопительстве, которые из боязни, что ночью в дом залезут грабители и убьют их, спали днем, обедали ночью, а после обеда катались в своем экипаже по центральным улицам Москвы, причем все свои сбережения – деньги и драгоценности брали с собой! Под утро они возвращались домой и укладывались спать – до вечера. Большие были оригиналы!

В начале XX века в доме находилась богадельня, потом его сделали доходным домом: огромные квартиры сдавались внаем. После революции, в 30-тых годах, его надстроили до пяти этажей, а вместо отдельных квартир сделали недоброй памяти «коммуналки», в которых и протекала наша жизнь.

В доме было дровяное отопление, в каждой комнате была белая изразцовая печка от пола до потолка, а на огромной общей кухне громоздилась не менее огромная дровяная плита, на которой целый день что-то готовилось и кипело. Стирка в корытах происходила тут же, в корытах же и мылись на кухне по ночам, когда все ложились спать. В кранах горячей воды не было, не было и ванны, но зато было около 30 человек жильцов и одна уборная (точно как у Высоцкого!).

Наша комната, вернее, полкомнаты, расположенная в самом конце длинного коридора, была небольшая, узкая, с одним окном – пенал в 17 квадратных метров за фанерной перегородкой, слышимость была стопроцентная. Но главное – сейчас молодым этого не понять – все вещи нашей семьи, вся одежда, и зимняя, и летняя, обувь, белье, посуда и десятки других житейских вещей и предметов, все хранилось в одной этой комнатушке. Места оставалось только пройти по узкому пространству от двери до окна.

После войны, в 1947 году, в Москву провели саратовский газ, наш дом был вскоре газифицирован, и надобность в печах отпала. Через несколько лет мы тайком сломали печь в своей комнате, что дало возможность всунуть в освободившийся угол кресло-кровать – это сооружение только что появилось в продаже в начале 1950-тых, и я покинул обжитое место под столом. А горячую воду так и не провели...

Из-за страшной домашней тесноты моя жизнь, как и жизнь всех остальных ребят Москвы, проходила, в основ-

ном, во дворе, который, без преувеличения, был нашим вторым домом. Кроме «переднего» двора, у нас был двор «задний» – огромный пустырь, застроенный древними дровяными сараями, на крышах которых, покрытых столетним мхом, росли шампиньоны. Это сейчас все дворы заасфальтированы, а тогда они были земляные – какое раздолье для всяких игр! Со страшным увлечением мы играли в прятки, колдунчики, салочки, «чижик», 12 палочек, казаки-разбойники, ножички, «штандер», бильярд и многие другие игры, теперь навсегда всеми позабытые. И должен сказать, что эта «спортивная всеядность» сильно помогла мне позже стать профессиональным баскетболистом, игроком московского «Динамо», мастером спорта.

Я быстро обзавелся во дворе друзьями – мне всегда везло на них. Ближайшим моим другом стал Ленчик Численко, который был на три года старше меня. Сблизило нас общее увлечение марками, что тогда было повсеместным явлением, а сейчас вообще начисто исчезло, лишив людей совершенно необычайного удовольствия и огромной пользы для интеллектуального развития.

У Ленчика был младший брат – двухлетний Игорек, и так как отец у них был на фронте, а мать почти беспрестанно работала, его не с кем было оставлять в течение дня. И нам с Ленчиком пришлось делить обязанности няnek и поочередно сидеть с Игорьком (благо мы учились в школе в разные смены), гулять с ним во дворе или отводить в детский сад на Колхозной площади (теперь ей возвращено прежнее родное название – Сухаревская площадь).

Никогда не забуду, как я ранними утрами тащил в детский сад засыпающего на ходу Игорька по Кировской, по Сретенскому бульвару и потом по всей Сретенке, все-таки мне самому тогда было всего 7 с половиной лет. А Игорь засыпал окончательно и валился на асфальт. Я стоял над ним и тихо плакал в рукав...

И кто бы тогда мог подумать, что из этого нежного дитя вырастет уникальный, фантастический футболист мирового класса, Заслуженный мастер спорта, чемпион СССР и игрок Сборной СССР Игорь Численко.

И вот, наконец, наступил долгожданный день, когда страшная и кровопролитная война, продолжавшаяся почти четыре года, закончилась полным поражением гитлеровских войск, и подписанием в Берлине 9 мая 1945 года Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Долгожданный День Победы!

Накануне этого дня наша черная «тарелка», висевшая

на стене, и почти молчавшая всю войну, наконец, дала себе волю: «Граждане, не выключайте репродукторы, скоро будет передано важное правительственное сообщение!» без конца повторяла она в течение целого дня. А мы сидели под ней, и ждали, ждали с невероятным нетерпением. И выдержать это ожидание было труднее, чем четырехлетнее, бесконечное ожидание конца войны.

И только уже ночью Левитан ликующим голосом сообщил нам о ПОБЕДЕ!

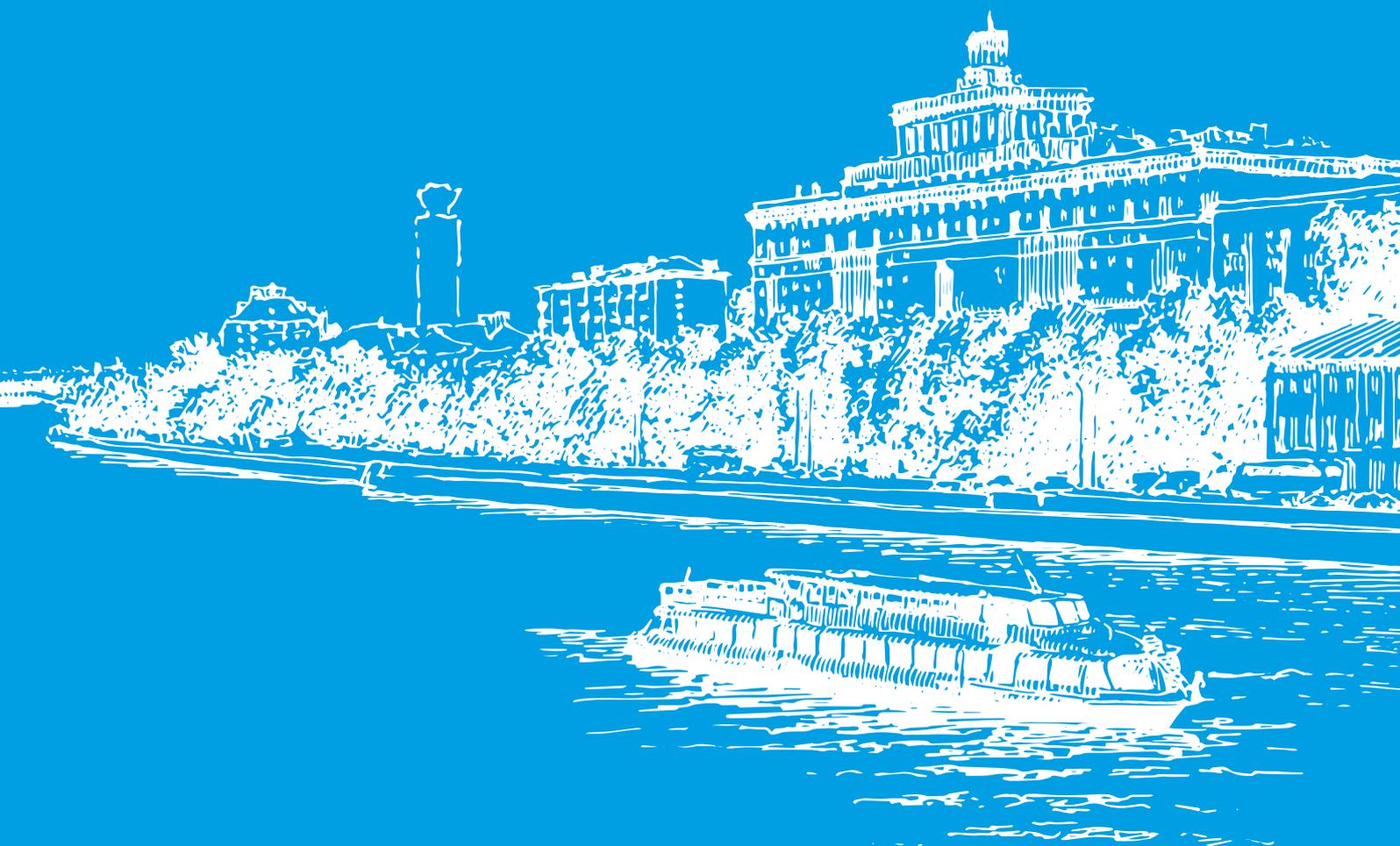
Все плакали и смеялись, и бежали на Красную площадь, где народ радовался и ликовал, еще не веря самому себе, что все наконец закончилось.

Ну, а потом жизнь постепенно стала налаживаться, я окончил школу, институт, счастливо женился, стал работать инженером в гражданской авиации, однажды получил предложение перейти на дипломатическую службу, после соответствующей подготовки в академии в 1972 году подписал контракт с Организацией Объединенных Наций, где служил много лет, сначала в Вене (где у меня родился второй сын), потом в Монреале, где в 1999 году я и закончил свою дипломатическую карьеру, вышел на пенсию, и улетел с семьей в Москву, где в то время бушевал дефолт – но это не имело для нас никакого значения.

Из Канады с любовью

Сегодня день туманно желт,
Но этот день запомнить надо:
Мы возвращаемся в дефолт
Из рая, что зовут Канада.
Мы возвращаемся в бардак,
В то, что разбито многократно.
Мне говорят: – ты что, дурак?
Ведь все – сюда, а ты – обратно.
А я без слов. Молчу в ответ:
Я ж не пророк и не мессия.
Как объяснить, что жизни нет
Без этой «чертовой России».
Как объяснить, что там – земля,
Пропитанная нашей кровью,
Что навсегда повязан я
С Москвой взаимною любовью.
Я выбрал жребий. За спиной
Захлопнулись ворота рая..
И вот, уж я лечу домой,
От предвкушенья замирая.

Москва послевоенная

Вера Эммануиловна Семенова, 74 года

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ИВАНОВСКОЕ

КАК Я ВИДЕЛА СТАЛИНА

В последние годы я редко бываю на Таганке, но уж если попадаю туда, то никак не могу уйти. Хочется бродить, бродить и вспоминать. Почти каждый дом мне что-то говорит. Вот школа, где я училась, вот бывший Дом пионеров, где мы рисовали и танцевали, вот Краснохолмский мост, где мы любили смотреть салют. Вот театр, вот библиотека – сколько часов проведено и там и там! Вот больница, вот родильный дом в Шелапутинском переулке, где родилась я, а потом и моя дочь. А вот наш любимый Сад-Пряник – так мы называли парк имени неведомого нам Прямыкова, куда мы ходили на каток, и кататься на каруселях, и отражаться в кривых зеркалах «комнаты смеха», и просто гулять. Вот Андроников монастырь, где мы любили готовиться к экзаменам, потому что там всегда было тихо и безлюдно. Это страна моего детства, моей юности, и существует она теперь только в моей памяти.

Вот и сейчас я закрываю глаза и вижу старинные торговые ряды на Таганской площади (их давно снесли), вижу наш двор – сирень, голубей, и качели, и асфальт, расчерченный мелом под «классики». Вижу нашу тихую улицу, вымо-

щенную округлыми желтоватыми булыжниками, которые давно исчезли под асфальтом, вижу раскидистые тополя по обеим ее сторонам, изящные старинные особняки... Самая зеленая улица в Москве, самая лучшая – мы в этом были уверены. Ее название – Большая Коммунистическая – не очень-то ей шло, но мы этого не замечали. Оно было вполне в духе времени, мы привыкли. Мы жили в гуще таких слов. И таких понятий. А как мы жили? Попробую рассказать. Я помню многое, хоть и не все, конечно.

Например, я хорошо помню то хмурое мартовское утро 1953 года, когда мама писала что-то за письменным столом, а я стояла рядом и с нетерпением ждала, когда по радио начнется моя любимая «Угадайка». В руках у меня была пластмассовая расческа с крепкими зубьями, которыми я от нечего делать водила вверх-вниз по краю стола. Зубья при этом восхитительно трещали – трын-трын! трын-трын! Мне это очень нравилось.

И вдруг мама выхватила расческу у меня из рук и велела не шуметь. Я удивилась – такая резкость была ей не свойственна. Подняла на нее глаза: она, стиснув руки, слушала радиоприемник, из которого доносился голос Левитана. Мне было 6 лет, и я, конечно, не понимала, что он говорит. Но интонация, патетика, неповторимый тембр голоса так врезались в память, что я узнала это выступление, когда через много лет прослушала его в записи. Это было знаменитое сообщение о болезни Сталина, в котором прозвучали мало кому понятные слова о «дыхании Чейна-Стокса».

Лет двадцать спустя один мой коллега по работе, известный ученый, рассказывал, что он услышал это сообщение, находясь в лагере на Колыме. Слов про Чейна-Стокса не понял никто из эков, кроме одного, который был в прежней жизни врачом. Он сказал остальным: «Ну все, ребята. Чейн-Стокс – это конец. Обратно хода нет. Это наверняка». И они поверили ему и отметили, как могли, смерть Сталина еще до того, как о ней было официально объявлено.

А еще он рассказал, что когда в предисловии к своим научным трудам он выражает признательность коллегам, помощникам и наставникам, то неизменно вставляет туда благодарность британским ученым Д. Чейну и У. Стоксу за их выдающееся открытие, которое сыграло важную роль в его жизни, дав возможность продолжать научную работу. У меня до сих пор сохранилась одна его книга с такой фразой в предисловии. И хоть в те годы все публикации подвергались строгой предварительной цензуре, но эту фразу цензоры пропускали, не замечая скрытого в ней смысла.

Итак, Левитан рассказал всей стране про дыхание Чейна-Стокса. Что я чувствовала в тот момент? Была очень огорчена тем, что из-за экстренного радиосообщения отменили «Угадайку», и тем, что мама не дает мне трещать расческой.

Позже сообщили, что Сталин умер. Помню общее смятение и растерянность. Никто не понимал, что делать и что теперь будет. Ждали, что скажет радио. В те годы во многих московских квартирах радио никогда не выключалось, даже ночью. Это была всеобщая привычка с военных времен: а вдруг бомбежка или что-то еще неожиданное случится? И вот – случилось.

Мы знали с пеленок, кто такой Сталин, не знать было невозможно. Это была неотъемлемая часть нашей жизни, и именно об этом мне хочется сейчас рассказать. Формально говоря, я видела его лишь дважды – один раз живого, второй раз – мертвого. Но реально я видела его все время, так как он беспрестанно маячил перед глазами. Его портреты смотрели на нас со стен домов, с плакатов и транспарантов, со страниц газет и журналов, с киноэкранов. И конечно же, из наших детских книжек. Помню толстый ежегодный журнал-альманах «Круглый год» для детей – там добрая половина рассказов была о Сталине. О нем постоянно говорили по радио, о нем пели песни, мы знали их наизусть. Я до сих пор помню:

От края до края, по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ.

Мы радовались, что нам так повезло: наша страна самая свободная, самая справедливая, самая лучшая в мире, а вождь у нас – великий Сталин, могущественный и всеми любимый, тоже самый лучший в мире. И он о нас неустанно заботится! Мы с удовольствием декламировали стихи о нем. «Каждый день и каждый час Сталин думает о нас!».

Помню, как родители взяли меня с собой в кинотеатр «Таганский» (теперь там давно уже не кинотеатр), посмотреть «Тарзана». Очень это был популярный фильм, на него рвались, мы билеты с трудом купили. Как всегда, перед сеансом был журнал. Теперешние дети, наверно, не знают, что это такое. Информационный выпуск. Ведь телевизоров тогда не было. Назывался он «Новости дня». Такой небольшой, минут на 10, сборник документальных сюжетов, кинорепортажей (там-то жатва началась, здесь завод вступил в строй, еще что-нибудь победоносное,

а под конец что-нибудь веселенькое про цветочки или про балет). Так вот, когда в журнале показался Сталин, зрители забыли про Тарзана, вскочили, закричали «Ура!» и стали топтать и аплодировать.

Ох, как долго сохранялась эта неистребимая привычка! Помню, в начале 70-х в фильме «Посол Советского Союза» на какую-то буквально минуту показывался Сталин, и реакция зала была такая же – крики, топот и аплодисменты.

Одна моя закадычная подружка как-то раз спросила меня: «Как ты думаешь, товарищ Сталин ходит в уборную?» Мы с ней всесторонне обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что, конечно же, нет. Не ходит. Не может быть, чтобы он занимался такими низменными делами. Невозможно такое себе представить. «Но ведь он все-таки пьет и кушает», – засомневалась я. «Ну, наверно, у него это как-то иначе устроено, – предположила моя подружка. – Просто все само улетучивается». Нам было тогда по 5 лет. Недавно мы виделись с ней, вспомнили тот давнишний разговор, посмеялись. Припомнили, как я горько плакала, когда читала поэму о «двух соколах ясных» и об их прощании «на дубу зеленом»:

А соколов этих все люди узнали:

Первый сокол – Ленин, второй сокол – Сталин.

Ой, как первый сокол со вторым прощался!

Он с предсмертным словом к другу обращался...

Сокол ты мой ясный, час пришел расстаться,

Все труды-заботы на тебя ложатся.

А второй ответил: – Позабудь тревоги,

Мы тебе клянемся – не свернем с дороги!

Мне было безумно жаль умирающего сокола. И второго сокола тоже, ведь он один остался, бедный... Я так живо представляла себе это прощание!

В подмосковном дачном поселке, где мы жили каждое лето, в самом его центре стоял памятник: «два сокола ясных» – Ленин и Сталин – сидели рядышком на скамейке, ласково приобняв друг друга за плечи, и о чем-то доверительно беседовали. Мы часто гуляли вокруг этого памятника, рассматривали его со всех сторон. Такие же скульптуры я видела и в других местах, в том числе в московских парках и музеях. Позы иногда были другие, но общий смысл всегда один: «два сокола ясных ведут разговор». Подразумевалось, что беседуют они о том, как сделать нашу жизнь лучше – ну а о чем еще они могут говорить?

Как только объявили, что тело Сталина выставлено в Колонном зале для прощания, все сразу туда пошли. И мама тоже, как все, пошла в Колонный зал. А поскольку меня не с кем было оставить, то она взяла меня с собой.

До этого дня мне только однажды довелось видеть Сталина воочию. Это было 1 мая 1952 года. Сталин стоял на Мавзолее, а мы с мамой, вместе с мамиными студентами, шли в колонне демонстрантов по Красной площади.

Сталин был в одежде цвета хаки и махал рукой. Я хорошо его разглядела. А люди, которые шли по площади, все время кричали разные лозунги – «Сталину великому слава!» и тому подобное, а чаще всего – просто слово «Ура!!!». Кричали, не переставая: видимо, каждый боялся замолчать первым и тем самым выбиться из общей массы.

Тогда, 1-го мая, на Красной площади толпа была густая, и я вряд ли смогла бы увидеть Сталина, если бы один из студентов не посадил меня к себе на плечи.

Но в тот мартовский день, когда люди шли прощаться с умершим Сталиным, толпа была гораздо более многочисленная, плотная и мрачная. Никто мне не улыбался, не предлагал взять меня на руки или посадить на плечи. Никто не кричал, все шли молча, и чем дальше мы продвигались, тем больше на нас напирала со всех сторон.

По счастью, толпа двигалась медленно, и мы недалеко отошли от дома, всего лишь до высотки на Котельнической набережной. Начиналась давка. Мне стало душно, я захныкала, мне срочно понадобилось в туалет. Теперь я понимаю, что именно это спасло нам с мамой жизнь. Никаких туалетов не было, никаких укромных уголков, все было заполнено людьми. Маме ничего не оставалось, кроме как вернуться со мной домой. Это случилось очень вовремя – еще бы немного, и нам бы уже не удалось вы-

браться из толпы. Мы и так-то прошли с трудом, пробирались дворами и переулками. К счастью, мы их хорошо знали, это была наша обычная дорога на Тетеринский рынок. Как жаль, что сейчас от этих симпатичных переулков почти ничего не осталось...

Когда мы с мамой снова вышли из дома и двинулись к Колонному залу, то уже не смогли пройти: везде стояло оцепление из милиционеров и военных, и они никого не пропускали, ни туда, ни обратно.

В тот день в центре Москвы погибли сотни людей – их раздавила толпа. Об этом, конечно, официально не объявляли. Но все знали. У нас в доме жил один пожилой человек, у него в тот день погибли двое взрослых детей – сын и дочь – и он, по-моему, тронулся умом. Ходил по улице с безумным взглядом. Мы, дети, его боялись и избегали.

День похорон Сталина тоже был хмурым, пасмурным. Помню, как выли со всех сторон заводские гудки. Мне было жутко. В нашем Сад-Прянике громадный памятник Сталину был задрапирован красным полотнищем с черной траурной каймой, это странно смотрелось среди сугробов.

Через несколько лет этот памятник в Сад-Прянике снесли. Вместо него поставили статую Ленина, такую же огромную. Сменили, так сказать, второго сокола на первого. В отличие от Сталина в шинели до пят, Ленин был изображен в пиджачном костюме с жилеткой. Она меня очень заинтересовала, потому что ни на ком из окружающих я такой одежды не видела. В левой руке Ленин сжимал кепку, а правой указывал путь в светлое будущее.

А в 70-х годах там и Ленина не стало. Поставили скульптурную композицию «Журавль и лисица», по мотивам известной басни. Не так давно мне снова довелось побывать в Сад-Прянике. Я не увидела там вообще никакого памятника. Просто газон и цветочная клумба. Сейчас, кажется, есть желающие снова ставить памятники Сталину. Боюсь, что до следующего «журавля с лисицей» я уже не доживу.

Еще одна большая статуя Сталина стояла в центральном подземном зале станции метро «Таганская-кольцевая». Она была прислонена спиной к дальней торцевой стенке станции, выступая из нее почти полностью (кажется, такая техника называется «горельеф»). А за его спиной вся стенка с обеих сторон была занята панно-барельефом, состоящим из фигур юношей, девушек и детей. Они с обожанием и восторгом смотрели на Сталина, тянулись к нему, приветствовали его и протягивали ему кто цветы, кто фрукты, кто еще какой-нибудь подарок. Такая вот

всенародная любовь. Причем Сталин был раза в полтора выше и вообще крупнее, чем все остальные взрослые фигуры этого панно, про детей я уж и не говорю.

Не помню точно, в каком году убрали этого Сталина. Где-то в конце 50-х. А на его месте на стенке осталась совершенно пустая, ничем не заполненная проплешина с нарочито неровно обработанной поверхностью. Большая, ростом с эту статую и шириной примерно с нее. При этом все другие персонажи остались неизменными! Они с прежним обожанием и восторгом глядели на эту проплешину, улыбались и протягивали ей свои дары. Улыбались пустому месту! Вид был глупейший, но никто не смеялся, не удивлялся и не возмущался. Люди деловито шли мимо, на панно никто не глядел. Это продолжалось несколько лет, пока всю эту стенку не выломали, чтобы сделать проход на станцию «Таганская-радиальная».

В 1954 году мне исполнилось 7 лет, и я пошла в школу. Учиться мне нравилось. Однажды на уроке учительница спросила: «Кто знает, что такое СССР?» Я, конечно, знала, поэтому подняла руку. Учительница мне кивнула, я встала и с удовольствием (ведь приятно отвечать, когда точно знаешь ответ), сказала: «Союз Советских Социалистических Республик». И вдруг с задней парты раздался крик: «А можно и по-другому!» Там сидели братья-близнецы, Мишка и Гришка Чжоу-Ли, бесстрашные драчуны-забияки из многодетной китайской семьи, которая жила в одном из подвалов на нашей улице. В те годы в Москве все подвалы и чердаки были обитаемыми.

Учительница так растерялась, что машинально спросила: «А как по-другому?» Мишка встал и громко, уверенно произнес: «Смерть Сталина Спасла Россию!» Боже мой, как перепугалась учительница! По лицу пошли красные пят-

на, она озиралась вокруг и явно не знала, как поступить. Потом встала, молча вышла из класса и вернулась с директором. Он велел Мишке встать, собрать вещи и идти за ним. «За что вы его? – закричал Гришка, – Он ничего плохого не сделал, просто ответил на вопрос!». Тогда директор увел обоих – и Мишку, и Гришку. Больше мы их в школе не видели. Ходили слухи, что «за хулиганство» их перевели в другую школу. А учительница потом весь урок плакала.

В январе 1955 года к нам пришел дядя Саша, муж папиной сестры. Он был инженером на одном из крупнейших московских заводов, который, конечно же, в те годы назывался «Завод имени Сталина», сокращенно – ЗИС. Он рассказал, что за перевыполнение плана их завод награжден посещением Мавзолея. В те годы в Мавзолее, кроме Ленина, лежал еще и Сталин, и попасть туда было очень трудно – надо было стоять в очереди много часов, не все могли это выдержать. Но полагалось думать, что все мечтают там побывать. И вот у дяди Саши появилась возможность пройти туда без очереди.

Он рассказал, как придирчиво отбирали членов делегации – только передовики производства, обязательно члены партии, и все такое. Делегатам, имеющим детей, разрешалось взять их с собой. Поэтому дядя Саша и пришел к нам. Дело в том, что его дочь Рая в то время была еще грудная и нести ее в Мавзолей не имело смысла. Дядя Саша предложил взять туда меня вместо Раи – чтобы не пропадал зря такой редкий шанс. Он объяснил, что его уже внесли в список, сделали пометку «с ребенком» и при этом проверили только штамп в паспорте о наличии дочери, а год рождения не спросили. Второй проверки не будет. Мама посомневалась, но он ее уговорил, и она меня отпустила.

В Мавзолее меня поразило, что «два сокола ясных» лежали валетом, то есть подметками друг к другу, а головами в разные стороны. В точности как мы с сестренкой на узкой вагонной полке, когда ездили с мамой в Ленинград. Как-то совсем не вязалась их поза с трогательной картиной задумчивого «прощания на дубу зеленом».

Ленин лежал в черном костюме, а Сталин в одежде цвета хаки, совсем как 1-го мая на Мавзолее. Цвет лица у обоих был скорее как у живых. Я это заметила, потому что к тому времени уже видела мертвых людей. Я подумала, что «соколов ясных», наверно, подкрашивают, и эта идея меня ужаснула. Не полагалось так думать про них.

Говоря о Сталине, мы никогда не называли его «Сталин», это считалось неприличным, надо было говорить

«товарищ Сталин». Портреты его считались чуть ли не священными. Помню, однажды наш сосед, герой-фронтовик, завернул селедку в газету с портретом Сталина и – о ужас! – лицо Сталина оказалось заляпанным жирными пятнами. Другие соседи сделали герою замечание, он огрызнулся. На следующий день его маленький сын плакал во дворе. Он сказал нам, что какие-то люди ночью увели папу...

Ох, уж эти газеты. Их специально рвали на куски и складывали в мешочек в уборной, чтобы использовать как туалетную бумагу (о существовании которой мы в те годы и не слыхивали). При этом надо было внимательно следить, чтобы в мешочек не попали портреты Сталина и других советских вождей – это тоже могло стать причиной больших неприятностей. Рвать газеты для уборной надо было с умом, и поэтому детям эту ответственную работу не поручали.

Вспоминается еще один эпизод, тоже связанный с портретом Сталина в газете. У нас в доме ходила по квартирам одна чудаковатая старушка, почти нищая. Никто не помнил ее имени, все звали просто Бабушка. Она помогала перешивать одежду, а за это ее кормили. Однажды у нас на кухне она соорудила мне пальто из старого мамино. Я сидела под столом и смотрела, как она это делает. Иногда она отдавала мне лоскутки для кукол. Потом ей понадобилось что-то прогладить. В те годы электрических утюгов не существовало, были чугунные – очень тяжелые, их надо было нагревать в пламени, на газовой плите, а потом брать в руку толстой прихваткой, чтобы не обжечься. При этом трудно было рассчитать температуру, и иногда утюг был слишком горячим и жег ткань. Вот и в тот раз, боясь опалить ткань, Бабушка стала гладить через газету. А в газете был большой портрет Сталина. Заметив это, Бабушка обрадовалась и злорадно сказала: «Попался, голубчик! Ну, теперь я с тобой поквитаюсь!» И стала утюжить лицо Сталина так яростно, что газета задымилась. Я онемела от ужаса – так обращаться с великим Сталиным, это у меня в голове не укладывалось.

В этот момент в кухню вошла наша соседка Эмилия Ивановна (мы звали ее Миливанна). Пожилая, неграмотная, но по-житейски очень мудрая женщина. Она, видимо, мигом все поняла, увидела и мой испуг, и дымящуюся газету, и Бабушку с утюгом. Схватив газету, она смяла ее в комок и сказала Бабушке: «С ума ты сошла? В тюрьму захотела? Скажи спасибо, что, кроме меня, здесь никого нет!» Потом нагнулась ко мне под стол: «Вера, и ты мол-

чи». Ну, я и молчала. Долго молчала, много лет. Только сейчас вот рассказываю.

Что сделала Миливанна с комком газеты? Думаете, выкинула в помойку? Как бы не так! Она сожгла его в раковине. Она понимала, что в помойке этого «горелого Сталина» могут найти, и тогда бы плохо пришлось не только Бабушке, но и жильцам нашей коммунальной квартиры, в том числе ей, Миливанне.

Не люблю обсуждать российскую жизнь с теми, кто в ней ничего не понимает. Такие люди иногда говорят: «Что ж вы Сталина критикуете, вы ведь сами его выбрали?» Когда слышу такое, мне смешно.

Многое изменилось с тех пор. Другое время – другие слова. И мысли другие. Наша улица теперь носит имя Александра Солженицына, и на ней стоит памятник ему. Соседняя улица, бывшая Малая Коммунистическая, называется улицей Станиславского. А Большой Коммунистический тупик, соединявший две эти улицы во времена моего детства, сейчас не имеет никакого названия.

Просто тупик.

Сергей Алексеевич Косов, 76 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ФИЛИ-ДАВЫДКОВО

Мои самые первые и яркие воспоминания о Москве – это салют, посвященный Победе в 1945 году! Мне было всего несколько месяцев! Яркие вспышки разноцветных огней напоминали метание прожекторов в небе, эти воспоминания остаются со мной все годы.

Родился я на Старом Арбате рядом с кинотеатром «Художественный», детство и юность мои проходили уже в районе Дорогомилово, на Кутузовском проспекте. Рассказывая о своей юности, мне очень хочется поделиться воспоминаниями о зимних забавах – катании на самодельных лыжах, которые ребята изготавливали из бочки. Ребята были очень дружные, обычно нас не могли загнать домой с улицы, пока наши родители не начинали громко кричать на весь двор наши имена! Мое детство прошло очень весело, жили мы дружно в коммунальной квартире, а соседский мальчишка Борис Бархатов сыграл главную роль в фильме «Сережа». А поверите ли Вы, если я расскажу Вам о том, что раньше на склонах у реки, где сейчас находится театр Петра Фоменко, мы сажали и выращивали картошку!

Вот такие развлечения были в Москве у мальчишек того времени.

На выпускном балу, в школе, я увидел великолепно танцующих вальс одноклассников, огромное желание научиться танцевать привело меня в танцевальную школу ДК «Горбунова» на Филиях к известному балетмейстеру Давиду Оскаровичу Шлиферу.

С тех пор моя жизнь – это танцы! Я танцую сам и преподаю.

Москва постоянно напоминает мне о ярких событиях моей жизни!

Маргарита Николаевна Елизарова, 76 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТИМИРЯЗЕВСКИЙ

Москва... У каждого человека она – разная, своя. Я - москвичка в четвертом поколении. Наверное, таких осталось мало, ведь в 90-е годы откуда только не приехали в город теперешние москвичи! Я очень скучаю по моей Москве, Москве моего детства, юности.

Иногда воспоминания так захлестывают, что спешишь окунуться в те времена и пройтись по знакомым с детства местам. Я родилась в самом центре Москвы, в родильном доме имени Крупской на Тверской-Ямской. Надежда Константиновна не стала матерью, но в родильном доме ее имени появилось на свет не одно поколение счастливых детей.

Рядом шумная улица Горького, а здесь – тихий зеленый уголок, лишь доносился звон колокольчиков проезжающих трамваев. Рядом – Лесная улица, трамвайный парк, куда на ночлег отправлялся этот, так любимый москвичами вид транспорта. А рядом – продовольственный магазин, местные жители называли его «Трамвайка». Бабушка брала меня за руку, и мы шли туда покупать 200 грамм «Любительской» колбаски, 1 литр разливного молока, батон пахучего, свежее испеченного хлеба, иногда небольшой кусочек мяса. Жители послевоенного времени жили очень скромно, семья была большая, но мои родители были очень хлебосольны и любили встречать гостей.

Когда мама пекла пироги, дух выпечки разносился на весь дом, и соседские ребята с нетерпением ждали угощения.

До пяти лет я росла без отца, мама много работала, и дед с ба-

булей стали мне папой и мамой. Я так их и называла. А маму с тех пор и до ее ухода из жизни звала «мамочкой».

Меня баловали, жалели, особенно дед. Каждый день на улице я ждала его прихода с работы, увидев издали, бежала навстречу, и дед доставал из кармана припасенную заранее конфету.

Дед частенько выпивал, и бабушка ему выговаривала. Но прощала эту слабость, ведь он многое испытал. Дед прошел всю Великую Отечественную войну, участвовал в

Сталинградской битве, чудом выжил. Родным пришлось испытать еще одно потрясение. До конца жизни ждали возвращение маминого брата Михаила, который в шестнадцать лет, приписав себе два года, ушел добровольцем в Ополчение, в партизанский отряд. Семья получила два извещения: первое – пропал без вести, второе – погиб смертью храбрых.

И так, потихонечку, вспоминая детство, пришла в Горлов тупик, где прожила вместе с родителями до двенадцати лет. Горлов тупик начинался от Лесной улицы и выходил на Новослободскую, это 10 минут пешком до Белорусского вокзала. Чем же переулочек запомнился мне? Узкой пешеходной дорожкой и небольшими двухэтажными домами. Все знали друг друга, и любое событие находило отклик у наших соседей, будь то свадьба или похороны.

Дворники следили за по-

рядком, спозаранку начинали мести свою территорию. А зимой, во время снегопада, к нам во двор приходили и соседи, от которых, конечно же, не отставала и ребятня. Летом в палисадниках зацветали цветы, а к осени двор украшали золотые шары рудбекии. Жители знали, что Горлов тупик соседствует с Бутырской тюрьмой, но не боялись этого учреждения, а, скорее, жалели его обитателей, они же видели массовое освобождение заключенных по случаю амнистии 1953 года.

И еще. Часто вспоминаю день похорон И.В. Сталина, когда вдруг загудели трубы заводов и фабрик (а их в то время было немало), весь транспорт остановился – это было страшно! И мы, дети, горевали вместе со всей страной о кончине Вождя.

Но жизнь продолжалась, я начала ходить в школу! Училась с удовольствием, слету запоминала все, что нам преподавали учителя. И оставалось много свободного времени на прогулки, игры, общение с друзьями.

Помню случай, когда мы с девчонками прыгали через скакалку не переставая почти четыре часа. До одурения! Но были счастливы, что никому не удалось побить наш «рекорд».

Шло массовое строительство пятиэтажек, и наша семья из четырех человек получила комнату в квартире с удобствами. Об отдельной квартире в то время мы и не мечтали! Не ходить на колонку с ведрами за водой, таская ее на себе, иметь ванную, не грея ведрами воду, это было для нас огромное облегчение. И мы благодарны «хрущевкам», которые так улучшили нашу жизнь!

И есть еще одно событие, о котором я не могу не сказать. Шел 1961 год, я училась в техникуме на Бауманской, мне было пятнадцать лет. Идут занятия, и вдруг мы узнаем о событии, перевернувшем историю нашей страны: гражданин Союза Советских Социалистических республик совершил первый в истории человечества космический полет! Помню всеобщий триумф, ликовала вся страна, весь народ. Мимо шли толпы людей, звучала музыка. Разве могли мы остаться в стороне?! Никто не мог остановить нас, попрыгали мы из окон первого этажа и влились в ряды людей, спонтанно идущих на Красную площадь. Это было единение всего народа, гордость за свою страну. Это было счастье! И это была и есть моя Москва!

Антонина Михайловна Разборщикова,

73 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЮЖНОЕ БУТОВО

Я – москвичка, даже не знаю в каком поколении. Но писать буду только о том, что видела хотя бы на фотографиях и о чем слышала от непосредственных участников событий.

Я родилась в послевоенной Москве в доме с названием «Красная коммуна». Сначала я думала, что дом так называется потому, что он был построен из красного кирпича. А через дорогу от него находился очень похожий на наш дом, только желтого цвета. «Наверно, этот дом называется «Желтая коммуна», – думала я. Но потом мама и бабушка рассказали мне историю нашего дома.

Это был старинный особняк с парадным входом и черной лестницей на кухню. Высокие двери, широкая лестница, огромный узорчатый балкон. Коридоры, которые были настолько огромны, что можно было кататься на велосипедах; ванная комната, в которой танцевать было можно, такая она была большая. И вот этот дом заселили разными людьми. И моя бабушка получила в нем комнату от трамвайного парка. Сосед, которому досталась комната с балконом, устроил на балконе голубятню. Этажом ниже жил доктор, который никому не отказывал в лечении, кто бы и когда бы к нему не обратился. Но однажды ночью за ним приехал «черный воронок». Больше нашего доктора никто не видел.

Все события страны прошли через наш дом. Один из первых пионерских отрядов появился у нас. В доме был свой пионервожатый. Каждое утро он и горнист выходили во двор и созывали ребят на утреннюю зарядку. Куда только он не водил ребят! С горном и барабаном они шли строем по улице в кино, в музей или еще куда-нибудь и

езде бесплатно. Об этой части истории нашего дома мне рассказала моя мама.

Во время войны мама, как и другие жители дома, дежурила на крыше, спасая наш дом от пожара. Она следила за «фугасками», которые падали на крышу, и, пока они не взорвались, она должна была быстро схватить их и бросить в специально приготовленный ящик с песком.

Недавно я водила свою внучку по местам, где когда-то жила. Наш дом жив и до сих пор служит людям. Большую его часть занимает общежитие для студентов театральных вузов. Правда, дом очень сильно изменился. И цвет у него больше не красный. И вместо больших парадных дверей – теперь маленькие железные, но с кодовыми замками. И вместо уютных окон – безликий стеклопакет без форточек и перемычек. Да и вместо балкона остался только выступ без ограды. Новые времена, новые понятия о красоте и удобстве.

Про Собор

Помните фильм «Покровские ворота»? Как там ломали дома с помощью гири, подвешенной к подъемному крану. Таким образом ломали и Собор Александра Невского. Только вместо гири был шар. Собор Александра Невского начали строить в 1911 году и строили до 1917 года. До ума довести не успели и стали думать, что там можно разместить. Ведь здание большое, второе по величине после Храма Христа Спасителя. Не нашли ничего лучше, как взорвать. В 1931 году Собор взорвали, но взрывом смогли уничтожить только его часть. Жители говорили: «Раньше на яйцах здания строили, и они были такие крепкие, что никакому взрыву их не уничтожить». Мы называли то, что осталось после взрыва, «графскими развалинами» и любили лазить на стены по кирпичам. Кирпичей было очень много. И когда, наконец, с помощью подъемного крана и тяжелого шара собор был уничтожен, фундамент Собора и оставшиеся кирпичи пошли на строительство Дома пионе-

ров. Собор полностью снесли в 1952 году, а Дом пионеров построили в 1960 году. Сейчас это Дворец творчества детей и молодежи на Миуссах.

Про улицы и парки

Дом, в котором я родилась, находился в переулке Александра Невского. Переулок упирался в Собор Александра Невского, а позднее в Дом пионеров. За этим зданием находился Миусский сквер, куда мы ходили гулять и который существует до сих пор. А если мы пойдем по переулку в противоположную сторону, то через один дом окажемся на улице Горького. Теперь это 1 Тверская-Ямская улица. По праздникам, вечерами, мы гуляли по ней, чтобы посмотреть на иллюминацию. Самая лучшая иллюминация была на Центральном Телеграфе. До него мы доходили обязательно, а дальше можно было идти назад, так как ни Исторический музей, ни Красная площадь не могли сравниться с Центральным Телеграфом. А еще мы ходили по улице Горького до театра Сергея Образцова. Этот театр был организован в 1931 году, но до 1937 года не имел постоянного места жительства, был передвижным. И только в 1937 он обосновался по адресу: улица Горького, дом 32а. А рядом с этим театром стоял дом, в котором жила подруга моей бабушки. У нее у первой появился телевизор, и мы ходили к ней смотреть телепередачи. Телевизор вещал не как сейчас – практически круглосуточно, а совсем недолго, поэтому, когда мы приходили, а программа телевидения еще не начиналась, я смотрела в окно на кукольный театр. Уже тогда на его стене были часы с выходящими куклами. Позже мы поменяли место жительства, так как в Красной Коммуне в одной комнате нас было шестеро (две семьи), а после переезда на Краснопролетарскую улицу каждая семья из трех человек получила по комнате, хотя общий метраж этих комнат был меньше той комнаты, из которой мы уехали. В новой коммунальной квартире ванной не было, и мы ходили в Селезневские бани. Когда я смотрела фильм «С легким паром», я вспоминала наши походы в баню.

Проживая в этом месте мне, очень запомнились праздничные дни. Мы шли к метро «Новослободская». Там всегда продавали разные игрушки и сладости: мячики на резинке, петушки на палочке, флюгера, восковые уточки. Родители нам с сестрой что-нибудь покупали, и мы шли с демонстрацией к Красной площади. Очень похоже показана демонстрация в фильме «Застава Ильича».

А еще я помню 28 июля 1957 года. Открытие VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Фестиваль длился две недели. Приехало огромное количество людей из 131 страны. Мы готовились. Нам раздали красивые яркие картинки с эмблемами фестиваля, с голубями и другие. Куда мы их только не клеили! Окна с наклейками создавали праздничную атмосферу на улицах. Гости фестиваля, казалось, были везде. Даже по нашему тихому переулку, куда выходили наши окна, и где ребята спокойно катались на велосипедах, ходили толпы иностранцев. Новые песни, новые костюмы, новая еда. Праздник!

Я училась в школе № 195. Она находилась на Селезневской улице за пожарной каланчой. В школе не было своего двора, так как двор принадлежал пожарным. Они там учились бегать по бревну, залезать в окна щитовых зданий, разматывать пожарные рукава. За этим было интересно наблюдать.

Наши школьные мероприятия (начало и окончание учебного года, уроки физкультуры) проходили в детском парке. Парк был очень большой. Для нашей школы было выделено целое поле с трибуной. Там были и аллеи, и детские площадки, и игротека, а рядом находилась детская поликлиника. Зимой на нашем поле заливали каток, и уроки физкультуры мы проводили на коньках. Но больше всего зимой мы любили гулять в другом парке, который назывался «Антроповой ямой». Большую часть это-

го парка занимал пруд. Он был огорожен по краям. А за ограждением поднимались высокие берега. Мы их раскатывали до льда и съезжали вниз на ногах или картонках. А ограда пруда зимой превращалась в трамплин. Сейчас я посмотрела на этот пруд и ужаснулась. Как я могла ехать с разгона, стоя на ногах с этой высокой ледяной горки, подпрыгивая на трамплине. А сзади, догоняя, за меня цеплялись другие ребята. Это называлось «паровозик».

А сейчас нет школы, а, следовательно, и поля в детском парке. Теперь там множество площадок для самых маленьких. Самое интересное, что даже номера дома, в котором мы жили, теперь не существует. Дом вместе со своим номером утонул, поглощенный другими домами.

С тех пор прошло много лет. Москва строилась и развивалась. Появились новые районы. И сейчас я живу в Южном Бутове – одном из самых молодых, красивых и благоустроенных мест города, в котором есть все для счастливой жизни.

Юрий Алексеевич Лукьянов, 85 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
МИТИНО

Москва, 50-е годы прошлого столетия. Я с мамой и сестрой живу в коммунальной квартире в центре Москвы, в десяти минутах ходьбы от Кремля. По соседству живет генерал с женой и сыном, актриса, курьер. Живем дружно.

Из моего окна на восьмом этаже хорошо видна Арбатская площадь, ресторан «Прага», кинотеатр «Художественный». День и ночь перестук трамвайных колес, громкие гудки многочисленных машин.

Мой отец погиб на фронте в 1942 году. Мама работает на ткацкой фабрике. Живем очень бедно. Маленькой зарплаты едва хватает прокормить меня и сестру. И вот в один из дней 1951 года на нашей большой коммунальной кухне появился Коля Пармонов, его родители жили по соседству.

Стройный, сильный он делал зарядку с тяжелыми утюгами, вместо гантели. Я им восхищен, он посмотрел на мое тощее тело и сказал:

— Ну что, Юрка, давай из тебя тоже сделаем человека!

И с легкой руки Коли Парамонова я поехал поступать, в Московское артиллерийское подготовительное училище, по типу Суворовского училища.

Оно находилось недалеко от станции метро «Автозаводская».

Так началась моя военная жизнь. Учеба, физическая подготовка, строгая дисциплина, жизнь в большом коллективе вдали от мамы.

Нас одели в военную форму, как у настоящих офицеров. Преподаватель обращался к нам на «Вы». Воспитателями были офицеры, прошедшие войну. При получении приказа мы любим отвечать вместо «Слушаюсь!» – «Честь имею!».

До сих пор помню добрейшего и хозяйственного старшину Краюшкина. В его каптерке находилась подменная одежда, пусть не новая, но чистая, и обувь, ношенная моими предшественниками, но начищенная до блеска.

Сидел я за одной партой слевой Васильевым. В будущем он станет академиком. Он сирота, родители погибли. Военная служба то сводила, то разводила нас в разные концы страны. Дружим мы с ним всю жизнь.

Не могу не упомянуть преподавателя астрономии и «Основ дарвинизма» Порфирия Львовича, его захватывающие рассказы о звездах.

Тогда я не предполагал, что разработка космических аппаратов станет моей профессией, а расчет космических орбит будет темой моей кандидатской диссертации.

С уважением к вам, дорогие читатели, ветеран военной службы Российской Федерации, полковник Лукьянов Юрий Алексеевич.

Москва

творческая

Римма Васильевна Пухова, 89 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ

«Жизнь – не те дни, что прошли,
а те, что запомнились.»

П.А. Павленко

Мне запомнилось мое счастливое детство. Родилась я в Москве, а первые мои воспоминания связаны с Трубной площадью. На площадь выходит Трубная улица, Цветной бульвар, Неглинная улица, Рождественский и Петровский бульвары. За Петровским – Страстной бульвар. Для меня, шестилетней девочки, это было излюбленное место. Ведь на нем располагалась парашютная вышка и прокат велосипедов. Особенно я любила прыжки с парашюта и увести меня с вышки было непросто. Моему отцу приходилось тратить все свои сэкономленные деньги, чтобы оплатить мои любимые развлечения. Возвращаясь домой за руку с отцом, глядя по сторонам, я сочиняла свои первые стихи – о парашютах и летчиках, и, конечно же, о Москве.

В школьные годы я всерьез увлеклась сценическим творчеством. Моим излюбленным местом стал Большой театр и МХАТ. Придя с занятий и бросив портфель, я убегала на спектакли, чтобы не упустить ни одну постановку, проходившую на сценах этих театров. Моими кумирами были Ливанов, Степанова, Кторов, Яншин, Грибов. И, конечно же, я сама мечтала стать актрисой. Поступив в театральную студию при Дворце Пионеров, я познакомилась с Сергеем Юрским и Владимиром Земляникиным, которые, так же как и я, постигали здесь азы актерского мастерства. На память о Сергее Юрском мне осталась книга, подаренная будущим народным артистом РСФСР, на титульном листе которой он оставил надпись: «Будущей актрисе – будущий актер. Москва. 18 июня 1948 г.». Сбыться этому предсказанию не случилось, я не прошла 2-ой вступительный тур в Щукинском училище. Этот факт привел меня в педагогический класс, окончив который, я раз и навсегда посвятила свою профессиональную жизнь работе с детьми.

Об этом времени мне напоминает фотография, снятая в 50-х годах. На ней – я и поэт Евгений Евтушенко обсуждаем вопросы, связанные с эстетическим воспитанием школьников. Подпись на обратной стороне сделана Евтушенко спустя 30 лет после даты снимка, на другой творческой встрече с поэтом.

В моей судьбе было еще много запоминающихся встреч с интересными людьми, и я благодарна моей любимой Москве за эту возможность!

Рашит Рауфович Ишметов, 68 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ПЕЧАТНИКИ

*Мы – москвичи! Что ж делать милый друг!
Кинь нас судьба на север иль на юг,
У нас всегда со всею нашей славой – в душе одно:
Москва и Кремль золотоголовый.
К. Аксаков, 1840 год*

Я родился в Москве в один день с Комсомолом – 29 октября 1952 года, через семь лет после окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., когда был жив еще товарищ Сталин. Это были времена грандиозных пятилеток и гигантских строек «коммунизма» в Советском Союзе. Планы, замыслы, да и судьбы многих советских людей были подчинены выполнению планов Коммунистической партии.

Наша семья из шести человек (родители спали на одной кровати, тетка на другой, бабушка и прабабушка на третьей кровати, ну, а мне, из-за нехватки места, пришлось спать на полу) проживала в 7-ми метровой комнате на Цветном бульваре, д.18 (напротив старого цирка, этот дом до сих пор стоит и «здоровствует») в доходном доме постройки начала двадцатого века.

В комнатухе площадью 7 кв. метров мы жили вплоть до 1958 года. Родителей, в этом детском возрасте практически не помню, все время проводил с бабушкой по отцу, который в возрасте 16-ти лет пошел работать на номерной, фронтальной завод в районе метро «Динамо», и первая запись в его трудовой книжке датирована 6 марта 1942 года. Раритет!

Один дядя по матери воевал на фронте танкистом, а после войны еще тридцать лет работал на ЗИЛе (Завод им. Лихачева) в горячем цехе, второй – дядя Коля, вернулся с фронта инвалидом – без одной ноги, а дед по матери погиб на фронте, надо отдать им дань уважения и вечная им память – они внесли свою посильную лепту в Великую Победу над фашизмом.

Весной 1958 года мы переехали из семиметровки на Цветном бульваре в коммунальную квартиру на Ленинградском проспекте, д. 33, кв. 197, что у метро «Динамо», напротив Стадиона юных пионеров (СЮП), где кроме нас проживало еще две семьи.

И получается, что проживало в этой коммуналке вместе с нами 12 человек, окно нашей комнаты на седьмом этаже выходило на Стадион юных пионеров. Зимой того же 1958 года, с целью укрепления здоровья, меня отвели в секцию фигурного катания на СЮП, который, в то время являлся своего рода кузницей кадров по подготовке будущих олимпийских чемпионов по фигурному катанию.

Мне посчастливилось кататься рядом с будущим олимпийским чемпионом Алексеем Улановым, который катался в паре вместе со своей сестрой Леной, будущим

чемпионом мира Ковалевым Володей, Ирочкой Черняевой, мамой олимпийской чемпионки в танцах на льду Марины Анисиной, Васей Благовым, Андреем Миненковым, видел, как каталась в паре со своим партнером – ныне покойным Георгием Проскуриным, молодая и великолепная Татьяна Тарасова.

Заниматься было тяжело: много тренировок, в том числе на открытом воздухе, занятия по хореографии и физкультуре, частые соревнования, да еще морозы в те времена стояли в Москве крепкие. Вот так на морозе я закалялся с детства!

Поскольку хореографии было мало, а превалировали тренировки с физической подготовкой, меня отвели в заводской клуб им. Чкалова, что у Белорусского вокзала, где нас учила азам танцевального искусства бывшая балерина Большого театра, заслуженная артистка СССР Алла (Александра) Сергеевна Цабель, мама Ксении Рябинкиной, балерины Большого театра.

В 1965 году я бросил школу фигурного катания на Стадионе юных пионеров, так как в то время у фигуристов-одиночников, кроме произвольной программы, была и обязательная, которая заключалась в необходимости нудно «чертить» на льду петли, восьмерки и другие фигуры, что вызывало во мне отторжение.

В сентябре 1966 года меня взяли с испытательным сроком в только что созданную Студию народного танца при ансамбле Игоря Моисеева. В Студию принимали только с 16-ти лет, да и только по конкурсу, а мне еще не было и четырнадцати лет.

Студию народного танца, репетиционный зал которой находился во Дворце культуры им. Горького на Вятской улице в Москве, возглавил зять Игоря Моисеева Борис Петров, ему помогали Данилов Николай (народный артист РСФСР, бывший солист ансамбля Моисеева) и Седа Тиграновна Васильева (бывшая солистка Ереванского театра оперы и балета).

Сам Игорь Моисеев несколько раз посещал наши репетиции и некоторые «студийцы» были приняты в качестве артистов балета в прославленный моисеевский ансамбль: Саша Стрелков, Валя Ивашечкина, Володя Иванов.

В студии мы исполняли танцы в основном из репертуара ансамбля Моисеева, репетиции проходили очень напряженно по три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу с 19 до 22 часов. Нагрузки на репетиции были большие: бывало, на следующее утро я с трудом вставал, чтобы идти в школу, все тело болело и ныло. Но делать – то нечего.

Наступил 1970 год – год окончания десятого класса и год призыва в армию. В июне, сдав выпускные экзамены, я получил Аттестат зрелости, а в сентябре прошел дополнительный конкурс в Хореографическое училище при Большом театре, в 5-е РКО (Русско-классическое отделение), где руководителем был бывший солист хора им. Пятницкого, народный артист РСФСР Климов Андрей, урок классического танца вела народная артистка СССР Марина Семенова.

Чтобы продолжить танцевать и в армии, я перевелся в военный ансамбль Внутренних войск МВД СССР, и 20 ноября 1970 года я вошел в КПП для прохождения срочной службы в воинскую часть неподалеку от метро «Преображенская площадь», где в то время базировался солдатский ансамбль песни и пляски, но прежде, чем попасть в ансамбль я полтора месяца прослужил в учебной роте, осваивая азы нелегкой солдатской службы, а уж потом, в конце декабря 1970 года, приняв присягу с автоматом Калашникова в руках, перешел на срочную службу в солдатский ансамбль.

С апреля и по октябрь у нас начинались гастрольные поездки по городам, где выступали перед военнослужащими внутренних войск МВД СССР, а также перед трудящимися в городских парках и домах культуры в таких городах, как Курск, Тамбов, Тула, Калуга, Воронеж, Брянск, Рязань, Саранск, Явас (под Саранском).

О жизни в Советском Союзе, я уверен, не стоит говорить исключительно в негативных тонах, как это принято сейчас, это было бы неправильно: было и положительное в жизни обыкновенных советских людей.

А закончить воспоминания мне хотелось бы отрывком из стихотворения о Москве, написанном поэтом Михаилом Дмитриевым в 1847 году (в год 700-летия образования Москвы):

Вы дивитесь, что мы славим
Нашу древнюю Москву,
Что высоко в песнях ставим
Царства русского главу.

***** .. *****
....

Духа русского твердыня,
В смутах, в пламени жива,
Веры древности святыня,
Где другая есть Москва?

Светлана Васильевна Марей, 67 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
АЛТУФЬЕВСКИЙ

НАШ ПОЕЗД ПРИБЫВАЕТ В СТОЛИЦУ НАШЕЙ РОДИНЫ, В ГОРОД-ГЕРОЙ МОСКВУ!

Зазвучала задорная музыка, заколотилось радостно сердце. И только нежное утреннее солнышко застенчиво улыбалось в окно.

На площади Курского вокзала нас с мамой шумно встретила стая голубей.

Молодой, улыбающийся таксист мгновенно поддался бурному восторгу моего сердца, впервые ворвавшемуся в город мечты своего детства. Всю дорогу от души он рассказывал обо всем, что попадалось нам на пути.

Здравствуй, Москва! Я приехала к тебе навсегда!

Машина свернула на узенькую улочку и подвезла нас ко Второму Бабьегородскому переулку. Добротные двухэтажные домики из красного кирпича были гармоничной неожиданностью среди множества высотных зданий. В одном из этих домиков нас ждали наши московские друзья, с которыми мы были связаны долгими годами совместного проживания в военном городке на Западной Украине. Это была красивая дружба. Наши родители до последних дней жизни подавали нам пример бескорыстных, настоящих, добрых человеческих отношений между людьми.

Утренний кофе удивил меня бутербродами с мягким, как масло, московским сыром «Янтарь». Это было тогда мне в диковинку. На Кавказе я привыкла к серому и белому хлебу. А здесь щекотал ноздри запах бородинского хлеба, пышных белых батонов.

Мне не терпелось выйти на улицу! Ведь это была не просто улица, это была столица моей Родины – Москва!

Во все века город непрерывно строился. И первое, что я увидела, это была огромная стройка картинной галереи напротив Парка культуры имени Горького. А через неделю с сыновьями наших друзей мы уже лазили по железобетонным плитам будущей галереи, гуляя с их овчаркой Рагнедой. Нам было по 17 лет.

Ноги сами привели меня к станции метро «Октябрьская». Конечно же, я спустилась в этот прекрасный подземный мир красоты, архитектуры и сказки. Впервые ехала по кольцевой линии метро, выходя на каждой станции. Больше всего меня впечатлили витражи на станции «Новослободская». Мою жизнерадостную творческую натуру очаровывали яркие и сочные краски жизни. Сыновья наших друзей, Иван и Степан, были очень удивлены, что свой первый день в Москве я провела в метро.

Вечером столичные мальчики повели меня в кинотеатр «Авангард». В моем городе, Моздоке, в те времена было три кинотеатра. И когда мы выходили в кино, было принято надевать самую красивую, нарядную одежду. В Москву я привезла лучшее из лучших – белоснежное выпускное платье, все в кружевах и рюшах. Гордая и уверенная в своей красоте, я появилась перед мальчиками. Они переглянулись, но ничего не сказали. Да, в Москве не ходят в кино почти в одежде невесты. Но они еще не знали, что ждет их в самом кинотеатре от этой смелой провинциальной девушки...

В каждом кинотеатре Москвы были большие залы ожидания, где люди могли выпить стакан лимонада, посмотреть документальные фильмы, порой послушать музыку, поговорить между собой до начала сеанса. В этом кинотеатре беспорядочными рядами частично была заполнена территория этого зала. На экране шел документальный фильм. Ряды были частично заполнены зрителями. И я никак не могла понять, почему мои спутники скромно стоят в сторонке и не занимают свои места в зале. Я строго спросила, какой у нас ряд. Но эти знания мне не помогли, так как на рядах нумерации не было. Привыкшая все доводить до конца, я отсчитала 7 ряд, 10 место. Раздвигая удивленных людей, я шла к цели. Десятое, по моим подсчетам, место было занято.

— Простите, но это место мое.

Счастливая влюбленная пара объяснила мне, что это еще не зал. Мои спутники оцепенели, втянув головы в плечи.

— Иди сюда. Зал вот за этими огромными дверями. Еще рано.

Но я их уже не слышала. Никто не может открыть две-

ри? Сейчас я это сделаю и всех запущу. Хрупкая, в белоснежном платье девушка, с пышной шевелюрой волнистых волос, усердно пыталась сдвинуть четырехметровые двустворчатые двери, закрытые на ключ. Люди внимательно наблюдали и пытались понять, что происходит. И в этой относительной тишине раздался звонкий голос работницы кинотеатра:

— Прекратите хулиганить. Сейчас открою. Нечего ломиться. Урезоньте свою девушку, кавалеры.

Время шло. Я осваивалась и привыкала к столице. Со Степаном мы учились на одном курсе Нефтяного института Нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина. Я часто посещала музеи. Иван очень много знал о живописи, истории. Охотно делился со мной знаниями. Мальчишки водили меня в кино, на вечера в другие институты, в университет. Я узнала много красивейших мест в Москве. А когда пришла первая любовь, в моем сердце поселилась ее величество – Поэзия. Меня постоянно уносило на Ленинские горы. Там душа отдыхала от боли неудач, проблем, высказывалась небу, солнцу и воде о своих тревогах. Осенние листья кружили вокруг одинокого силуэта молоденькой поэтессы, а воздушные образы рисовали все новые картины ее воображения. Здесь, в 19 лет было написано стихотворение «Моя осень». Долгие годы нежность и боль этого стихотворения не покидали мое сердце. Я меняла то фразу, то слово, совершенствуя свое творение. И однажды Союз писателей России удостоил меня за это стихотворение званием лауреата конкурса Цветаевой в номинации «Женский космос». А через время замечательный композитор Елена Кожуховская написала на эти мои стихи романс, который сейчас поют профессиональные певцы, и иногда я на своих концертах.

Долгие годы я стеснялась показывать свои стихи людям. Но много писала. Но однажды начала издавать свои книги, и даже была принята в Союз Писателей России. Здесь я познакомилась с необыкновенно талантливыми поэтами, прозаиками. Многие из них писали музыку на свои стихи, пели песни, давали концерты, творческие вечера. Я тоже стала писать музыку на свои стихи, заниматься вокалом у талантливейшего педагога, Наталии Алексеевны Величко. Концерты вызывали в моей душе эйфорию. Я с наслаждением отдавала пережившую столько бед душу и сердце людям. А они меня понимали! Не отпускали со сцены. И кричали: «Еще! Еще!»

Сцены я никогда не боялась. 10 лет занималась балльными танцами, пела в ансамбле. Получила актерское образование и снялась в 70 фильмах в ролях и эпизодах.

Однажды на Пасху меня пригласили выступить на открытой площадке у Церкви Воздвиженья Креста Господня, которая находится в усадьбе Алтуфьево. Построена она была Никитой Акинфовым, вступившим во владение этими землями в 1670 году. Первое упоминание об Алтуфьево датируется 16 веком. Но тогда это были просто деревянные постройки, не сохранившиеся до наших дней. Имение отстраивалось, переходило из рук в руки. В 1786 году началось активное развитие усадьбы. Владельцем ее стал Степан Борисович Куракин. Господский дом был перестроен, появились галереи, связывающие его с флигелями. До наших дней сохранились мельница и пивоварня. В небольшом пруду водилась рыба, в лесных посадках – дичь. Далее у усадьбы опять было много владельцев. В 1903 году усадьба Алтуфьево была продана под небольшие дачные участки. Перед Первой мировой войной Татьяна Михайловна Унковская открыла здесь частный пансионат, где обеспеченные люди могли поправить здоровье. В доме стоял рояль, а библиотека насчитывала более 1000 книг на разных языках. В последствии на территории усадьбы был организован колхоз.

Долгое время Алтуфьево оставалось селом. А в 60-ых годах территория усадьбы Алтуфьево вошла в состав Москвы.

В настоящее время Алтуфьево – это небольшой парк с церковью, господским домом и некоторыми хозяйственными постройками. Музей организован не был. Здания и земли находятся во владении церкви. Это живописный памятник культуры.

Волею судьбы в настоящее время, я проживаю в районе Алтуфьево. Приехав на Пасху на тот концерт у церкви, мне на голову надели очаровательные девушки сплетенный ими венок из трав и живых цветов. Ромашковый венок гармонировал с моим нарядным зеленым платьем. Я читала стихи, пела. И, выходящие из церкви прихожане подпевали мне. Счастье светилось в моих глазах!

С каждым днем Москва становится все краше, совершенствуется и мой Алтуфьевский район. С 20 этажа моего дома просматривается замечательный пруд, который сейчас реставрируется по высшему разряду. По-прежнему, я бываю на Ленинских, теперь уже Воробьевых горах. По программе «Московское долголетие» тренирую там свои «юные косточки» в оснащенной тренажерами зале. Осенние листья продолжают кружить над головами нового поколения, по-прежнему поражая своей космической красотой.

В нежнейшей синеве улыбка солнца
Ласкает погрустневшие пруды,
Унылые, задумчивые лица,
Ленивую серебряность воды...

Покорны опадающие листья.
Краснеют распечаленные кусты.
Без ваших песен продолжаю жить я,
Вся прячусь в осень, и глаза пусты.

От музыки тонов земля прелестна!
Курлычат в небе стаи журавлей.
И ветра звон, как ноющая песня
Звучит с мольбою, стонет: «Пожалей!»

О, музыка цветов! Я верю в солнце!
Жизнь! Подари мне фейерверк из роз!
Но монотонный дождь звучит в оконце,
И златы кудри зябнущих берез...

Как и многие жители моей страны, я побывала во многих странах мира. Потрясена необыкновенной красотой многих из них. И среди иностранцев встречала замечательных людей. Но почему-то сердцу хочется гордиться своей страной, моей Москвой. Почему-то краше ее для истинно русского человека нет. Такой меня вырастила моя земля. Так здравствуй, Москва!!! Мы с тобой вместе навсегда!!!

Дкоп Александрович Шагикян, 66 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЮЖНОЕ БУТОВО

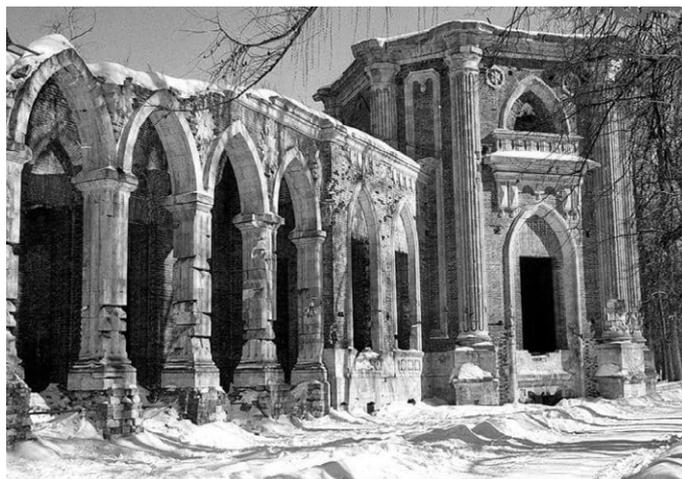
Москва – это город-герой с великим прошлым и прекрасным будущим. Это город, объединяющий людей различных вероисповеданий, национальностей и возрастов с притягательным и неисчерпаемым полем культуры. Со столицей связано много воспоминаний моей жизни. Вот три самые яркие из них.

Главное событие, которое оставило неизгладимое впечатление, проходило в Царицынском парке. Я участвовал в восстановлении дворцов Хлебный Дом и Кавалерский корпус в середине восьмидесятых годов вместе с клубом «Космос».

Мы собирались по утрам в воскресенье, занимались бегом и оздоровительными упражнениями. Царила атмосфера дружелюбия взаимопомощи и радости. Затем, по инициативе руководства клуба, мы принимали участие в восстановлении дворцового комплекса на добровольной основе. Особенно запомнилась живая цепочка, которую мы образовывали в холодную зиму, передавая друг другу кирпичи и складывая их на полуразрушенные стены Царицынского дворца.

Так выглядели части Большого Царицынского дворца до восстановления (архитектор Казаков, 1796 год).

Особое впечатление на меня произвело мое первое посещение музея Николая Рериха в Москве. Его картины потрясли меня своей светоносно-

стью, выразительностью и глубоким философским смыслом. В этом музее можно не только прикоснуться к прекрасному, но так же углубиться в тайны мироздания.

Ежегодные шествия «Бессмертного полка», которые проходят в Москве в День Победы, всегда живы в моей памяти, как напоминание о моем папе и его героическом поколении. Папа прошел всю войну, три раза был ранен и навсегда остался для меня примером смелости и мужества.

Моя жизнь в современной Москве тесно связана с проектом «Мой социальный центр» района Южное Бутово, на практике реализующим изречение великого китайского мудреца древности Конфуция: «Человек постигает истинную ценность жизни и начинает реализовывать свои возможности только после шестидесяти лет».

Здоровый образ жизни – это необходимость для каждого. Как всем хорошо известно, ЗОЖ приобрел особую актуальность в наше время. Из-за резкого возрастания количества больных с вирусными заболеваниями. Бутовский лесопарк – это прекрасное место для физических упражнений

ранним утром. Мой здоровый образ жизни основан на принципах йоги, Тай-чи и Аюрведы. Особенно благотворно влияют на здоровье специальные физические упражнения и комплекс по Тай-чи, которые я провожу и зимой и летом босиком.

Неотъемлемой частью здорового образа жизни является любовь к животным. У меня это выражается через вегетарианство, которое я практикую примерно последние сорок лет жизни. Как известно, голуби являются символом мира во

всем мире. Москвичи любят кормить этих птиц. Я не являюсь исключением.

Лошади отличаются своей красотой, преданностью и трудолюбием. Как известно, в Москве имеются много конных клубов, один из них находится в Южном Бутово.

С этой лошастью я подружился сразу и назвал ее «Белая Лебедь» из-за белого цвета и смиренного, преданного характера.

Светлана Борисовна Горячева, 70 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
СЕВЕРНОЕ БУТОВО

Моя Москва – это, прежде всего, люди, жители столицы. Те, что жили много десятилетий назад и те, что живут сегодня. Они строили Москву, защищали ее, прославляли своим искусством. Конечно, балетом. Конечно, театром и кино, музыкой и поэзией... «Всей бессонницей я тебя люблю, всей бессонницей я тебе внемлю – о ту пору, как по всему Кремлю просыпаются звонари...». Так писала о любимом городе коренная москвичка, поэт Марина Цветаева.

А архитектура Москвы и театры, музеи и скверы, парки и соборы – это обрамление жизни, своеобразный ее венец. Это то важное, скорее, даже необходимое, что помогает жить радостно и наполнено.

Скажите, пожалуйста, любители живописи, вас когда-нибудь смущала огромная очередь на грандиозную выставку в музей Изобразительных искусств им. Пушкина? Особенно, если там, допустим, выставляются полотна Леонардо да Винчи? Вас смущала длинная очередь в музей в лютый мороз или сильную жару, когда впереди наслаждение от увиденного? Когда потом стоишь у этих полотен в задумчивости, перенесясь мыслями в другой огромный мир?.. Меня – нисколько.

Кстати, невольно слышишь рядом чей-то говор – далеко не

только московский, и всякий раз в это время приходят на ум слова, будто бы рядом находящейся Марины Цветаевой:

— Москва! — Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Как-то десятилетняя внучка Лерочка спросила:

— А почему «бездомный»? Разве у нас все бездомные?

— Видишь ли..., — сказала я ей, — речь идет не об отсутствии крыши над головой, а о духовном сиротстве. Вот, например, тебе же хочется узнать что-то новое, увидеть красивое?

— Да...

— А без нового, красивого и интересного ты, твоя душа, и будет сирота. Согласна?

Цветаева любила Москву и в своих стихах прославляла ее. Как мы знаем, отец Марины Ивановны, общественный деятель, профессор Московского университета, Иван Владимирович Цветаев — основатель музея. Он вкладывал в него душу, все свободное время и не только! И материальные ценности тоже. Музею подарены три библиотеки семьи Цветаевых: деда, матери и самого Ивана Владимировича.

Когда бываешь на концерте в ГММИ им. А.С. Пушкина или гуляешь в его городке, хочется добрым словом помянуть уникального человека — Ирину Александровну Антонову, бессменного, аж 75 лет, директора музея! Как вам эта цифра?

И за эти годы Москва насытилась и накормила всю страну (конечно, желающих) искусством Тициана и Рафаэля, Матисса и Клода Моне, Модильяни и Пикассо... Не могу не вспомнить две потрясающих выставки в ГМИИ, которые буквально произвели фурор! В 1973 году в музее впервые представили выставку «Сокровища гробницы Тутанхамона», а в 1987 — работы Марка Шагала к 100-летию со дня рождения художника. Ирина Александровна и сама была красива: и статью, и лицом, и мыслями... Мне посчастливилось увидеть ее близко: побывать на ее пресс-конференции. На мой взгляд, она заслуживает памятника в нашей столице, как и И.В. Цветаев. Ему есть памятник в Тарусе, а мне кажется, что и в любимой Москве достойное место нашлось бы.

А сколько интересных и буквально незабываемых людей заходило к нам в редакцию! О которых мы рассказы-

вали в очерках, беседах, интервью. А когда мы пригласили Маргариту Терехову по поводу совместной акции «Возрождение», возникшей в связи с необходимостью «вливать свежую кровь в культуру», то и выдавшим виды журналистам было интересно убедиться, что есть не просто актеры, а актеры-мыслители, много читающие и много размышлявшие. К таковым относится Маргарита Борисовна. Подобранный ею цикл стихов разных поэтов о Москве читался ею в разных уголках России, и был встречен на «ура» зрителями.

Наша редакция находилась на ул. 25-го Октября, бывшей Никольской улице, а ныне вновь Никольской. Возле бывшей и весьма известной не только в богемных кругах столицы, гостиницы, а потом и ресторана «Славянский базар». За завтраком, переходившим в обед, там любители засиживаться купцы разных мастей. Под фирменные блюда, как томленные в печи телячьи мозги на горбушечке черного хлеба, здесь совершались сделки, подписывались договора. Кстати, К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко именно там после многочасовых бесед, не без сугубо русской закуски под коньячок из фирменного графинчика с журавлями, создали ставшую знаменитой концепцию классического русского театра, что и сподвигло их на создание впоследствии прославленного Московского художественного театра.

Приятно ли работать рядом с Красной площадью-матушкой и Кремлем-батюшкой? Так любил говаривать один из наших авторов. Если без шуток, то, конечно, и приятно, и интересно. Когда видишь ежедневно эдакую красоту и величавость храмов, памятников, естественно, переполняет чувство гордости за столицу, которую иначе, как со словом «Родина» и не олицетворяешь... Пошел налево: всем известный памятник Минину и Пожарскому, два шага вниз – и ты на Театральной площади с ее знаменитейшими театрами – Большим и Малым, а слева вверху осталась Лубянка, но мы уже бежим вниз по Кузнецкому мосту... Одним словом, центр столицы у тебя на ладони! Другое дело, что «ладонь» рассматривать некогда. Репортажи и очерки сдавать надо, ведь газета ждать не может – она штука прожорливая...

Возглавлял в ту пору наш отдел культуры, призванный прославлять родную столицу, информируя читателей о происходящих вокруг изменениях – в лучшую (и не только) сторону, журналист со стажем, ныне покоящийся в московской земле, Генрих Францевич Туронок.

Руководящий принцип Генриха Францевича, кстати, описанный Сергеем Довлатовым в книге «Компромисс»,

в свойственной ему ироничной манере, был таков: чего сидим? А история без нас твориться будет? Быстро, все, кто куда горазд! Мне он дал задание бежать (именно – бежать) на угол Никольской улицы к Историческому музею, мол, вот-вот там начнется важное действие – открытие и освящение Собора иконы Казанской Божией матери... И я пулей вылетела. Как сейчас помню, это была ранняя весна 1993 года, я на ходу надеваю плащ, и только по взглядам прохожих понимаю, что в моем облике что-то не так... И тут я понимаю, что надела плащ вместе с вешалкой-плечиками. Изъяв ее на ходу, и водрузив на подоконник первого этажа редакции, я ускоряю шаг... И, таким образом, успеваю!

Храм, освященный в честь Казанской иконы Божией матери, был построен на Красной площади во 2-ой четверти 17 века в благодарность за избавление России от польско-литовских захватчиков в 1612 году. И в память о погибших в этой войне русских воинов. Снесен он был в 1936 году во время реконструкции на Манежной площади.

Надо отметить, что Казанская икона Божией матери – одна из самых чтимых в Москве – городе, мною бесконечно любимом, и этот факт не может не греть мою душу, как и души тысяч москвичей. В страшное для России смутное время патриарх Гермоген (в прошлом казанский священник Ермолай) возглавил борьбу за сохранение русской государственности и был идейным вдохновителем русского ополчения. Моримый поляками голодом в Чудове монастыре, он до последнего вздоха отказывался благословить интервентов. Именно по его приказу на помощь защитникам России из Казани была доставлена недавно обретенная икона Божией Матери.

В марте 1612 года ее встретили в Ярославле русские ополченцы под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского и отправились с ней в освободительный поход на Москву. После длительной осады Китай-города было решено брать его штурмом, и перед Казанской иконой отслужили молебен. А через пять дней поляки, замученные голодом в Кремле, позорно сдались.

Вот почему ноги сами несут меня в Китай-город; вот почему хочется гулять по его улочкам, памятуя о преданиях старины далекой, заглядывая в каждый уголок... А таких мест в Москве великое множество! Как сказал Варлам Шаламов, в лагере на Колыме его спасали воспоминания: Китай-город, Никитские ворота, окрестности Новодевичьего монастыря... Список можно продолжать почти до бесконечия....

Нина Александровна Яровая, 72 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТЕПЛЫЙ СТАН

Универмаг «Москва» уже не тот, что прежде. Не выстраиваются очереди с первого этажа до четвертого, нет того трепета, который был при получении желанной покупки. Мы мечтали купить...(не купить, а достать – поправляет меня моя память). Но кроме мещанских интересов, были и высокие мечты – достать билеты в театр, на концерт... Мы любили ходить в театр и на концерты. А как слушали стихи! Не просто со вниманием, а с придыханием. Учили их наизусть, переписывали, дарили друг другу. Книжки, в том числе и поэзию, мы тоже «доставали». Знаменитый Политех!.. Каких поэтов мы тогда слушали!.. Их запрещали, ругали, выгоняли из страны. Кто-то уезжал сам, но мы остались. Остались те, в ком сохранился дух того времени, память о том, что было хорошего, плохого, и о том, как мы жили. Мы помним выставки художников, на которые выстраивались очереди на километр. Тогда очереди были в моде. Слушали Высоцкого, «Битлз», любили наши советские песни, воспитывались на них...

Я не хочу вспоминать ничего плохого, что было вчера – это время моей молодости, а город Москва – мое прошлое, настоящее и будущее! Я родилась в этом прекрасном городе. До 12 лет жила в кунцевском бараке, потом в коммуналке на улице Профсоюзная, потом на Ленинском проспекте, в Новых Черемушках, а сейчас живу в Теплом Стане – любимом и родном.

В промежутках между этими остановками проходила моя жизнь. Подростковая свобода кунцевского барака превращалась в московский уклад, разные люди, разные улицы, всеми любимые московские дворики, Центр, Кремль... Учеба, замужество, рождение троих сыновей и

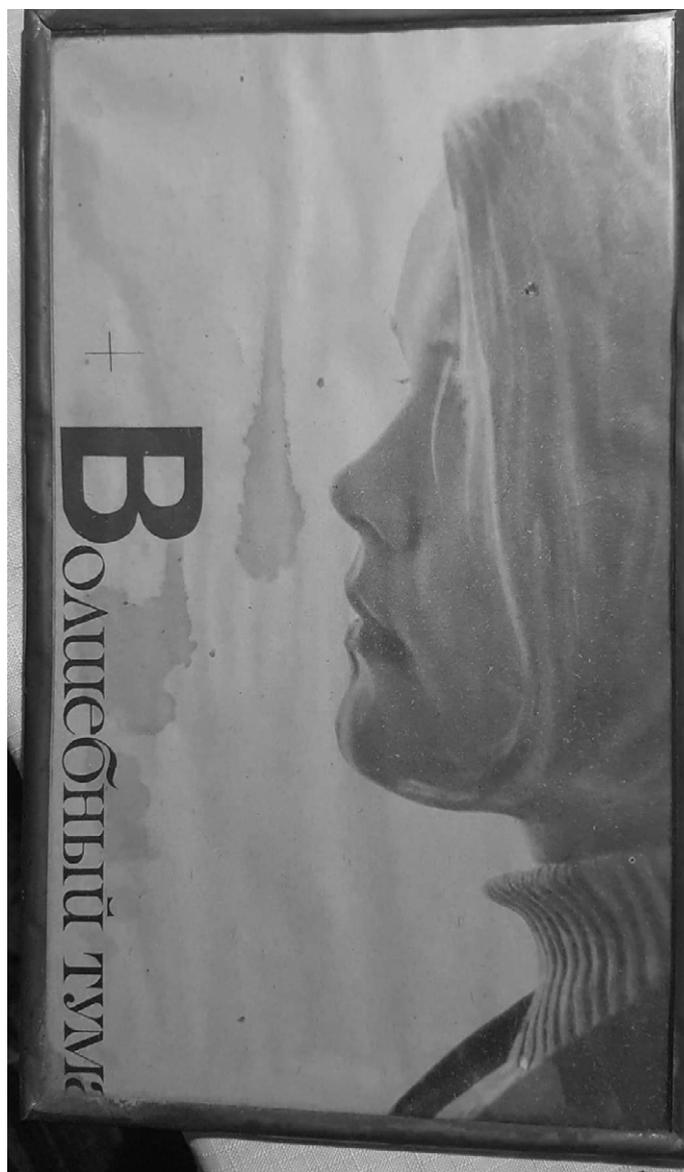
много-много судьбоносных встреч и впечатлений.

Но почему я вспомнила именно универмаг «Москва», который и сейчас стоит на Ленинском проспекте? Каждый раз, проезжая мимо, я вспоминаю необычный случай, произошедший со мной. Однажды я пришла к подруге, которая работала в этом универмаге, и ждала ее у прилавка. Вдруг ко мне подошел человек, который оказался журналистом популярного в то время журнала «Сельская молодежь». Позже он подарил мне журнал, в котором был рассказ «Волшебный туман» с моей фотографией.

Я была в самом начале своего взрослого пути и не думала ни о каком творчестве. Я даже представить себе не могла, что стану писательницей, буду сочинять стихи и песни, рассказы и сказки. И только теперь я вдруг поняла, что это был мой скромный, но судьбоносный дебют. Он стал отправной точкой на моем творческом пути, несмотря на мою неуверенность, упрямство, рутину суеты и паутину сомнений.

И сейчас, перелистывая свои московские воспоминания, я поняла, что судьба всегда связывает человека именно с тем городом, который его полюбит.

Похоже у нас с Москвой взаимная любовь...

Москва акварельная

Тамара Максимовна Дванесова, 71 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТУШИНО

История, основанная на реальных событиях

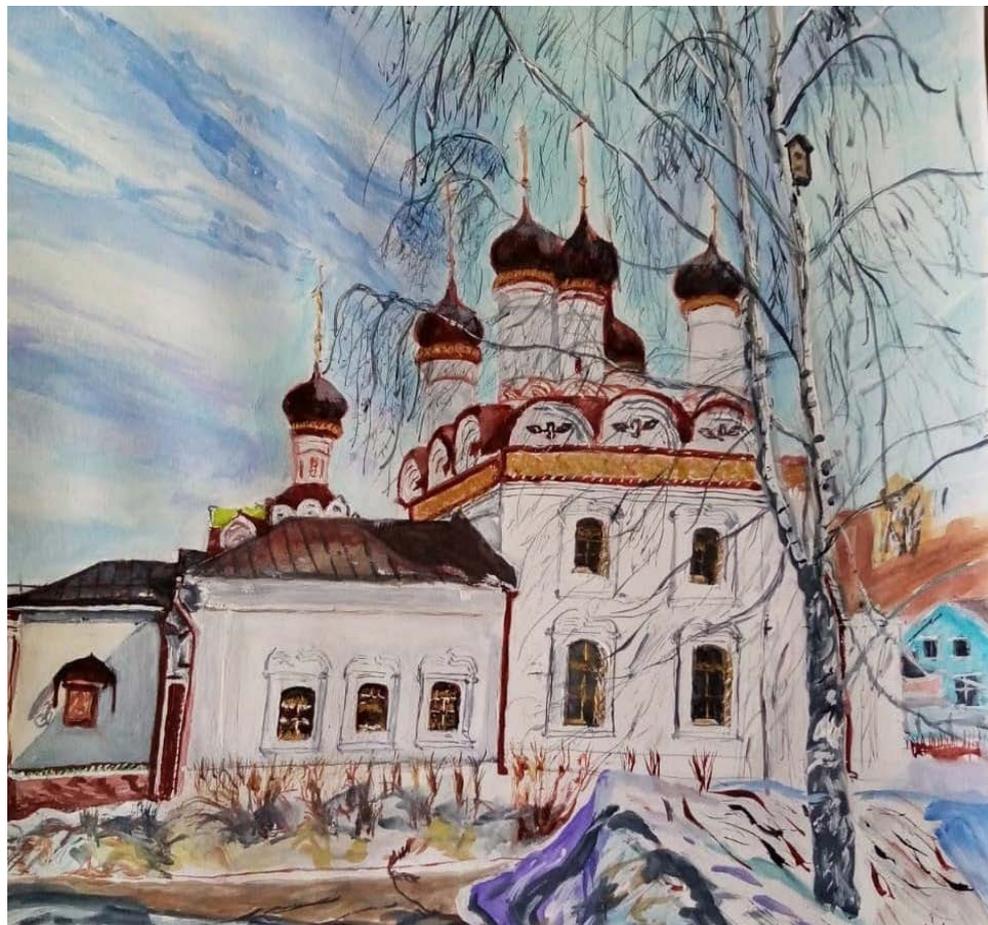
*Восходу солнца радуюсь я снова,
Купаясь в нежности зари,
Я не желаю города иного,
Чем ненаглядный краешек Москвы*

Аннушка проснулась от первых ласковых лучей солнца, еще не назойливых и не жгучих, а только приносящих первое утреннее тепло и нежность. С быстротой лани, если уместно сказать о женщине, которой за семьдесят лет, подбежала к окну и, устремив свой взгляд на отливающие золотом колокола Волоколамской церкви, воскликнула «Доброе утро, Тушино!». С милой улыбкой пробежала она глазами речку Сходню, котлован, сплошь поросший густыми деревьями и кустарниками. От этого каждодневного ритуала на душе становилось спокойно и радостно.

Ведь я живу не в центре, на окраине,
Где сказочная тишь и благодать
И от магического созерцания
Ликует сердце радостью опять.
Блестит река – колечко обручальное,
По кругу в ней вода течет,
Из всех деревьев – ива там печальная
И днем и ночью караул несет.
Вокруг реки шатер деревьев высится,
А кое-где малины дикой сласть.
Как на курорте здесь привольно дышится,
В плен красота берет и в свою власть.
Храм Божий виден за рекою
Волоколамского шоссе
И отблеск куполов с зарею
Играет золотом на воде.

Теперь, правда, последние нескольких лет, она посещает церковь Покрова Святой Богородицы, недалеко от дома. В Храме уютно и спокойно, будто действительно находишься под Святым Покровом.

Срочных дел на сегодняшний день не было, и Аннушке захотелось вернуться в детство, ее полностью захватила ностальгия, и она растворилась в прекрасных воспоминаниях.

Есть такая передача по телевидению: «Ты не поверишь!», так вот Аннушка на самом деле всю свою жизнь проживает в Тушинском районе города Москвы.

Родилась она в 1950 году. Улица Гражданская, теперь ставшая Нелидовской, была ее первым местом жительства, где через дорогу от почты стоял двухэтажный деревянный дом – ее первенец. Под окнами стучали колеса красного трамвая номер 6, с деревянным салоном внутри, что благотворно влияло на девочку, которая веселилась каждый раз наблюдая, как трамвай с грохотом мчался мимо дома, делая круг, а потом гнал в обратную сторону.

Аннушка росла слабенькой по здоровью, прозрачной, худенькой, белокурой девочкой, но не по-возрасту смысленной и трудолюбивой. Полы мыла лет с пяти, а в одиннадцать лет варила щи на керосинке. До маминого прихода с

работы, играя на улице с ребятами в казаки-разбойники, она то и дело спрашивала у прохожих: «Дядь, а сколько время?», а получив ответ, так и не доведя игру до конца, убегала домой на кухню. Со старшим братом ходила в немецкий кинотеатр, напротив дома, а он платил десять копеек, и их пропускали вместе. Почему немецкий? Его строили пленные немцы после войны, и все дома вокруг называли немецким городком. К началу занятий в школе, ее родителям повезло – они переехали на ту же улицу через несколько метров, занимая комнату только с одними соседями. В школу номер 6 по улице Пионерской, теперь Фабрициуса, ходила самостоятельно, волоча портфель по земле, так как в классе занимала последнее или предпоследнее место по росту. Рядом со школой длинной серой змейкой громоздились бараки. Прямо с первых дней учебы пользовалась симпатией одноклассника, который провожал ее до дома, «по-джентельменски» носил ее учебники. Мыться ходили в баню на улицу Вишневая. Путь был неблизким – вдоль Гражданской, Пионерской, потом через Западный мост вдоль канала. Аннушка не любила ходить в баню, для нее там было шумно, а главное душно, но приходилось соглашаться, ведь после мытья на выходе мама каждый раз покупала стаканчик двойного сиропа. Когда Аннушка пила его мелкими глоточками, то испытывала райское блаженство и наслаждение, вкус помнится до сих пор.

Зимой папа, приходя с работы, брал лыжи и Аннушку с собой, и каждый день ходили они вдоль домов по Гражданке на радио-Маяк. Без взрослых туда ходить запрещалось, и настолько девочка подтянулась в спорте, что когда через месяц были в школе соревнования, она вошла в авангардную группу из пяти человек и среди

сверстников заняла первое место. Вот это было настоящее достижение и успех. Родители очень гордились.

Плавать научилась лет в одиннадцать на Химкинском заливе, где сейчас ухоженный парк «Северное Тушино» с подводной лодкой – музеем. А тогда это место не было огорожено плитами, его называли «Лягушатник», от него ходил речной трамвайчик за пять копеек на противоположную сторону к шпилью Речного вокзала. Научившись плавать, все лето с ребятами бегали на канал имени Москвы, это после Пионерской улицы, ныне Фабрициуса. Один раз на спор переплыла канал в двенадцать лет, но назад бежала по мосту, сил уже не было. Как раз в это время родители получили отдельную квартиру на улице Свободы, так как оба работали на заводе ТМЗ – Тушинский машиностроительный завод. Гулять по прежнему отпускали на улицу Гражданскую во двор, и когда Анне сравнялось семнадцать лет, разрешали праздновать новый год с ночевкой в любимом дворе у подруги Наташи. Родители последней часто уезжали в центр Москвы, предоставив квартиру в распоряжение молодежи. Были приглашены и мальчики, стол накрыт вкусностями, салатом оливье, даже был портвейн 777. Но пили мало, много смеялись, танцевали, пели, а что позволяли себе, так это безобидный поцелуйчик, не более того. То ли было такое воспитание, то ли время, но родители им доверяли, а подростки их не подводили. А празднование нового года во дворе осталось в памяти, как волшебная сказка, чудо, которое не сравнить сейчас ни с какой пальбой петард всю ночь. Тогда было все по-настоящему, искренне, от души, неслыханно весело и охватывало большое количество людей. Гуляли всю ночь. В центре двора стояла большая елка, игрушек было мало, но каждый приносил свою любимую: стеклянный домик, колокольчик, огурец, рыбку, деда мороза или вырезали снежинки из бумаги, конфеты тоже использовали, как украшение.

После раннего замужества Аннушке довелось жить в старом, красном, кирпичном четырехэтажном доме на улице Лодочной. Дом Анны находился между стадионом с одной стороны и парком с каналом имени Москвы с другой. В жару было комфортно прятаться в прохладе деревьев с детской коляской и купаться по очереди в канале с соседкой, также выгуливавшей малыша.

Вся ее жизнь была тесно связана с удивительным и прекрасным районом Тушино. Здесь родилась, окончила школу, техникум, даже успела немного поработать на ТМЗ, выходила замуж, встретила любовь всей своей жизни, бу-

дучи в зрелом возрасте. И сейчас, глядя на густые деревья, заполнившие каньон, вспомнилось, как двадцать пять лет назад спускалась с подругой по тропинкам за ягодами. Набрал трехлитровую банку черной смородины, начали собирать малину. Устав, хотели подняться наверх, как вдруг увидели за кустами крупные, яркие ягоды. Искушение было сильнее усталости, потому, довольные быстро наполнили бидон. Вдруг раздался оглушительный крик Аннушки, она нечаянно рукой задела осиное гнездо, и мгновенно пять острых укусов, как электрический разряд вонзились в лоб, руки и ноги. Она была аллергик со стажем, место укусов не только покраснело, стало разбухать, в горле образовался отек, першение, слезы из глаз лились рекой. Татьяна не растерялась, рывком выволокла подругу из кустов, стала прилеплять на ранки какие-то листики. Это оказался подорожник. Поднявшись наверх, поддерживая листы на местах укусов, дошли до дома.

Путь продолжался пятнадцать минут, на протяжении которого Аннушка еле передвигала ноги и чуть не падала в обморок. Но случилось чудо. За это время боль стихла, а когда подруга сняла листы с ранок, удивилась – не только не осталось покраснения на теле, даже место укуса не везде было заметным. Хорошо иметь подругу, которая лечится не таблетками, а травами.

Тушинский район для нее стал священным, в нем вся она каждой своей клеточкой.

Хорошо у нас в районе,
Много зелени, цветов,
И каналов, водоемов,
Парков, скверов и садов.
И до центра совсем рядом –
Несколько минут езды,
Солнечный Арбат нарядный,
Москвы лучшие дворы.

От неожиданно прозвучавшего звонка, Анна вздрогнула. Это подруга приглашала ее в Братцевский парк погулять, погода к этому располагала. О, усадьба Братцево – это еще одна достопримечательность района. Аннушка любит гулять, ступая по старым, выложенным мелким цветным булыжником, тропинкам.

Тушинский район – это ее счастливая жизнь, наполненная бескрайней красотой, незабываемым детством, бурной молодостью, радостью, многогранной любовью, опорой, гордостью и верностью. Она любила каждый уголок своего района, воспевая его в своих стихах, картинах, бережно относилась к каждому деревцу, кустику, к каждому живому существу, и район платил ей тем же, вселяя нескончаемую радость и жажду жизни!

Я благодарна Богу за расположение
И местожительство в зеленой полосе,
Природе-матери – благодаренье,
Что на российской я живу Земле!

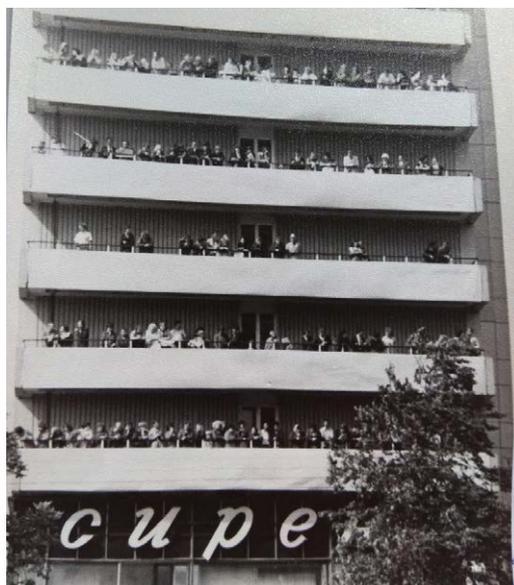
Москва спортивная

Очень хорошо запомнилась Москва времени Олимпиады. Это был настоящий праздник спорта! И так, перенесемся в 19 июля 1980 год, Москва. Открытие XXII Летних Олимпийских Игр. В тот день я специально взяла с собой фотоаппарат «Зенит» и отпросилась с работы пораньше. Тогда мало кто фотографировал, а я очень любила это дело, а запечатлеть Олимпийский огонь, торжественно встречаемый в любимом городе, было для меня важно, волнительно, интересно! Со всех ног я поспешила до Калининского проспекта (ныне Новый Арбат), чтобы заранее занять хорошие места.

Встала напротив кинотеатра «Октябрь» и магазина «Сирень», чтобы быть в первых рядах и сделать снимки на память.

На следующем кадре видно желающих посмотреть это, можно сказать, историческое зрелище, которое запомнилось на всю жизнь.

Москвичи с нетерпением ждали факелоносцев. Те, кто стоял в первых рядах, были счастливыми, народ, который толпился в задних рядах, тщетно пытался что-либо рассмотреть. И вот, наконец, наше ожидание было вознагражде-

но: спортсмены показали! Красивые, молодые, сильные, избранные – лучшие из лучших! Как же я гордилась своей страной и городом!

Очередная группа спортсменов в ожидании передачи эстафеты олимпийского огня.

В мой объектив попали операторы, которые снимали для телевидения. Редкие кадры людей, которые обычно «за кадром».

Факелоносцы с предыдущих этапов направляются к Красной Площади и будут присутствовать в Лужниках на открытии XXII Олимпийских игр.

Следующую фотографию мне посчастливилось сделать совершенно случайно. Эмоционально заряженная увиденным, дошла пешком до Красной площади. Исторический проезд и я в непосредственной близости от спортсменов — факелоносцев! Какая удача и редкий исторический кадр!

Счастливые, молодые, красивые люди на празднике спорта в самом красивом городе – в Москве!

Нужно сказать, что к Олимпиаде Москва похорошела. Город украсили цветами, олимпийской символикой. Заметно опустели улицы, стало меньше машин и людей. Для обеспечения безопасности ограничили въезд иногородних, так что в Москве остались только москвичи и гости Олимпиады.

Построили много спортивных объектов. На месте дерев-

ни Никулино (Юго-Западный округ Москвы) была построена Олимпийская Деревня, на месте деревни Крылатское – Гребной канал. В магазинах появились необычные товары. Мы впервые попробовали Pepsi-cola, продукты в разовых упаковках: маленькие соки, колбасы (у нас было всегда все на развес, а тут продукты в индивидуальной упаковке).

Мы не знали тогда, что это последний праздник такого масштаба, проведенный на территории СССР с участием 15 союзных республик. Через 11 лет нашей страны не станет, а XXII Летние Олимпийские Игры вместе с улетающим мишкой навсегда останутся символом уходящей эпохи великой страны. А в моей памяти воспоминания о тех днях сохранятся такими же яркими, как и пылающий Олимпийский огонь в руках молодых спортсменов.

*Фотографии, представленные в данной работе, из личного архива Кайгородовой Н.В., сделанные фотоаппаратом «Зенит» и напечатанные в домашней лаборатории.

С любовью, специально для проекта «В памяти моей Москва».

Валерий Васильевич Толкачев, 67 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ЗЯБЛИКОВО

О любимой Москве у меня много теплых воспоминаний. Хочу поделиться с вами одним из них. На этой фотографии я на утреннем инструктаже в составе специальной добровольческой группы Организационного комитета «Олимпиада-80» в Москве. Мы выполняли важные задачи по встрече, сопровождению и размещению в гостиницах приезжающих групп гостей как из разных городов СССР, так и из иностранных государств. Мы обеспечивали комфорт и безопасность гостей на первом этапе их пребывания в столице. От нас требовались приветливость, сдержанность, умение быстро реагировать на всевозможные нештатные ситуации.

На Вагонном участке Центрального направления Московской железной дороги, где я работал, за полгода до проведения

игр начали выбирать молодых людей до 30 лет по определенным критериям. Так я попал в этот отряд – отряд волонтеров. Было мне тогда всего 26 лет, я был комсомольским активистом, женат и воспитывал двух детей.

Каждый день в 8:00 мы собирались на инструктаж на Дербеневской набережной, где нас распределяли по конкретным группам приезжающих и адресам их размещения. Сейчас есть целые волонтерские организации, которые встречают и сопровождают гостей на спортивных мероприятиях, а тогда это делали мы – простые, но надежные ребята, в специальной, очень удобной форме с олимпийскими шевронами на плече и груди, с аккуратными прическами и с полным осознанием серьезности нашей работы. Мы были одними из первых людей, которых увидели олимпийские гости в столице.

Я до сих пор с большой гордостью вспоминаю этот этап своей жизни. Востребованность, ощущение важности своей работы, удовлетворение от того, что все прошло безупречно – вот что приятно вспоминать и о чем рассказывать своим детям и внукам!

Москва, развивайся и продолжай хорошеть с каждым днем! А твои благодарные жители будут хранить в своей памяти все самые лучшие моменты!

Москва православная

Ирина Алексеевна Цубукова, 65 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ВОСТОЧНОЕ ИЗМАЙЛОВО

Мне часто снятся по ночам
Родные улицы Москвы,
Скучаю по ее дворам.
И переулкам вековым.

Семь поколений москвичей
Семьи моей здесь в прошлом жили,
Растили, нянчили детей,
Учились, мучались, любили.

На Левшинском и на Волхонке
Стоят дома, где жил мой дед,
А там вон ездил он на конке,
Здесь бегал в университет.

А как колокола звучали
В старинных храмах и церквях,
Людей к молитве призывали
Илья Обыденный, Антипа, Похвала, Никола
в Плотниках и Спас в Песках...*

Наверно, хорошо, что прадед не дожил
До тех времен, когда в Москве взрывали
И Храм Христа, и храм, где он служил**,
Когда все рушилось, и связь времен прервали.

Как трудно было вам, родные старички,
Все пережить: и слезы, и потери,
И все же продолжать свою Москву любить,
Рассказывать о ней и твердо верить,

Что Храм Спасителя воздвигнут в месте том,
Где плавало все наше поколение***,
Что улиц имена вернутся, и потом
В церквях продолжатся богослуженья.

Спасибо предкам за любовь к Москве,
За то, что память сердца сохранили.
Горжусь, что с вами я в родстве,
Что время вас, невзгоды не сломили.

Я помню каждый закоулочек,
Рассказ про Черторый речонку
И вас, Остожья переулочки,
Арбат, Чертолье и Волхонку.

И вспоминаю я свою Москву.
Спешит троллейбус по Арбату,
Скорей него к метро я добегу,
Чтоб в школе быть к восьми, – там ждут ребята.

А вот гуляем с Тошей по дворам.
Мы с ним все закоулки знали
В Зачатьевском, у Власия****, где был разрушен храм...
Там запустенье, там с собаками пускали.

На Гоголевском, не раз бывало,
Признанья слушала поклонников своих,
По Вражку Сивцеву бродили мы немало,
Сидеть любили на скамейках городских.

Училась я уже не там, где дед, –
На Воробьевых, не на Моховой.
Но Gaudeamus нами тоже был воспет
С надеждой в будущее, верой и мечтой.

Мой юности и детства край!
Люблю тебя я верною любовью.
Всегда казалось мне, что это рай!
(Теперь за городом креплю свое здоровье...)

И хочется мне очень передать
Свою любовь к твоим, Москва, просторам
Потомкам нашим, чтобы снова созидать,
Чтоб ты всегда ласкала наши взоры!

** Из перечисленных храмов, к сожалению, не сохранились церковь Похвалы Богородицы в Башмакове и церковь Николая*

Чудотворца в Плотниковом переулке.

*** Протоиерей Николай Константинович Лебедев служил настоятелем храма Благовещения на Житном дворе в Кремле. Храм не сохранился.*

**** Имеется в виду бассейн «Москва», сооруженный на месте взорванного Храма Христа Спасителя.*

***** Ныне восстановленные Зачатьевский женский монастырь на Остоженке и церковь священномученика Власия, расположенная между Большим и Малым Власьевскими переулками.*

Москва

поэтическая

Наталья Георгиевна Пазельская, 82 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БИРЮЛЕВО ЗАПАДНОЕ

Я коренная москвичка. Старую Москву помню прекрасно: как ходил трамвай мимо Большого театра, на Охотном ряду стояли деревянные магазинчики, на месте Детского мира был Лубянский пассаж. Метрополитен носил имя Лазаря Кагановича до 1955 года, станция метро «Кропоткинская» называлась «Дворец советов».

Воспоминания о старой Москве заняли бы не одну страницу, но в моем стихотворении «От памяти нам никуда не деться» описана именно старая Москва в послевоенные годы.

Я снова посетила переулок,
Где юность наша школьная прошла,
Из старых лип аллея для прогулок,
Наивных – от угла и до угла.
Простые деревянные домишки
Без всяких там лепнины и колонн,
Где целовались голуби на крышах,
Под дальний колокольный перезвон.
А во дворах – сараи кособоко,
И в «чижика» играла детвора,
В углу росла береза одиноко,
В войну не спиленная на дрова.
Ворота на одной петле болтались,
Жил во дворе лохматый пес – Дружок,
Квартиры, даже если запирались,
Ключи мы клали под половичок.
По выходным на танцы мы бежали
В известный всей округе уголок,
Слов «дискотека» мы тогда не знали,
Он назывался просто «пяточок».
Тамарка, зазнаваясь от вниманья,
Нам выносила старый патефон,
Топтались, пыль нещадно поднимая,
Мы под «Цветущий май» и вальс-бостон.

Конечно, не хватало кавалеров,
И девочки, шутя и веселясь,
Подросшего нескладного Валеру
Охотно танцевать учили вальс.
Крутились довоенные пластинки,
Плыл сладкий запах от цветущих лип,
И нежность, тонкая, как паутинка,
Томилась, нерастраченная, в них.
А в городе так много инвалидов
На деревяшках или костылях,
И радости на лицах их не видно,
Хотя вся грудь в военных орденах.
Они страну родную защищали,
Себя в боях суровых не щадя,
Так что ж им по заслугам не воздали?
Где помощь от великого вождя?
Мне память возвращает понемногу
Тяжелый тот послевоенный быт,
Но были все ж мы счастливы, ей-богу!
Хоть голод-холод-страх не позабыт.
Мы без войны детей своих растили,
Пусть не узнает среди них никто,
Как раз в неделю в баню мы ходили,
Что значит «перелицевать» пальто.
Про тесноту на кухне в коммуналке,
Где плыл от керосинок едкий чад,
На ужин две картофелины жалких,
И мамин виноватый грустный взгляд.
Как сайка стоила лишь пять копеек,
А не было в кармане пяточка,
Но дружбу мы ценили выше денег,
Любовь была чиста и глубока.
Мы Родину любили беззаветно,
И не хотели никакой другой,
Уверенные, что она ответно
Нас защитит от нечисти любой.
Давно все в переулке изменилось,
Стоят многоэтажные дома,
Но нет в них красоты, одна красивость,
Не чувствуешь душевного тепла.
От памяти нам никуда не деться,
Пускай десятилетия пронеслись.
И я иду по переулку детства,
Как будто снова проживаю жизнь.

Софья Федоровна Вето, 74 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
СОКОЛИНАЯ ГОРА

КАК Я ПОЛЮБИЛА МОСКВУ (Музыка в камне)

*Я влюблена в десюдепорт,
Люкарну, бельведер и эркер.
Не прерывается аккорд
Из музыкальной табакерки.
Надменный полонез аркад,
Неутомимый марш балясин...
Вверху кокошников каскад
Кружится в русском переплясе,
Внизу торжественный портал
Поет кантату баритоном,
И город, как органнй зал,
Призывным радуется звонам.*

Архитектурные сокровища не хранятся в запасниках, они все до единого доступны взору как любопытного, так и безразличного прохожего. Но нам не до них, мы бежим, торопимся, мысли наши где-то там, впереди, в офисах, магазинах и бог знает еще где. Наши взгляды, устремленные вперед, смотрят на здания лишь как на ориентиры: через три дома повернуть налево, далее, два пройти мимо, и ты у возделенного порога какого-нибудь убогого строения.

Невозможно по-настоящему полюбить человека, не зная ничего о нем и не желая понять его. Также и города, как люди, имеют свое лицо и свою биографию, и тоже достойны любви. Но я, как и многие, была до поры, до времени слепой.

Я родилась в Иркутске, выросла в подмосковном Красногорске, а училась, вышла замуж, работала и живу по сей день в Москве. Думаю, что, если бы меня на службе много лет назад не уговорили посетить цикл автобусных экскурсий по Москве с целью познакомиться с ее архитектурными памятниками,

город был бы для меня всего лишь местом существования. Я хорошо ориентировалась лишь в тех районах, где училась, жила и работала. И, вдруг, выясняется, что среди типовых современных домов то там, то здесь скромно прячется неопиcуемая красота, но ее почти никто не ищет.

Вначале я села в экскурсионный автобус, ничего особенного, не ожидая от поездки. Но, как только за одним из поворотов автобус остановился, и перед нами представило чудо, я поняла, что совсем не знаю город, в котором живу, и мне стало стыдно. В течение пяти поездок ручку и блокнот не выпускала из рук, записывая наскоро все, что говорил экскурсовод, чтобы потом по обрывкам слов восстановить в памяти все, что увидела.

Шатровая церковь Вознесения Господня в Коломенском, расположенная на высоком берегу перед обширным ландшафтом за Москвой рекой, похожая на огромный космический корабль, будто готовится к полету. А миниатюрная трехшатровая церквушка Рождества Богородицы, что в Путинках, наоборот, сдавленная со всех сторон каменными громадами, скромно и смиренно служит местным прихожанам. Узорочье Троицкой церкви в Никитниках, как отшельница, стоит в маленьком безлюдном дворике неподалеку от храма Василия Блаженного, без провожатого на нее наткнуться невозможно, история же ее и красота не оставили бы равнодушным ни одного человека. То ли дело, коронованное красно-белое нарышкинское барокко Новодевичьего монастыря или Бирюзовый дворец-комод Трубецких на Покровке, я уже не говорю о жемчужине Шехтеля в стиле модерн на Малой Никитской. А имена людей, связанных с этими неизменными стражами и свидетелями минувших веков? Или происхождение упомянутых названий Путинки, Никитники, Покровка, Малая Никитская и Нарышкинское барокко?

Всего пять дней понадобилось, чтобы мы с Москвой доверились друг другу. Старинный город перед восторженной женщиной радушно распротер свои объятия, я прислонилась к его груди и услышала биение огромного и немного усталого сердца.

Ирина Николаевна Дверина, 71 год

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
ТАГАНСКИЙ

У меня есть замечательные подруги, с которыми я иду по жизни. Две из них – Ольга и Татьяна – с первого курса МОПИ имени Н.К. Крупской, а три – Ольга, Ирина и Ольга – с места работы (школа № 415 на улице Красноказарменная).

Меня связывает с ними настоящая дружба: более 40 лет! Говорят, друг настоящий только один. А у меня их пять. И это не пустые слова. Они – учителя! Лучшие в городе!

Дружба... Что такое дружба?! Это не только времяпровождение и радость от общения, но и любая помощь близким и дорогим мне людям.

Мои «девочки», как и я, живут в Москве. Москва! Как много в этом звуке... Именно она подарила мне этих замечательных подруг, с которыми можно пойти в кино, в театр, погулять по старым улочкам нашего любимого города, отдохнуть в парке. Но это, пожалуй, не главное. Настоящие друзья – это те, кто

сможет поддержать вас в трудную минуту и помочь в беде или в радости. Это как раз они мои «девочки». Нам уже 71-72 года. Но мы оптимисты и продолжаем вести активный образ жизни. С ними я испытываю душевную связь и искренность, потому что я могу поделиться самым сокровенным, зная, что они будут хранить мои секреты.

Между нами нет зависти, соперничества. Нам не важен статус, положение, деньги. Мы можем высказать в глаза всю горькую правду, быть честными, бескорыстными. А это дорогого стоит!

Мои подруги – прекрасные мамы. Их дети вносят большой вклад в процветание нашего города. Они – лучшие бабушки в мире! Продолжают дарить свои знания внукам, заряжать их позитивом.

Как здорово, что есть такие подруги! Они всегда и везде готовы быть рядом. Я посвящаю им эти строчки:

Будьте счастливы, мои родные!
Хранит вас пусть Господь!
Пусть отведет беду от близких и от дома,
Ведь дружбу никому не расколоть.
На свете нет надежнее заслона.

Я благодарна своей судьбе, что именно мой любимый город Москва подарил мне такое счастье встретить настоящих друзей:

Этот город огромный и шумный,
Дорожащий мгновеньем, секундой,
С суетой и весельем, с тоскою,
Этот город зовется Москвою.

Этот город зовется Москвою.
В нем живут очень разные люди,
Пусть их солнце под утро разбудит.
Они ссорятся, любят и плачут,
Невозможно представить иначе.
И живет человек, это точно!
Мы знакомы совсем не заочно.
Он живет полноводной рекою,
С добрым сердцем и тонкой рукою.
Он ладонями ловит снежинки,
Смотрит в мир сквозь разбитые льдинки,
Видит гроздь морозной рябины,
И метро, и такси, и витрины.
Улыбается утру, рассвету,
Редко следует чьим-то советам.
И шагает под ливнем весенним,
Поднимает лист клена осенний.
А когда посетят неудачи,
То он, может быть, даже и плачет,
Лбом прижавшись к стеклу, долго видит
Дождь в слезах: он в такой же обиде.
Каждым вечером моет посуду
Или лечит вдруг чью-то простуду,
Иль ругает погоду, ненастье,
Иль сжимает гвоздики от счастья.
Ничего нам о том неизвестно.
Ничегошеньки... Честно-пречестно.
Человек этот женщина, верно,
И мы видим ее ежедневно.
Кто ваятель, что так увлеченно
Создал образ прекрасный, точеный?
Жар огня и вина терпкий привкус
И печаль, словно в песне неблизкой.
Мы не знаем ее... Это точно.
Хоть знакомы с ней не заочно.
Пусть в минуты ее напасти
Сохрани ее, Боже, дай счастья!

Елена Александровна Попова, 67 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
БЕСКУДНИКОВО

Сейчас даже трудно поверить, что люди могли радоваться комнате в коммунальной квартире, в которую заселяли семьи из трех-четырех человек, а порой и из пяти. А в это время радовались, да еще какой безграничной была эта радость!

После войны парни и девушки возвращались с фронта домой. У кого-то он был, а в большинстве своем его не было. Деревни и села были разгромлены и сожжены, люди шли работать на фабрики и заводы, оседали в городах. Вот и мои родители пошли работать на завод, жили в семейном общежитии. Но вдруг (о, радость!) родители получили ордер на комнату в коммунальной квартире. Вокруг нас все завидовали: во-первых, квартира была из трех комнат – значит соседствовать будут всего три семьи (в то время как коммуналки были из пяти и более комнат), во-вторых – дом был кирпичный, значит теплый. «Сталинский» – так называли такие дома. Потолок был высокий, и в комнате был балкон – такая по тем временам роскошь!

Коммуналки – это образ жизни, это целая эпоха! Такой сплоченности, взаимопомощи и взаимовыручки я уже больше никогда в жизни не встречала. Навсегда остались в памяти наши совместные праздники на большой кухне после демонстраций или в новогоднюю ночь. Все вместе переживали горе, когда погиб на стройке соседский мальчик. Все взрослые ходили с заплаканными, потухшими глазами. Мы, дети, позже стали понимать, что самое большое горе потерять близких и друзей. Но время шло, и вот мы уже всей квартирой дружно радуемся, что соседская Наташка, засидевшаяся «в девках» (так говорили взрослые), вышла замуж. Наряжали Наташку и собирали свадебный стол всей большой семьей, в которую влился новый человек. Все это навсегда осталось в памяти живыми картинками детства.

Когда я серьезно стала заниматься поэзией, то оживила свои воспоминания в стихотворении «Сталинский дом». Три года назад захотелось увидеть свой дом детства.

Пройти в подъезд возможности не было: стояла массивная железная дверь, висела видеокамера. Разговорившись с сидевшей на лавочке женщиной, я узнала, что все квартиры давно расселены и проданы. И живут в них люди далеко не бедные, только сейчас никто почему-то между собой не общается... Раньше было больше живого общения, а сейчас больше виртуального. Все стало по-другому. И современных людей это явно устраивает. Таковы современные нравы. Другое поколение. Это веяние уже другой жизни. Может быть это все к лучшему? Не знаю...

Сталинский дом

Сталинский дом на Писцовой,
Пара ступенек в подъезд,
Был в те года образцовым...
Эх, сколько минуло лет!
Были в нем сплошь коммуналки,
По две. где – третья семья,
Кухню делили хозяйки:
Выпечка в праздник своя!
Что тут лукавить – разборки
Тоже случались порой,
Только, забыв злые «терки»,
В горе стояли стеной.
Канул без сожаления
В лету общественный быт,
Нынче с другим поколеньем
Дом приобрел новый вид.
Куплены в доме квартиры,
В каждую – евроремонт!
Деньги большие вложили
Люд там богатый живет.
Камеры глаз потаенный
Держит в прицеле крыльцо,
Двери железом каленым
Холодом дышат в лицо.
Псы здесь бойцовского круга,
Каждый натаскан, силен.
Их же владельцы друг друга
Даже не знают имен.
Канул теперь без сомненья,
В лету общественный быт...
Вместе с собой, к сожаленью,
Души забрать норовит.

Любовь Константиновна Исаева, 63 года

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
НАГАТИНСКИЙ ЗАТОН

Всю жизнь прожила на Кутузовском проспекте, где окна моей комнаты выходили на Поклонную гору. Много я видела интересных и красивых мест в своей жизни, но любимым остается одно – Поклонка (так сокращенно мы всегда называли ее).

Моя Поклонка

В детстве я лишь смотрела
На низкий горы поклон.
Тогда мне не было дела,
Кому предназначен он.

Пред кем головой склонилась,
Смиренно встав на колени.
В морозную ночь явилось
Нежданное откровенье.

Гора поклонилась городу,
Церквей куполам златым,
Тому, кто свою молодость
Отдал за Отечества дым.

Всем тем, кто верил и верует,
Что жизнь не дается зря,
Кто Божьим Законам следует,
В душе их всегда храня.

И стало до боли ясно мне,
Как дорог безмерно он,
Живущий в моей памяти,
Щемящий горы поклон.

К огромному сожалению, от Поклонки моего детства остался один маленький кусочек. А мой дом как стоял, так и стоит: красивый, стройный и бесконечно любимый..

Вера Петровна Дмитриева, 75 лет

ПОБЕДИТЕЛЬ НОМИНАЦИИ
СТРОГИНО

Я родилась в 1946 году на железнодорожной станции Алабино, когда мама ехала домой на Арбат из Наро-Фоминских военных лагерей, где вместе с отцом после войны работала вольнонаемной. Так и началась моя непростая, интересная линия жизни, пересечение которой я черчу и прописываю и по сей день, ведь по образованию я архитектор.

В 6 классе начала писать стихи и пишу их всю свою жизнь. В институте, будучи ответственной за газету, окончила факультет журналистики Института марксизма-ленинизма с отличием. А в 1968 году началась история моего вдохновения, моей любви и моей семьи, в которой написано множество стихов и произведений.

Я член Союза писателей России, мои стихи публиковались во многих газетах, журналах, коллективных сборниках, альманахах поэзии.

Сейчас на пенсии, активно занимаюсь общественной работой и участвую в жизни «Моего социального центра», в рамках наших встреч, делюсь своими произведениями.

Вот одно из моих любимых:

Родина

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре?
Родина берет свое начало
С родинки у мамы на груди,
С песни, что баюкала, качала,
Обещая сказку впереди.
Родина с картинки не начнется.
Только очень близкий человек
К сердцу этим словом прикоснется
И заставит полюбить навек.

Это бесконечное пространство
Знойной степи и седой тайги, или город.
Так надрывно, страстно
Полюбить с неистовством таким,
Что другие дивные владенья,
Где звучат иные языки,
Где не слышно жаворонка пенья,
И камыш не шепчет у реки,
Не наполнят острой болью душу,
Если больше не увидишь их.
Я люблю и летний жар, и стужу
Только здесь, среди людей родных.
Среди песен грустных и застольных,
Что переплетаются хитро,
Среди храмов, звонов колокольных,
Средь моих попутчиков в метро.
Знаю, я когда-нибудь покину
Временную родину мою,
И она мне перекрестит спину,
Только там, в неведомом краю.
Трудный путь, в конце концов, осилив,
Именем другим не назову
Родину – Небесную Россию,
Дом родной – Небесную Москву.

Команда московских социальных центров выражает искреннюю благодарность всем участникам конкурса мемуаров «В памяти моей Москва».

Теплые и сердечные воспоминания о детстве и юности, о знаковых событиях прошлого века, о буднях и праздниках представлены авторами в виде стихов, прозы, видеофильмов, фотоматериалов и даже в акварелях.

В онлайн-конкурсе приняли участие более 250 москвичей старшего возраста. Их истории любви и дружбы, ярких и трогательных моментов, связанных с Москвой, оценивало жюри, в состав которого вошли руководитель Главархива Москвы Ярослав Онопенко, руководитель ГБУ «Московские социальные центры» Елена Громова и потомственный москвич, лауреат премии «Писатель года», создатель популярного интернет-сообщества «О Москве и москвичах» Дмитрий Кошлаков-Крестовский. В сборник вошли 80 произведений, наиболее ярко передающих атмосферу столицы XX века.

Искренне надеемся, что читатели смогут по достоинству оценить представленные работы, погрузившись в неповторимую атмосферу Москвы на основе непридуманных историй.

Выражаем особую благодарность Дмитрию Кошлакову-Крестовскому, Ярославу Онопенко и команде Главархива Москвы.

Сердечно благодарим УСЗН ЮАО и лично Елену Утунову, Екатерину Шилкину и Анастасию Минашкину за работу над сборником.

Благодарим главных организаторов конкурса – УСЗН ЮЗАО и лично Светлану Титову и команду ГБУ «Московские социальные центры» и лично Елену Громову.

Благодарим команду стажеров проекта «Мой социальный центр» - Антона Кац-Синенко, Екатерину Смирнову, Ксению Харитонову, Оксану Смолину, Елизавету Федосову и Надежду Карпушову за подготовку видеоролика-подарка участникам конкурса [«В памяти моей Москва»](#).

Москва
2021 г.